

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Материалы IV Всесоюзной конференции

(Москва, июнь 1988г.)

Москва 1988

1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

И.С.Гуревич (Ленинград)

БУДДИЗМ И ЯЗЫК: буддийская литература – источник изучения китайского разговорного языка

При исследовании грамматики китайского языка (КЯ) III–V вв. на материале двух групп источников – ранних переводов буддийских сутр и небуддийских памятников того же времени ("Записки о поисках духов" Гань Бао, "Новая книга рассказов о современниках" Лю И-цина, "Записки о лоянских монастырях" Ян Сюань-чжи и др.), мы обратили внимание, что, во-первых, почти все зафиксированные в буддийских текстах грамматические явления не составляют специфики лишь этих текстов, они присущи языку рассматриваемого периода в целом; и во-вторых, наблюдаемые новые грамматические явления в произведениях буддийской литературы представлены более полно, в наиболее "концентрированном" виде. Так, например: 1) если грамматическая категория сохраняется в истории языка на протяжении длительного периода, а меняется лишь ее показатель, то новый показатель гораздо чаще встречается в буддийских текстах, старый же – либо вовсе в них не встречается, либо встречается крайне редко; в небуддийских текстах – картина обратная (ср. употребление заместителей предикатива эр и жань "так; поступать так", показателей буд. вр. дан и цзян и др.); 2) если служебное слово выражает категорию, которой вообще не было в древнекитайском языке (ДКЯ), примером чего может служить ши "есть", то в буддийских текстах именные предложения, образованные с помощью ши, встречаются чаще, чем образованные другими способами, характерными для ДКЯ; в небуддийских источниках наблюдается обратная картина; 3) в случае, когда у служебного слова возникают новые функции или значения (ср. превращение указательного местоимения та "другой" в неопределенно-лич-

ное "кто-то", а затем в личное "он"), то эти последние отмечены почти исключительно в буддийских текстах, в небуддийских же источниках встречаются только старые значения; 4) можно констатировать, что грамматические элементы, обычные для ДКЯ (например, показатель прош.вр. чан), часто встречаются в небуддийских текстах, но их почти нет в переводах буддийских сутр.

Сказанное позволяет заключить, что для периода Ш-У вв. ранние переводы на КЯ буддийских сутр оказались наиболее репрезентативными памятниками, они дают "наилучший" материал для изучения разговорного языка указанного периода. Такое положение объясняется достаточно просто: апологеты буддизма, заинтересованные в привлечении возможно большего числа слушателей, стремились максимально приблизить свою (устную) проповедь к понятному собравшимся разговорному языку.

Грамматические особенности разговорного языка эпохи Тан наиболее полно отражены текстами танских буддийских юлу школы чань (дхьяна), представляющими собой записи проповедей, речей и бесед чаньских монахов. Последние, обсуждая сюжеты, интересные рядовому человеку, старательно избегали номенклатуры буддийской философии, пользовались языком, который был в ежедневном употреблении у простого народа.

Считать чаньские юлу уникальными по степени разговорности языка и по наибольшей концентрации в них элементов грамматики разговорного языка эпохи можно, лишь сопоставив их тексты с другими памятниками того же времени. Под этими "другими" мы подразумеваем в первую очередь и в основном дунхуанские бяньвэнь, языку которых посвящен ряд работ (Цзян Ли-хун, 1959; Ирия Ёситака, 1961; И.Т. Зограф, 1972; Л.Н. Меньшиков, 1984). Отмечая ранее (1975) максимальную близость языка чаньских юлу к разговорному той эпохи, мы фиксировали два момента: во-первых, преобладание в грамматике юлу новокитайских служебных слов над старыми; во-вторых, наличие в танских юлу грамматических явлений, не зафиксированных в древних текстах эпохи, но ставших регулярными в языке последующего сун-юаньского периода (например, местопредикативы чжима и чжебань) и сохраняющихся в современном КЯ: чу как словообразующий элемент, с помощью которого от предикативного корня образуется существительное с отвлеченным значением (цзяньчу "точка зрения, взгляд"; ючу "польза; практика"; гунчу "усилия" и др.), а также как вторая часть некоторых наречий (личу, даочу, суйчу - все со значением

"езде, повсюду").

Из сказанного следует, что для изучения истории разговорного КН Ш-Х вв. произведения буддийской литературы играют особую роль как источники, являющие собой образцы языка, наиболее близкого к разговорному по сравнению с другими памятниками того же периода.

Отмеченная особенность буддийских текстов побудила нас провести сопоставление по степени близости к разговорному языку буддийских и небуддийских бяньвэней, входящих в известный "Сборник бяньвэней из Дуньхуана" (1957).

Для сравнения из каждой группы было взято по несколько произведений (или отрывков), примерно равных по длине. Так, из буддийских просмотрены "Бяньвэнь по Лотосовой сутре" (сокр. БЛС), "Бяньвэнь о Вэймоцзе" (БВ), "Бяньвэнь о Муляне" (БМ) (цитаты из сутр, естественно, не учитывались). Из небуддийских были привлечены "Бяньвэнь об У Цзы-сюе" (У) и "Бяньвэнь о Хань Цинь-ху" (Хань), которые обследовались С.Е.Яхонтовым (1969), а также "Бяньвэнь о Чжан И-чао (И) и "Бяньвэнь о Чжан Хуай-шэне" (Хуай). Данные по двум последним мы объединяем для получения примерно равного объема сравниваемых текстов.

Выбор текстов не случаен: среди небуддийских бяньвэней представлены произведения как на сюжеты, повествующие об исторических событиях древности (об У Цзы-сюе и о Хань Цинь-ху), так и затрагивающие события, происходившие в эпоху Тан (о Чжан И-чао и Чжан Хуай-шэне). События, связанные с именем Чжан И-чао, относятся к 742-755 гг., с Чжан Хуай-шэнем - ко времени сразу после 755 г., так что произведения не могли возникнуть ранее конца УШ-начала IX в.

Результаты сопоставления таковы: для БЛС на 66 древнекитайских служебных слов приходится 45 новокитайских, или 68%; для БМ на 73 древнекитайских - 32 новых, или 43%; для БВ на 74 древнекитайских - 26 новых, или 35%. При этом большая часть древнекитайских слов, отмеченных во всех трех текстах, приходится на такие, которые имеют точные новокитайские (или среднекитайские) эквиваленты, например, старый показатель определения чи вм. нового ди; хэ "что?" вм. шэнь и т.д. Многие новые служебные слова и некоторые конструкции, не вошедшие в список "диагностических", встречаются во всех трех текстах, особенно часто в БЛС. Примерами могут служить на в значении указательного местоимения "тот" и вопросительного "какой?"; шэнь "какой?", дошао "сколько?" вм. цзи "сколько?", конструк-

ции с ба и цзян, вводящие прямое и инструментальное дополнение, еу и емо (в конце предложения), выражающие вопрос и др. В БВ, которая содержит наименьший процент новых служебных слов, входящих в список, при этом неоднократно отмечены конструкции ... ба (цзян)... дай, вопросительное местоимение шэнь, местоимение 3 л. та и т.д. Из небуддийских текстов наименьший процент (11%) новых слов приходится на У, за ней следуют объединенные при подсчете служебных слов тексты И и Хуай (17%). В тексте Хань на 166 древнекитайских слов приходится 127 новых, однако в указанное число новых слов входит 77 употреблений одного слова - бянь "тогда; сразу", таким образом, правильнее считать числом новых не 127, а 50, что составляет 30%. Приведенные статистические выкладки свидетельствуют, что в рассмотренных текстах концентрация новокитайских слов в бьяньвэнях на буддийские сюжеты существенно выше, чем в произведениях небуддийских.

Полученные результаты позволяют высказать предположение, что причину различий в языке разных бьяньвэней по степени близости к разговорному языку эпохи следует искать в языковых различиях источников, к которым восходят сюжеты бьяньвэней. Применительно к буддийским сюжетам таким источником явились сутры, язык ранних переводов которых охарактеризован выше.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод. На протяжении III-X вв. наиболее репрезентативными для исследования разговорного языка оказываются произведения буддийской литературы. Утверждение, что наибольшей близостью к разговорному языку своей эпохи характеризуются произведения буддийской литературы, содержится и в работе П.Хэнана (1911).

И.Т.Зограф (Ленинград)

ВЭНЬЯНЬ И ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Существует представление, что вэньянь - это тот же древнекитайский язык (ДКЯ), может быть, только несколько упрощенный и впитавший в себя те или иные элементы байхуа. Например, авторы книги "Древнекитайский язык" М.В. Крюков и Хуан Шу-ин пишут: "Вэньянь - китайская латынь - был мертвым языком и почти не изменялся на протяжении столетий" (М., 1978, с. 5).

Конечно, в основе вэньяня лежит ДКЯ (точнее, его грамматическая система). Однако это - язык, грамматический строй которого характеризуется и своими, только ему присущими чертами, составляющими его специфику и отсутствующими как в ДКЯ, так и

в байхуа.

Вэньнянь, на котором создавалась обширная литература самого разного характера во все периоды китайской истории, функционировал параллельно с другим литературным языком – байхуа – вплоть до XX в., и это не могло не сказаться на его грамматической системе.¹⁾ В такой ситуации своеобразного двуязычия оба языка – вэньнянь и байхуа – безусловно взаимодействовали между собой и оказывали влияние друг на друга, причем вэньнянь, существовавший только в письменной форме, изменялся по своим особым законам. Таким образом, вэньнянь отнюдь не застывший язык с установившимися раз и навсегда канонами – он подвижен и постоянно претерпевает различные изменения.

Вместе с тем понятие "вэньнянь" оказывается достаточно широким и не вполне определенным, что отражает функциональную неоднородность представляющих его текстов. В частности, вэньнянь художественной и философской литературы более статичен, чем рассматриваемый здесь официальный, или деловой. (Нужно учитывать также, что в любую эпоху могли создаваться произведения и на чистом ДКЧ). Деловой вэньнянь мы анализируем на материале произведений Сунь Ят-сена – его докладов, деклараций, писем, обращений и т.п., относящихся к концу XIX в. и первым двум десятилетиям XX в. Они опубликованы в двухтомнике "Избранные сочинения" ("Сунь Чжун-шань сюаньцзи"), изданном в Пекине в 1956 г. (ниже при примерах даются страница и строка этого издания). Язык этих произведений в целом можно считать типичным для официального вэньняня нового времени, который ниже будет именоваться просто вэньнянь.

Развитие и изменение вэньняня, как свидетельствует наш материал, идет в самых разных направлениях. Прежде всего наблюдается неограниченная грамматическая синонимия, вызванная как сосуществованием в грамматической системе вэньняня форм, присущих

1) Лексика мы здесь не касаемся. Она тоже существенно изменялась по сравнению с древнекитайским состоянием языка не только в позднем вэньняне, но и в средневековом. Как отмечает С.Е. Яхонтов в кн. "Древнекитайский язык", "вэньнянь в средневековой Китае также претерпел значительные изменения – хотя бы уже потому, что вообрал в себя всю позднейшую политическую, научную и техническую терминологию" (1965, с. 7).

разным периодам развития ДКЯ (что отмечают также М.В. Крюков и Хуан Шу-ин) и разным его диалектам, так и свободным проникновением в систему вэньяня форм и конструкций, характерных для байхуа различных эпох. С другой стороны, некоторые служебные слова и конструкции ДКЯ либо вообще перестают употребляться в вэньяне, либо выходят из числа продуктивных. Происходит сужение и упрощение функций отдельных служебных слов ДКЯ, а также процесс их адаптации, когда служебное слово ДКЯ начинает функционировать в вэньяне в сочетании со служебным словом байхуа, уточняющим его значение и т.д.

Все подобные факторы безусловно заслуживают специального изучения, однако главное, на что следует обращать внимание, когда речь идет о вэньяне, это следующие два явления: 1) вызванные самыми разными причинами сдвиги в грамматических значениях служебных слов ДКЯ в процессе их функционирования в вэньяне, восприятие которых затрудняется сохранением неизменной формы таких слов; 2) переосмысление конструкций ДКЯ, при котором исконное их значение либо стирается и полностью заменяется новым, либо оба значения – старое и новое – выступают в вэньяне в параллельном употреблении. Последний случай представляется нам особенно интересным, и на нем мы здесь остановимся, иллюстрируя его конкретным примером.

Морфема ю в вэньяне, как и в ДКЯ, употребляется в качестве предлога и вводит дополнение со значением исходного момента или исходного пункта действия (движения); дополнение с предлогом ю может отделяться от глагола-сказуемого посредством служебного слова эр, например: Най ю синли цзянчу мима " [Я] вытащил из багажа шифр" (183, 8); ... Ю цзай янь и ши гуань чжи... "Если взглянуть со стороны разведения опиума..." (17, 23); Гу нэн ю цаомэй эр цзинь вэньмин, ю вэньмин эр цзинь юй кэске "Поэтому [там] смогли от дикости перейти к цивилизации, а от цивилизации перейти к [расцвету] наук" (146, 2).

Как и в ДКЯ, предлог ю может вводить также включенное предложение со значением причины (между включенным и включающим предложениями возможен союз эр): ... Хоу ю цзай Мэй-чжи гэмин тунчжи гучуй шу нянь, эр хун мэнь-чжи чжун най ши чжи... "Впоследствии только благодаря тому, что наши единомышленники, проживавшие в Америке, в течение ряда лет вели агитацию, члены общества "Хуньу" узнали..." (171, 20).

Со значением ю как показателя источника действия связано

использование его в вэньяне перед названием субъекта действия в пассивной конструкции: предлог ю вводит субъект действия и вместе с ним предшествует глаголу-сказуемому; имя со значением субъекта в данном случае никогда не опускается; конструкция имеет вид: объект - ю - субъект - предикат. Примеры: Дацзунтун ю го минь гунцзюй "Президент избирается гражданами страны" (69, 9); Дифан ихуй иоань цзи дифан синчжэн гуань, цзе ю жэньминь сваньцзюй "Члены местных учреждений парламентского типа и чиновники местной администрации избираются народом" (70, 3); Жан ю Би го цзаочэн "Она все равно была построена бельгийцами" (88, 4).

В некоторых случаях, когда объект действия дублируется местоимением чжи, стоящим после глагола-сказуемого, предлог ю представляется избыточным. Возможно, такие случаи как раз и демонстрируют постепенное переосмысление рассматриваемой древнекитайской конструкции и преобразования ее в упомянутую выше модель пассивного предложения. Примеры: Ци цзыгэ цзе ю каоши-вань дин чжи "Их квалификация определяется экзаменационной палатой" (151, 13); Ци сваньши дянъли, бэнь ю чжэнфу чжисин чжи "Эта церемония присяги, собственно говоря, должна проводиться государством" (161, 11).

В вэньяне встречается, кроме того, смешанный вариант пассивной конструкции с предлогом ю, в котором перед глаголом-сказуемым присутствует еще и служебное слово со (по аналогии с конструкцией вэй... со, широко употребительной в вэньяне), например: Ю Сыми ши со дапо "[Эта закономерность] была раскрыта Адамом Смитом" (125, 11); Ице цзии цзе ю вэйшэнью со чжи "Все болезни вызываются микробами" (137, 2); Хуанжэи цзе ю вэньцзы со чуаньжань "Желтая лихорадка переносится москитами" (137, 3).

В заключение еще раз подчеркнем, что изменения в грамматической системе вэньяна происходят постоянно, но они не лежат на поверхности и нередко ускользают от внимания исследователей, провоцируя отождествление вэньяна с ДКЯ. Именно это делает вэньянь самым трудным для понимания вариантом китайского языка.

К.Б. Кепинг (Ленинград)

КИТАЙСКИЕ ТЕКСТЫ В ТАНГУТСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Систематическое описание грамматики мертвого тангутского языка (ТЯ) связано с переводами с китайского (КЯ), что, с одной стороны, служит гарантией адекватного понимания тангутского

текста, а с другой, создает определенную основу для прочтения оригинальных тангутских текстов.

По своему характеру тангутские тексты, хранящиеся в ДО ИВ АН СССР, не представляют собой единого целого. Большая их часть (несколько сотен сочинений) является переводом буддийских текстов и только около десяти сочинений – китайских светских.

Произведения канонической литературы (буддийские и конфуцианские сочинения) переводились на ТЯ буквально, т.е. иероглиф за иероглифом, что побудило японского исследователя Ниси-ду Тацуо (1966), изучавшего эти сочинения, поставить вопрос о правомерности описания ТЯ по буддийским сочинениям, в которых, по его мнению, этот язык сильно китаизирован.

В основу нашего исследования (1985) были положены переводы китайских неканонических (не буддийских и не конфуцианских) сочинений, которые не являются буквальным переводом с КЯ и, по-видимому, ближе отражают нормы собственно ТЯ.

Этих сочинений немного: энциклопедия (лэйшу) "Лес категорий", историческая хроника "Двенадцать царств" (в настоящее время оба сочинения на КЯ утрачены) и исторический комментарий к военным трактатам (например, к Сунь цзы и др.). Перечисленные тексты в языковом отношении близки между собой: в них используется примерно один и тот же набор грамматических показателей и синтаксических конструкций.

Результаты описания грамматики ТЯ по переводам китайских светских сочинений подтвердили наше предположение о большей близости языка этих сочинений к нормам собственно ТЯ, поскольку именно на этих текстах был выявлен ряд грамматических явлений, ускользавший от исследователей, работавших с переводами канонических произведений: так, например, именно светские тексты позволили отнести ТЯ к языкам эргативного строя.

Совершенно неожиданные результаты дало описание еще одного светского текста – "Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к родителям" (далее "Записи"), относящегося, как и "Лес категорий", к жанру лэйшу. Это сборник коротких рассказов, посвященных отношениям между ближайшими родственниками. Сочинение носит ярко выраженный дидактический характер, иллюстрируя нормы конфуцианской морали. На КЯ такого сочинения нет – в тексте "Записей" указано, что переводчик на ТЯ сам собрал рассказы из различных китайских сочинений. Следует отметить, что составители каталога тангутских рукописей и ксилографов отнес-

ли "Записи" к оригинальным тангутским текстам (1963).

Текст "Записей" не превышает шести тысяч иероглифов (ср. с текстом "Лес категорий", насчитывающим более сорока тысяч иероглифов), однако работа с ним оказалась весьма трудоемкой: "Записи" выявили целый ряд новых служебных морфем и ранее не встречавшихся грамматических конструкций.

Причина этого неясна. Языковые особенности "Записей" не могут быть отнесены к жанровым, так как "Записи", как и "Лес категорий", представляют собой один и тот же жанр – лэйшу. Современное состояние наших представлений о тангутском языке таково, что исследователь не в состоянии различать временные или диалектные расхождения между текстами.

Однако мы считаем возможным предположить следующее. Поскольку переводчик "Записей" не был связан с каким-то определенным китайским сочинением и для него важно было только одно – как можно понятнее донести до читателя-тангута содержание рассказов, которое было связано с повседневной жизнью человека (как следует относиться невестке к свекрови, сестре – к брату, племяннику – к дяде, дяде – к племяннику и т.п.), возможно, что текст "Записей" – это первый из исследованных тангутских текстов, отражающий в какой-то степени разговорный ТЯ.

Остановимся на языковых особенностях "Записей" более подробно.

В "Записях" употребляется только пара личных местоимений мио² "я" – ни² "ты", тогда как другая пара личных местоимений нга² "я" – на² "ты", имеющая в других текстах преимущественное употребление, здесь выступает только в функции притяжательных определений к терминам родства. Кроме пары обычных указательных местоимений тхн² "этот" и тха¹ "этот, тот", в "Записях" употребляется пара чио¹ "этот" и виэ² "тот" (эти местоимения характерны только для "Записей"). Из двух определительных местоимений со значением "все" – риу¹ и и¹ в "Записях" встречается только риу¹, однако преимущественное употребление имеет ранее не встречавшееся местоимение 'пан¹ "все".

Для послелогов в "Записях" характерна двухсложность: например, послелог риа¹нгу² "на расстоянии" (в других текстах – риа¹) и 'пан¹у² "в пределах" (в других текстах – 'пан¹) употребляются здесь только в двухсложной форме.

Известно, что в тангутских текстах при сочетании числи-

тельного с существительным в некоторых случаях употребляется классификатор, однако в "Записях" классификаторов нет вообще, и числительное во всех случаях непосредственно сочетается с существительным. Этот факт подтверждает высказанное нами ранее (1985) предположение о том, что классификаторы появились в тангутском языке под влиянием языковых контактов с Китаем.

Необычно здесь употребление морфемы рие^I, в других текстах выступающей как послелог "по направлению к". В "Записях" рие^I ставится после одного или двух прилагательных, указывая на высокую степень качества (однако возможно, что это омонимы).

Кроме частиц, известных по другим текстам, в "Записях" употребляется неконечная подчеркивающая частица 'ран^I и конечная частица шон², значение которой неясно.

Значения некоторых служебных морфем нам так и не удалось установить. Это послеглагольная морфема рие², в других текстах не употребляющаяся, а также морфема нгин² после глагола (в позиции после имени нгин² - неопределенный член, соответствующий неопределенному артиклю европейских языков).

В тексте "Записей" часто встречается эргативная конструкция, практически отсутствующая в буддийских сочинениях.

Сложно-подчиненные предложения здесь, как правило, включают два-три придаточных, каждое из которых оформлено своим подчинительным союзом, причем союзы часто употребляются в двухсложной форме (т.е. и здесь проявляется уже отмечавшаяся выше тенденция к двухсложности служебных элементов).

Именно на тексте "Записей" нам удалось понять конструкцию, которая ранее представляла для нас загадку - имеется в виду придаточное определительное, оформленное послелогом 'ийн^I и стоящее в необычной позиции (постпозиции) по отношению к определяемому.

Л.Н. Морев (Москва)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КИТАЙСКИМ И ТАЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ КИТАЯ

В силу естественных причин китайский язык (КЯ) оказывает сильное воздействие на языки неханьских национальностей, в том числе на языки тайских народностей, проживающих на территории Китая и насчитывающих приблизительно 20 млн. чел. До XX в. воздействие КЯ на ТЯ, особенно в Юньнани, было довольно незначи-

тельным, оно заявило о себе в полную силу после создания КНР в 1949 г. Это влияние идет по всем направлениям, но особенно наглядно проявляется в лексике и грамматике¹⁾.

Китайское влияние на лексику видно из наличия в ТЯ огромного количества слов, словосочетаний и клишированных выражений из КЯ. Китайские заимствования в ТЯ обычно подразделяются на старые и новые. Под старыми заимствованиями подразумеваются слова, пришедшие в ТЯ из среднекитайского (чжун гу) приблизительно в середине I тыс. н.э. или даже несколько раньше. Их китайское происхождение утверждается на основе их формального сходства с соответствующими китайскими словами указанного периода. Хотя на самом деле вопрос несколько сложнее – это касается как времени, так и направления заимствований. К тому же нельзя считать окончательно снятым вопрос о китайско-тайском генетическом родстве. Характерная черта старых заимствований – их полная ассимиляция, они воспринимаются как органическая часть лексики, которая ничем не выдает своего иноязычного происхождения: ни во внешнем облике, ни функционально, ни стилистически, ни семантически. Их заимствованный характер выявляется только в результате специального лингвистического исследования. Они входят в так называемый основной словарный фонд и распределяются по различным стратам лексики. Примерами старых заимствований могут быть суй⁷ *hek* "гость" (кит. *ke*), чжуан *hai*^I, мулам *khai*^I "открывать" (кит. *kai*), лы *tsaang*⁶ "уметь; мастер" (кит. *jiang*), кам *tok*⁸ "читать" (кит. *du*), ма-онан *kwi*⁶ "стоять на коленях" (кит. *gui*), суй *pi*² "толстый, жирный" (кит. *bei*).

Что касается новых заимствований, то под ними обычно имеются в виду слова, внешне совпадающие с китайскими в их современном звучании. Среди этих слов, имеются лексические единицы, пришедшие в ТЯ в последние несколько веков, и слова, появившиеся в ТЯ лишь в последние десятилетия. За первыми можно сохранить название "новые", а вторые назвать "новейшими". Новых заимствований в ТЯ довольно немного – это преимущественно назва-

1) Фактический материал взят из серии очерков по тайским языкам, изданным в Китае в конце 70-х – начале 80-х годов.

ния предметов быта, орудий труда, кушаний, единиц измерения и т.п., занесенные вместе с китайской материальной культурой. Например: лы **paŋ**³ "доска" (кит. *bang*), цжуан **sim**¹ "сердце" (кит. *xin*), суй **paaw**⁶ "рубанок" (кит. *bau*), кам **miang**² "хлопок" (кит. *mian*). Эти слова несмотря на внешнее сходство с китайскими в общем довольно прочно вошли в ткань ТЯ и явно не обнаруживают своего иноязычного происхождения.

Новейшие заимствования составляют сейчас огромную массу слов из области общественно-политической и научно-технической лексики. Они не вписались органически в систему ТЯ и воспринимаются как варваризмы. Их иноязычное происхождение проявляется в нескольких формах. Большинство заимствований являются дисиллабическими словами, как например: маонан **tjen**⁴-**waa**⁴ "телефон" (кит. *dianhua*), ли **tseng**²-**tsi**¹ "политика" (кит. *zenji*), кам **tjang**¹-**pu**¹ "прогресс" (кит. *zhipu*). Но воспринимаются эти слова как единое, неделимое на морфемы целое. Они характеризуются семантической однозначностью, функциональной ограниченностью, обычно не участвуют в образовании новых сложных слов. В целом сейчас китайская лексика полностью заполнила собой все сферы общения и информации, связанные с общественно-политической жизнью, с наукой и техникой. Оригинальные тайские слова и морфемы в этих областях служат лишь связующими и дополнительными компонентами. По свидетельству китайских авторов, в некоторых тайских языках количество китайских слов в общественно-политической сфере превышает 50%, причем иногда в китайском произношении. Такой язык доступен только довольно узкому кругу кадровых работников и местной интеллигенции, владеющей КЯ.

Одновременно китайская лексика теснит уже имеющиеся тайские слова вплоть до их полного исчезновения. Интересно отметить, что в некоторых случаях китайские слова в современном звучании приходят на смену старым заимствованиям, например, в языке кам наряду с давним заимствованием **pak**⁷ "север" употребляется современное **pe**² "север" (кит. *pei*).

Китайские слова приходят в ТЯ в большинстве случаев не из общенационального путунхуа, а из местных диалектов (местных гуаньхуа), и именно из юго-западных диалектов, а в язык ли на о. Хайнань — из трех разных диалектов КН, т.е. в говоры Баодина, Тунца и Цзямао — из хайнаньского диалекта КН, в говоры сифан (мейфу) — из юго-западного диалекта цзюньхуа, и в говор баньди (байша) — из диалекта даньчжу, принадлежащего к

группе *pe*.

При заимствовании китайских слов фонетические системы ТЯ постепенно "перемалывают" звуки КЯ, подгоняют их под свою систему. При освоении звуков КЯ происходит уподобление их тайским звукам, при этом для согласных главным признаком оказывается место образования, а для гласных – тембровый ряд. Так в суй китайские глухие аффрикаты *zh-*, *z-* преобразуются в аффрикату *ts-*, придыхательные аффрикаты *ch-*, *c-*, *q-* трансформируются в аффрикату *tsh-*, в буи китайские придыхательные аффрикаты *ch-*, *c-*, *q-* и ффрикативные *sh-*, *s-*, *x-* превращаются в *s*.

Последние десятилетия наплыв китайских слов был столь мощным, что ТЯ не успевали адаптировать китайские звуки на свой лад и поэтому китайские слова некоторое время функционируют в ТЯ в своем звуковом обликии. Такие звуки едва ли можно считать частью фонетической системы данного языка. Чтобы стать ею, звук должен прочно войти в систему данного языка, образуя систему оппозиций и корреляций в речи всех говорящих на этом языке, а не быть достоянием только какой-то, пусть даже значительной части данного языкового коллектива.

В целом фонологические системы ТЯ демонстрируют высокую устойчивость и сопротивляемость иноязычному влиянию. При первом взгляде на фонетические системы ТЯ, как тех, которые давно утратили контакты с КЯ, так и тех, которые укрепили эти связи, все они предстают плодом самопроизвольного развития, хотя, конечно, не исключена возможность, что при более внимательном, глубоком сравнительно-историческом изучении этого вопроса могут обнаружиться рефлексы влияния КЯ.

Одновременно с широким вторжением лексики наблюдается внедрение китайских синтаксических структур и некоторых служебных слов.

В принципе ТЯ и КЯ принадлежат к одному типу – изолирующим языкам. Основное различие между ними в области грамматики состоит в том, что в то время как в ТЯ порядок слов последовательно прогрессивный, в КЯ порядок слов смешанный: регрессивно-прогрессивный (определение предшествует определяемому, а дополнение в общем следует за глаголом, хотя может и предшествовать ему).

Все компоненты синтаксической структуры ТЯ испытывают влияние китайской грамматики. Здесь отмечаются лишь некоторые, наиболее очевидные.

Атрибутивные синтагмы ТЯ, проявляющие наибольшую устойчивость, подвергаются разрушительному влиянию КЯ. Происходит перестановка определения из постпозиции в препозицию, хотя пока это касается главным образом посессивных, обстоятельственных и детерминирующих определений, причем широко внедряется китайский показатель атрибутивных отношений *de* или его местный аналог, например: чуан *jaaw² ti⁶ le²* "моя книга" (букв. "я - показатель атрибутивных отношений-книга") в. тайск. *le² jaaw²* букв. "книга я"; ли *nei² slaw² khyung²* "эти две штуки" в. *slau³ khyung² nei²* букв. "две штуки эти".

Широкое распространение получила постанова объективно-обстоятельственного члена с предлогом перед сказуемым, причем в качестве предлога нередко используются китайские служебные слова типа *ba* - показатель объектных отношений, *bi* - показатель сравнения, *nai* - показатель пассива, *dui* - показатель адресата например: мулам *pi³ njaa² fong²* "выше тебя" (букв. "в сравнении с ты высокий") в. собств. тайск. *fong¹ taa⁶ njaa²* "выше тебя" (букв. "высокий превосходить ты").

Употребление словопорядка "сказуемое - косвенное дополнение - прямое дополнение" в. "сказуемое - прямое дополнение - косвенное дополнение", например: мулам *m⁶ khje¹ hai² hnaaw³ ran³ l⁷* "Он дал мне одну книгу" в. *m⁶ khje¹ hnaaw³ ran³ l² hai²* букв. "он давать один клф. книга я".

Объединение компонентов глагольной результативной конструкции и вынесение дополнения за ее рамки, например: чуан *njing² taa¹ soong¹ tu¹ kuk²* "убить двух тигров" (букв. "стрелять умереть два клф. тигр") в. *njing² soong¹ tu² kuk⁷ taa¹* букв. "стрелять два клф. тигр умирать".

Постепенно увеличивается число китайских служебных слов - предлогов, союзов, наречных слов и т.п.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что в последние десятилетия происходит фронтальное наступление КЯ на языки тайских народностей, сопровождающееся сменой их грамматического строя и изменением лексического состава. Свою исконность ТЯ в Китае сохраняют лишь в обиходно-разговорной сфере.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КИТАЕ

В современном Китае представлено множество языков, относящихся к различным языковым семьям. Взаимодействия этих языков между собой и с языками соседних областей чрезвычайно сложны, в результате чего лингвистическая картина здесь крайне пестра и многообразна. Очевидно, что необходимо выяснить, на основе чего формировалась подобная языковая ситуация и какие процессы были наиболее важными в тот или иной период.

В результате частных реконструкций и изучения сверхдальнего родства языков сейчас выяснены генетические связи всех засвидетельствованных языков Китая (живых или мертвых). Можно с большой долей уверенности утверждать, что все они входят в состав одной из трех макросемей Старого Света: синокавказской, аустрической или ностратической.

В Восточной и Юго-Восточной Азии представлена лишь одна ветвь синокавказских языков - сино-тибетская семья. Важно, что и из сино-тибетской семьи здесь распространены всего три равноправные группы языков: китайская, собственно тибето-бирманская и качинская. Значительно больше сино-тибетских групп представлено западнее - в Южной Азии. Специфического родства между этими западными группами нет. Это и некоторые дополнительные соображения позволяют предположить, что распад сино-тибетской семьи произошел именно в Южной Азии, возможно в Предгималаях. Отсюда, по-видимому, независимо друг от друга китайский язык (КЯ), часть или все тибето-бирманские языки, а также качинский проникли на территорию Китая. Возможно, впрочем, что в этом процессе участвовали также какие-то исчезнувшие сино-тибетские языки. Дальше всего на восток из засвидетельствованных языков в древности проник КЯ.

Можно предположить, что движение КЯ было каким-то образом связано с долиной Янцзы. Альтернативной служит гипотеза о движении носителей КЯ через современную Сычуань и далее по Хуанхэ. Обнаружены однако лексические сближения между китайским и австронезийским праязыком (IY тыс. до н.э.), которые могли иметь место в нижнем течении Янцзы или несколько севернее. Эти сближения указывают на большую вероятность движения КЯ по Янцзы.

По-иному распространялись собственно тибето-бирманские

языки: тибетский, сычуань-бирманские (цзянский, лоло-бирманские, тангутский, пуми и др.), тунг и т.д. Их продвижение шло вначале преимущественно в вертикальном направлении к северу и югу. Лишь позднее тибетский язык начал распространяться к западу.

Австронезийский праязык, согласно австро-тайской гипотезе П. Бенедикта, родственен паратайским языкам (чжуан-тайским, кам-суйским, ли и др.). Приблизительно такой же степенью достоверности обладает гипотеза, согласно которой в состав австроазиатских языков (мон-кхмерских, мунда и др.) входят языки мяо-яо. Обе эти гипотезы базируются на существовании определенного числа базисных лексических сближений и на наличии ряда фонетических соответствий, связывающих эти сближения. Важно, что односложные паратайские и мяо-яоские корни представляют собой как бы редукцию соответствующих австронезийских и мон-кхмерских корней.

Непосредственное сравнение австронезийских и мон-кхмерских корней между собой позволило выявить определенное число лексических сближений, на множестве которых удается выделить ряд фонетических соответствий. Поскольку в этих сближениях встречаются австротайские и австроазиатские корни, можно рассматривать их как новые аргументы в пользу австрической гипотезы В. Шмидта. В таком случае австрическая макросемья может быть представлена в следующем виде:

Эта макросемья сравнима по древности с другими известными макросемьями; крайне приблизительно ее распад может быть отнесен к УП-УШ тыс. до н.э. По всей вероятности, австрическую прародину следует помещать в Китае к северу от тропического пояса, поскольку прародины австроазиатской, паратайской и мяо-яоской общностей локализируются вне тропиков.

Контакты КЯ с паратайскими, мяо-яо и, вероятно, с мон-кхмерскими языками относятся к началу нашей эры, т.е. к значительно более позднему периоду, чем в случае австронезийско-китайских контактов. Следовательно, в процессе своего продвижения к контактной зоне с австронезийскими языками носители КЯ не взаимодействовали с носителями других австрических языков.

Если предполагать, что носители КЯ продвигались по долине Янцзы, то необходимо допустить, что ни паратайских, ни мяоосских, ни других аустрических языков здесь в этот период не было. Где следует их тогда локализовать, не совсем ясно. Остается также совершенно открытым вопрос, связанный с ролью алтайской ветви ностратических языков (монгольских, тунгусоманьчжурских и др.) в процессе формирования древнейшей языковой ситуации в Китае.

А.М. Решетов (Ленинград)

О ЯЗЫКЕ ХУЭЙ И ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение разных групп населения, говорящих по-китайски и считающих китайский язык (КЯ) родным, представляет значительный научный интерес прежде всего для правильного понимания этнолингвистической ситуации в китаеязычном мире и роли экстралингвистических факторов в ее изменении. Из большого количества проблем остановимся на вопросах, касающихся языка хуэй и дунганского (ДЯ), тем более, что до сих пор в этих вопросах нет достаточной ясности.

В разные исторические периоды, даже в XX в. термин "хуэй" имел различное содержание. До 1949 г. (года образования КНР) им назывались все народы Китая, исповедующие ислам, т.е. не только китаеязычное мусульманское население, но и тюркоязычное (уйгуры, казахи, киргизы, узбеки, татары и др.), индоевропейское (сарыкольцы, ваханцы и др.) и в очень незначительной степени монголоязычное (так называемые, хотоны). Таким образом, сам термин "хуэй" в значении этнонима связан исключительно с принадлежностью разноязычного населения Китая к исламу (по-китайски им обозначается сама мусульманская религия).

После 1949 г. термин "хуэй" стал относиться почти исключительно к китаеязычному мусульманскому населению. Однако и сегодня в КНР в состав хуэй включаются чамы острова Хайнань, говорящие на малайско-полинезийском языке, а также отдельные группы тибето-бирманских бай и тайязычных народов провинции Юньнань.

Собственно китаеязычные хуэй - один из крупнейших народов КНР. По последним данным их насчитывается 7400 тыс. чел. (С.И. Брук. Население мира. М., 1986). В современной науке имеются разные точки зрения относительно места хуэй в типологической

классификации этнических общностей: одни рассматривают китаеязычных хуэй как самостоятельный этнос (теперь это официально принято в КНР), другие – как этноконфессиональную группу в составе китайского (ханьского) этноса. Здесь нас интересует только вопрос о языке хуэй и его месте в лингвистической классификации.

В советской лингвистической литературе ДЯ рассматривается как самостоятельный язык (А.А.Реформатский, 1955) или как диалект КЯ (А.И.Иванов, Е.Д.Поливанов, 1930). Этнограф Г.Г.Стратанович считает, что "Язык хуэй входит в китайско-хуэйскую ветвь китайско-тибетской семьи языков. Локальные группы хуэй по языку близки к окружающему их китайскому населению" (1965). В свое время акад. В.В.Бартольд со ссылкой на Дабри де Тьерсона писал о нации у шэньсийских хуэй в 1731 г. иного языка, нежели ханьский. Из китайских авторов упоминание о языке хуэй встречается только в работе Лю Чжунжэна (1958), где он отмечает, что произношение (чтение иероглифов) в ханьском и хуэйском языках чрезвычайно близко и различия эти обнаружить почти невозможно.

Нельзя не обратить внимание на то, что в литературе нет даже самого общего описания языка хуэй, не установлены его характерные особенности. Науке не известен ни один памятник, созданный на этом языке. Правда, существует применительно к хуэй выражение "мусульманская литература". Ее формирование исключительно связано с конфессиональными особенностями культуры хуэй, но вся она создавалась на КЯ (ханьском). Все известные нам факты свидетельствуют, что хуэй, начиная со времени своего появления на исторической арене, всегда говорили только на КЯ и только на нем развивалась вся устная и письменная культура хуэй.

В Китае сейчас общепринятой является точка зрения, что хуэй говорят на тех же самых диалектах и говорах КЯ (ханьского), что и соседние китайцы (хань). Как известно, хуэй живут исключительно дисперсно. Наиболее компактно они расселены на северо-западе страны, преимущественно в Нинься-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономных р-нах, где они в зависимости от конкретного места их проживания говорят на различных диалектах КЯ: по-ганьсуйски, по-шэньсийски, по-синьцзянски и т.д. Пекинские хуэй говорят по-пекински, шанхайские – по-шанхайски, гуанчжоуские – по-гуанчжоуски и т.д. Язык объединяет хуэй с китайцами: и те, и другие скажут, что они говорят по-ханьски, но хуэй никогда не скажут,

что они говорят по-хуэйски. Вместе с тем нельзя не упомянуть, что в языке хуэй есть слой лексики, связанной с их конфессиональной принадлежностью, ибо ислам оказал определенное влияние на этнолингвистическую ситуацию. И все-таки если в этническом отношении хуэй отделяют себя от хань, называя себя хуэйцзу или хуэйминь, то в языковом отношении они не отделяют себя от них, подчеркивая тем самым общность языка. Таким образом, неправомерно говорить о языке хуэй как о самостоятельном языке в китайско-тибетской семье языков. Может быть, язык, на котором говорят хуэй, следует рассматривать как своеобразный конфессиональный социолект, но ни в коем случае не диалект. Конфессиональная специфика языка хуэй – это своеобразная наддиалектная надстройка по отношению к китайским диалектам. Свыше ста лет назад небольшие группы хуэй – выходцев из Шэньси, Ганьсу и Синьцзяна переселились на территорию Средней Азии и Казахстана. В настоящее время их насчитывается 60 тыс. чел. (С.И. Брук, 1986). Сами себя они называют дохуэйхуэй, соседнее тюркоязычное население зовет их дунганями. Вполне вероятно, что этот термин тюркского происхождения, но некоторые связывают его с термином "чжунвань жэнь" ("человек Срединной равнины"). Термин "дунгане" употребляется по отношению к местным хуэй в Синьцзяне, но обычно его используют для названия потомков хуэйских переселенцев на территории России. За сто с лишним лет жизни среди тюркоязычного населения Средней Азии и Казахстана, контактов с представителями других этнических групп, прежде всего русскими, язык, культура и быт советских дунган претерпели коренные изменения. За годы советской власти они сформировались как самостоятельный этнос, социалистическая народность.

Относительно языка дунган как самостоятельного в китайско-тибетской семье языков, ближайше родственного КЧ, но не тождественного впервые заявил А.А. Драгунов (1937). Сами дунгане также не отождествляют свой язык с КЧ.

Все усиливающиеся языковые и этнокультурные контакты между народами в советское время, развитие самого языка способствовали и продолжают способствовать дальнейшему изменению словарного состава ДЯ, его грамматического строя и фонетических особенностей, что находило и находит соответствующее закрепление в дунганском литературном языке, использующем русскую графику.

Китайские ученые обратили внимание на тот факт, что язык ханьцев и хуэй, пришедших из различных р-нов страны и обособ-

вавшихся 100–200 лет тому назад в Синьцзяне, претерпел определенные качественные изменения и не равнозначен исходным диалектам. Например, в фонетике, словарном фонде, грамматике диалектов Хэбэй, Шэньси, Ганьсу и др. заметны отличия от первоначального варианта (Ян Сяоминь 1960). Особенно существенны отличия диалектов современного ДЯ от исходных диалектов КЯ. Поэтому представляется неправильным употребление для диалектов ДЯ таких названий, как ганьсуйский, шэньсийский, синьцзянский; более правомерными были бы, например, ырдыкский (пржевальский), каракунузский (токмакский), александровский диалекты.

Таким образом, ДЯ является самостоятельным языком, отличным от КЯ, но образующим вместе с ним в составе китайско-тибетской языковой семьи китайско-дунганскую группу языков. Народ же хуэй, проживающий в Китае, говорит на различных диалектах китайского языка.

Е.Н.Румянцев (Москва)

ПУТУНХУА И ДИАЛЕКТЫ В КНР: их соотношение и функции

После принятия решений по вопросам "упорядочения" и "стандартизации" китайской письменности центральное место в языковой политике КНР заняли проблемы дальнейшей нормализации общекитайского языка путунхуа и его распространения в стране. Работа в этой области рассматривается как "важная часть строительства социалистической духовной культуры".

В 1986 г. сформулирована социолингвистическая программа, цель которой – до конца нынешнего столетия превратить путунхуа в: а) язык обучения в учебных заведениях всех типов на всей территории страны; б) рабочий язык партийных, государственных и хозяйственных органов на всех уровнях управления; в) основной язык пропаганды; г) единственное средство устного междиалектного общения по всему Китаю ("Юйвэнь цзяньшэ", 1986, № 1–2). В этой связи представляется актуальным анализ соответствующих аспектов современной языковой ситуации в китайском обществе.

Процессы, связанные с распространением путунхуа в КНР, хронологически делятся китайскими лингвистами на три этапа: п е р в ы й – "подготовка и бурное развитие" (с момента образования КНР и до 1966 г.); в т о р о й – "разрушение" (1966–1976 гг.); т р е т и й – "восстановление и подъем" (с конца 70-х годов по настоящее время). Однако задачи по распространению об-

шекитайского языка не получили окончательного решения.

Языковая неоднородность китайского общества остается существенным фактором его жизни и развития, порождает проблемы, являющиеся в настоящее время предметом рассмотрения на правительственном уровне. Так, например, даже в армии – социальном институте, отличающемся высокой степенью национальной сплоченности и жесткими требованиями к скорости и точности языковой коммуникации, языковые и диалектные различия, как заявил представитель Главполитуправления НОАК, "прямо влияют на результаты подготовки, эффективность повседневной деятельности и учебной работы, а также могут оказывать влияние на взаимоотношения солдат и офицеров, армии и местных органов власти, армии и местного населения" (Там же, с. 52).

В то же время число китайцев, в различной степени владеющих "общим языком китайской нации", постоянно растет и сейчас выше, чем когда-либо. Специалисты отмечают, что "распространение путунхуа стало одним из направлений языковой политики в Китае, на котором достигнуты наибольшие успехи" (J.DeFrancis, 1984).

Особенные успехи в этом отношении достигнуты в последнее десятилетие, что обусловлено высокими темпами развития экономики, культуры и образования, возрастанием роли средств массовой информации в китайском обществе. Тем самым в КНР сделан очередной шаг в направлении преобразования традиционной языковой ситуации с полицентрической структурой диалектов в языковую ситуацию другого типа: с моноцентрической структурой диалектов и полифункциональным общегосударственным языком.

По оптимальным оценкам в начальный период существования КНР в сельской местности в районах распространения диалектов группы гуаньхуа "понимали" путунхуа 54% населения, в других районах – 11%, а в 1984 г. – соответственно 91% и 77%; делается прогноз, согласно которому к 2000 г. путунхуа смогут использовать в качестве средства общения 97% населения КНР ("Вэньцзы гайгэ", 1985, № 1).

Существуют вместе с тем и другие взгляды, имеющие глубокие корни в китайском обществе. Так, бытовавшие среди китайцев представления о равенстве различных форм устной речи, в современных условиях нашли свое концентрированное выражение в тези-

се периода "культурной революции" о том, что "не надо учить китайцев говорить на китайском языке". В настоящее время китайская печать пишет о людях, которые "не только сами не хотят говорить на путунхуа, но и не желают слушать, как другие говорят на этом языке", "в некоторых городах, если приезжий обращается с вопросом на путунхуа, то встречает холодный прием, тогда как при звуках родного диалекта на лицах местных жителей появляется улыбка" ("Гуанмин жибао", 9.10.1984). Отмечается также, что многие в Китае "привыкли говорить на диалектах, испытывают к ним теплые чувства". В связи с пропагандируемой в КНР кампанией за "красивую речь" (юйянь мэи) высказываются мнения о том, что "диалект — это красивая речь, а путунхуа — некрасивая", в разговоре на путунхуа "нет сердечности"; путунхуа рассматривается как "язык чиновников" ("Дивань сюэси", 1984, № 2).

Как видно, отношение к путунхуа в КНР, если и меняется, то отнюдь не быстрыми темпами. Вышеизложенные взгляды перекликаются с положениями редакционной статьи в "Жэньминь жибао", более 30 лет назад призывавшей "исправить узкий местнический подход, при котором не признают путунхуа, не желают слушать путунхуа и даже не позволяют сыновьям и младшим братьям говорить на путунхуа" (28.10.1955). Необходимо также отметить, что для многих распространение путунхуа прямо связывается с переходом на фонетическое письмо, вызывающим активное противодействие.

Подобные настроения в современных условиях имеют объективную основу. В первую очередь, они связаны с быстрым социально-экономическим развитием южных р-нов Китая, а также с определенным возрастанием роли местных диалектов и их региональных койне в важных коммуникативных сферах, что, в частности, характерно для провинции Гуандун. Например, в специальной экономической зоне Шэньчжэнь путунхуа не пользуется популярностью. В связи с этим первый секретарь гуандунского парткома писал, что "если пустить дело на самотек, расслабиться, то нельзя будет объединить языки Шэньчжэня с помощью путунхуа и они неизбежно объединятся с помощью гуанчжоуского диалекта" ("Гуанмин жибао", 28.05.1985); следует объединить языки Шэньчжэня именно с помощью путунхуа, что "двинет вперед соответствующую работу во всей провинции", а также "повлияет на Гонконг и Макао"; в условиях проведения открытой экономической политики в отношении как заграничные, так и внутренних р-нов Китая "мы не можем изолировать-

ся с помощью диалектов" в языковом отношении (Там же).

Однако, некоторые южнокитайские диалекты приобретают статус средства международного общения. В Пекине профессия переводчика с гуанчжоуского диалекта входит в число дефицитных. Открыта частная школа, где впервые за время существования КНР начата подготовка специалистов по данному профилю. Руководители школы учитывают наличие в сфере международного общения китайцев различных неофициальных и даже официальных ситуаций, в которых употребление диалектов оказывается наиболее эффективным (см. "Жэньминь жибао", 1985, № 2).

В ряде р-нов Китая обновление состава местных партийных и государственных органов привело к замене значительного числа кадровых работников - выходцев с севера кжанами. Это повлекло за собой сужение сферы употребления путунхуа в управленческом аппарате и превращение диалектов в рабочие языки многих парткомов и местных правительств уездного уровня. В связи с этим в КНР усилено внимание к языковой подготовке руководящих работников, направляемых в различные р-ны страны. В 1973 г. впервые было опубликовано указание Мао Цзэдуна (1958 г.) о том, что "все кадровые работники должны изучать путунхуа"; в 1980 г. оно дано целиком: "Кадровые работники, присланные из других районов, должны изучать местную речь, все кадровые работники должны изучать путунхуа" ("Юйвэнь сяньдайхуа", 1980, № I).

Важнейшее значение имеет вопрос о языке обучения в китайской школе. Разрушение в годы "культурной революции" системы образования имело для распространения путунхуа в КНР крайне негативные последствия. В настоящее время к употреблению путунхуа в учебных заведениях предъявляются жесткие требования. Реальный же уровень его знания заметно варьируется в зависимости от региона и социального состава учащихся, а степень его использования - от ситуации общения и целей коммуникации. Так, школьники могут читать текст на путунхуа, а обсуждать его - на родном диалекте, на уроках языка и письменности употреблять путунхуа, а на уроках по другим предметам - диалект, в школьных стенах пользоваться путунхуа, за пределами школы - диалектом.

Языковые процессы, происходящие в китайской рабочей среде, которым в свое время придавал большое значение Цюй Цюбо, сейчас в КНР освещаются слабо, малоизучены. Эти проблемы являются перспективными для социалингвистических исследований.

В КНР происходит расширение употребления путунхуа в основ-

ных сферах общения, однако этот процесс носит разноплановый, слоевой, а в ряде случаев – и разнонаправленный характер (в городе и деревне, на севере и юге и т.п.). В годы "культурной революции" в результате ослабления внимания к этому вопросу со стороны государственных органов уровень распространения путунхуа в стране "несколько снизился" (Люй Шусян, Чжан Чжигун и др.). Это не было компенсировано стихийными процессами языковой консолидации и интеграции в китайском обществе, связанными с развитием экономики и миграциями населения. Данный пример указывает на особую роль языковой политики в дальнейшем распространении путунхуа в Китае.

В.М.Солнцев (Москва)

ПО ПОВОДУ УСТАНОВЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В
КИТАЙСКОМ И ДРУГИХ ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКАХ (В СОПОСТАВЛЕНИИ
С НЕИЗОЛИРУЮЩИМИ ЯЗЫКАМИ)

Деление всех языков на неизолирующие и изолирующие основывается на оппозиции выраженности/невыраженности в формах слов синтаксических отношений в речевой цепи. Последние отличаются от первых не отсутствием в них морфологических форм (они имеются, но их число, как правило, ограничено), а тем, что в этих формах не выражаются грамматические связи слов. Неизолирующие языки, в которых на эти связи указывают формы слов, можно определить как формосвязывающие языки, а изолирующие, соответственно, как формоизолирующие.

Формы слов в формоизолирующих языках не используются (или лишь косвенно используются) как показатели синтаксических отношений, но здесь их функцию выполняет порядок слов и служебные слова, действие которых дополняется интонацией. В языкознании это хорошо известно и особых возражений не вызывает. Развиваемое мной положение о том, что действие порядка слов определяется принадлежностью слова к разным частям речи, напротив, вовсе не столь очевидно, поскольку сама принадлежность слов к частям речи в изолирующих языках иногда вызывает сомнение¹⁾. Однако

1) Как мне уже приходилось отмечать, наличие частей речи в любом языке обусловлено наличием грамматических правил, которые предполагают существование классов слов с однородными грамматическими свойствами. Эти классы и являются частями речи. Каждый такой класс подчиняется своим правилам. Во всех языках

только на основе этого положения можно понять и раскрыть механизм установления связей между словами в изолирующих языках.

Изоляция является определенным грамматическим приемом. Это не отсутствие связи, а способ ее реализации в условиях невыраженности в самом слове его отношения к другому слову. Слово приобретает какую-либо синтаксическую функцию через синтаксическую связь с другим словом (исключение - назывные однословные предложения, где слово благодаря интонации приобретает качество, функцию предложения, но не приобретает функции ни подлежащего, ни сказуемого). Так, кит. слово хайцзы "ребенок", вступив в предикативную связь с последующим глаголом, приобретает функцию подлежащего: хайцзы шо хуа "ребенок говорит", а при объектной связи с предыдущим глаголом - функцию дополнения: во жэньши чжэго хайцзы "я знаю этого ребенка" и т.д.

В слове хайцзы (так же как и в его морфологически осложненной форме хайцзымэнь "ребята, дети") нет ни малейшего намека на его конкретную синтаксическую функцию. В то время, как в формосвязывающем русском языке форма именительного падежа слова ребенок свидетельствует, что это слово может быть только подлежащим, а форма винительного - ребенка - указывает на функцию дополнения и т.д. Сигнализируя о функции, соответствующая форма в то же время указывает на определенное отношение данного слова к другим словам.

В китайском (как и в других формоизолирующих языках) для выявления, в каком отношении к другому слову находится то или иное слово и какова его функция, требуется обязательное наличие двух слов, расположенных в некоторой последовательности, скажем X-Y. Какая синтаксическая связь возникает в этой последовательности и какие синтаксические функции приобретают слова, стоящие на местах X и Y, определяется частичечной принадлежностью соответствующих слов. Так, если X - прилагательное, а Y - существительное, то X становится определением, а Y - определяемым.

Делая разные подстановки на место X и Y, в зависимости от качества подставляемых слов от их принадлежности к той или иной части речи, мы будем получать разные синтаксические связи, при этом X и Y будут обладать разными синтаксическими функ-

существуют части речи в смысле грамматических классов слов, хотя не во всех языках части речи "морфологизованы" как, например, в индоевропейских языках. Части речи - основа грамматического строя любого языка.

циями. Это и наблюдаемый, и проверяемый факт. Например, кит. лэн "холодный" + шитоу "камень" → "холодный камень" (определение и определяемое; связь - атрибутивная), при перестановке: шитоу лэн "камень холоден" (подлежащее и сказуемое, связь предикативная); май шу "купить книгу" (переходный глагол и существительное, связь глагольно-объектная) и т.д.

Но если при неизменном Y (существительное) в результате постановки на место X грамматически разных слов (то прилагательного, то глагола) между X и Y возникают разные грамматические связи, то не значит ли это, что в грамматическом (частеречном) значении соответствующего слова уже как бы заложено потенциальное отношение к другому слову? Похоже, что частеречное значение как бы включает в себя некий реляционный момент - возможное отношение к другому слову. Об этом свидетельствует тот факт, что данная часть речи обнаруживает способность к установлению в одной и той же последовательности именно этих, а не каких-либо иных синтаксических отношений с другими словами (другими частями речи).

Сказанное подводит к утверждению, что в изолирующих языках в самих словах (независимо от их морфологической сложности) уже имеется потенциальное "указание" на возможное отношение к другим словам (не какой-либо формант или показатель, а внутренне заложенное в слове объективное свойство, которое заставляет говорящего употреблять это слово именно так, а не иначе). Это свойство сходно с тем свойством, которым обладают словоформы формосвязывающих языков, образованные с помощью реляционных формантов. Однако оно не развито в достаточной мере, чтобы навязывать говорящему использование данного слова в конкретной связи и конкретной функции. Наблюдается довольно широкая шкала функциональных возможностей частей речи, в то время как словоформы с реляционным значением намного более специализированы.

Связь частей речи с синтаксисом хорошо известна, хотя и не всегда берется в расчет. Разные части речи обычно характеризуются преимущественным использованием в разных функциях (в роли разных членов предложения), а некоторые части речи, например, наречия вообще монофункциональны. В грамматиках часто пишут об основных и неосновных функциях частей речи. Так глаголы - преимущественно употребляются в функции сказуемого, существительные - подлежащего и дополнения, наречия - почти

исключительно в роли обстоятельства и т.д.

Итак, слово как часть речи несет в себе потенциальную возможность установления ряда (не любых) синтаксических связей. Ориентированность синтаксических правил на свойства слов как частей речи позволяет говорить о частеречном синтаксисе (Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев, 1986).

Словоформы формосвязывающих языков как бы доводят заложенную в частеречном значении способность к данной (а не любой) сочетаемости до высокой степени конкретности. Очень часто характер связи, в которую может вступить данная словоформа, однозначно предопределен.

Но и высокоспециализированные словоформы могут иметь более, чем одну валентность. Так, в русском языке форма родительного падежа слова стол – стола может вступать в две разные синтаксические связи в зависимости от частеречной принадлежности сочетающегося с ним слова. В словосочетании ножка стола словоформа стола вступает в атрибутивную связь, а в словосочетании не вижу стола – в глагольно-объектную связь. Тип связи в этих случаях зависит не от формы слов, с которыми сочетается словоформа стола, а только от их частеречной принадлежности: ср. не вижу стола, не видит стола и т.д.; ср. также: ножка стола, ножки стола, ножкой стола.

Аналогия механизма грамматической сочетаемости слов в изолирующих и формосвязывающих языках проявляется, во-первых, в том, что реляционная словоформа ведет себя как "более специализированная" часть речи, и, во-вторых, в том, что в формосвязывающем языке тип синтаксической связи в конечном счете также определяется частеречной принадлежностью сочетающихся слов.

Для установления связи всегда требуются две единицы. Однако в формоизолирующих языках для выявления функции и той связи, в которой находится данное слово, обязательно требуется второе полнозначенательное слово. В формосвязывающих языках словоформа, образованная с помощью морфологического показателя (в том числе нулевого; такова, например, иногда форма именительного падежа), как бы замещает второе слово, вернее, непременно подразумевает его. Так, личная форма глагола обязательно сигнализирует о сказуемостной функции и предполагает наличие подлежащего (даже если оно не названо), форма косвенного падежа предполагает функцию дополнения (или определения)

и соответствующие связи данной словоформы.

Слово в изолирующем языке лишь потенциально несет в себе реляционный заряд и реализует соответствующее синтаксическое отношение только при наличии второго слова. Взаимное расположение слов (порядок слов) выступает как грамматическое средство "извлечения" и установления нужной связи. Словоформа в формосвязывающем языке актуально выражает свою реляционность, формально ("внешне") демонстрирует свою возможную функцию (иногда функции) и свои синтаксические связи. Словопорядок при этом грамматической роли не играет.

Особая роль в качестве связующих средств в изолирующих языках принадлежит служебным словам реляционного характера. Сочетаясь со знаменательными словами, они наделяют их явной ("открытой") реляционностью, т.е. конкретизируют скрытую потенциальную реляционность. Сочетания служебных слов, например, предлогов, со знаменательными словами соответствуют реляционным словоформам (например, падежам). Так, сочетание гэй фуцинь (адресатный предлог гэй + "отец") соответствует форме дательного падежа отцу : гэй фуцинь майшу "купить книгу отцу". В русском языке на вопрос "кому купить?" возможен ответ "отцу". Форма дательного падежа содержит обозначение адресата. Никакой второй компонент для уяснения этого не нужен. В КЯ в ответ на вопрос гэй шуи май шу "кому купить книгу?" нельзя употребить одно слово фуцинь "отец", но только сочетание гэй фуцинь (предлог гэй + "отец"). Аналогично обстоит дело во вьетнамском и других изолирующих языках.

Реляционные служебные слова играют роль, аналогичную реляционным формантам формосвязывающих языков. По этой причине, например, отсутствие падежной системы или ее разрушение обязательно компенсируется развитием системы предлогов, назначение которых конкретизировать потенциальную реляционность соответствующих слов.

П. ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ И ГРАФИКА
МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

А.Н.Алексахин (Москва)

ТЕОРИЯ СОГЛАСНО-ГЛАСНОЙ КООРТИКУЛЯЦИИ КАК
ОБОСНОВАНИЕ ОППОЗИТИВНОЙ СВЯЗИ СОГЛАСНЫХ
И ГЛАСНЫХ

(на материале пекинского, шанхайского и
мэйсяньского диалектов
китайского языка)

В современной фонологии принято разграничение фонем на подсистемы согласных и гласных. Между тем эта проблема, а также, что не менее важно, проблема объединения, или интеграции, согласных и гласных в одну систему с точки зрения артикуляции остается открытой. В связи с этим необходима разработка общей теории образования согласных и гласных и их коартикуляции.

Звуковые системы китайских диалектов – пекинского, шанхайского и мэйсяньского (далее соответственно ПД, ШД и МД) содержат дополнительные данные для анализа названной проблемы.

Для анализа природы согласной-гласной коартикуляции важны две формулы слога-сонем (по Солнцеву (1977), звуковая сторона морфем): v и sv . Первая формула показывает, что гласные характеризуются фонетической (речевой) несвязанностью с согласными, вторая – указывает на фонетическую связанность согласных с гласными.

Отправной идеей для раскрытия системно связанной речевой реализации согласных и гласных служит положение В.А.Богородицкого: "С точки зрения чисто физиологической гласные могут быть определены как ртораскрыватели, а согласные как ртосмыкатели" (1935).

Фонация естественно происходит при том или ином растворе челюстного угла (далее РЧУ). Для раскрытия природы коартикуляции согласной и гласной в слоге sv надо определить общее в их артикуляции.

В формулу sv подставим реальные фонемы, например, из сонем ПД ba^{51} "папа" и МД $a^{33}ba^{33}$ "папа". Согласный $[b]$ и гласный $[a]$ – представители самых полярных артикуляций. Об-

щим для обеих артикуляций является одинаковое участие, т.е. "безучастие" языка. Но его наличие в ротовом резонаторе системой артикуляций предполагается. Поэтому [a] по работе языка в отличие от [u] определяется как низкоподъемный. Однако работа языка по вертикали всегда осуществляется в ротовом резонаторе, ограниченном РЧУ. Поэтому понятие РЧУ является более общим по сравнению с работой языка по вертикали в гласных артикуляциях.

В артикуляции [b] язык непосредственного участия не принимает, но он артикулирует другие смычки, например, [d]. Поэтому в системе [b] по работе языка так отличается от [d], как [a] от [u], что выражается пропорцией $b : d = a : u$.

Фонация же как смычек, так и продувных (гласных) звуков осуществляется при той или иной степени открытости РЧУ. Следовательно, РЧУ характеризует как согласные, так и гласные артикуляции.

Как определить РЧУ для смычки [b]? Если для [a] РЧУ определяется открытостью ротового резонатора, т.е. положительным значением челюстного угла относительно нулевого, то для [b] РЧУ определяется закрытостью ротового резонатора, т.е. отрицательным значением РЧУ относительно нулевого, или индифферентного его состояния.

Эти артикуляторные работы обобщаются цифровой формулой в виде $-I < 0 < +I$. Одинаковые цифры с разными знаками, связанные нулем, говорят о том, что оба звука [b] и [a] (а шире категории согласных и гласных звуков) представлены в системе по выдержке, которая одинаково значима и поэтому одинаково учитывается в языке. Нуль, символизирующий относительно индифферентный уклад произносительного аппарата, или нулевое значение РЧУ, является пределом изменения как минусового цикла работы произносительного аппарата, артикулирующего согласные (-I), так и пределом изменения плюсового цикла работы произносительного аппарата, артикулирующего гласные (+I). Поэтому цифровые символы минусового и плюсового значения РЧУ связываются знаками неравенств. Это и есть формула РЧУ, или формула согласной-гласной CV коартикуляции.

Итак, сущность коартикуляции согласных и гласных заключается в том, что они определяются одним артикуляторным по-

нятием РЧУ, который для согласных рассматривается с отрицательным значением, а для гласных — с положительным относительно нулевого значения РЧУ.

Как следует из формулы CV коартикуляции, согласные акустически существуют (реализуются в речи) и фиксируются звукозаписывающими приборами только совместно с последующими гласными. И это подтверждается экспериментальными исследованиями (М.К.Румянцев, 1972). Неспособность согласных к автономной фонетической реализации в слогах преодолевается в сонемах, поскольку характеризуются автономными сонемообразующими возможностями. Например в МД: а³³ — префикс существительных, ба³³ "папа", га³³ "цветы", ва³³ "говорить". В этом проявляется фундаментальное различие и асимметрия системообразующих свойств согласных, проявляющихся в речи и языке.

Организация минусового цикла РЧУ по степеням интенсивности смычек позволяет распространить градуальную оппозицию не только на гласные, но и на согласные фонемы и таким образом объяснить различие членов привативной оппозиции в разных фонологических системах, например, б — п. В частности, согласные МД по степени интенсивности смычек выше, чем согласные ПД.

Анализ трехфазовости смычки с точки зрения закона инерции показывает, что согласные не могут артикуляторно образовываться без третьей фазы артикуляционного движения — отступа.

Описание конечнослоговых звуков слогов входящего тона жу в МД как импловзивных (лишенных третьей фазы артикуляции) смычных согласных р, т, к оказывается проблематичным. Фонетические и фонологические характеристики этих звуков МД позволяют определить их как звукотип инспираторных узких гласных (А.Н.Алексахин 1987).

Формула CV коартикуляции $-I < 0 < +I$, раскрывая артикуляторное и акустическое общее согласных и гласных, представляет материальную основу для установления оппозитивной связи между согласными и гласными в фонологии. Если в артикуляции общее и различное согласных и гласных предопределено действием естественной инерции в рамках РЧУ, т.е. законом инерции, то в фонологической оппозиции противопоставление согласных и гласных регулируется законом симметрии, устанав-

ливающим различение левого (согласные) и правого (гласные) относительно оси симметрии (нулевой фонемы).

Оппозиция подсистемы согласных подсистеме гласных, описываемая формулой ядерной оппозиции фонологических систем $I < 0 < \bar{I}$ (левое и правое — частный случай положительного и отрицательного, поэтому "минус" и "плюс" в формуле снимаются), является производящей (родовой) по отношению ко всем консонантным (левым) и всем вокалическим (правым) оппозициям. И консонантные и вокалические оппозиции по аналогии с производящей (ядерной) оппозицией будут различать левый и правый член оппозиции относительно своих осей симметрии, т.е. структурно производные консонантные и вокалические оппозиции изоморфны производящей CV оппозиции.

Таким образом, связь между подсистемой консонантизма и подсистемой вокализма не устанавливается общностью тех или иных оппозиций, например, лабиальностью, как может показаться из пропорции $b : d = u : a$. Связь между консонантными и вокалическими оппозициями строится по принципу их структурной изоморфности по отношению к структуре ядерной CV оппозиции, различающей левое и правое относительно оси симметрии, которая таким образом будет выполнять интегрирующую функцию во всех оппозициях.

Различение левого и правого в ядерной оппозиции, левого и правого (левых и правых членов оппозиции) в производных левых и правых фонологических оппозициях стремится к бесконечности, как и бесконечно движение от "нуля" к "единице" в формуле CV коартикуляции $-I < 0 < +I$. В этом заключается диалектика движения фонологической и фонетической систем языка как единства сущности и явления, в котором явление (фонетика) вариативнее, подвижнее и многообразнее в сравнении с относительной устойчивостью сущности (фонологии). Фонемы учитываются в системе (языке), как следует из формулы ядерной оппозиции по выдержке $I < 0 < \bar{I}$, а переходные оттенки звуков реализуются всем спектром артикуляторного движения от относительно индифферентного уклада до выдержки, что описывается формулой CV коартикуляции $-I < 0 < +I$. Поэтому количество фонем на данном этапе развития конкретного языка поддается исчислению в виде натурального ряда чисел, состоя-

щего из двух подмножеств относительно нулевой фонемы:

русский	34 ... I < 0 < I ... 5
мц	33 ... I < 0 < I ... 39
абхазский	68 ... I < 0 < I ... 3

Ядро фонологической системы — это оппозиция согласных и гласных в единстве их дифференциальных и интегральных признаков, которые не могут функционировать вне противопоставления тех или иных согласных и гласных фонем, равно противопоставленных нулевой фонеме. Это и есть минимальная клеточка языка, таящая в себе его родовую (ядерную, или производящую) оппозицию, организованную по закону симметрии, выражаемому применительно к фонологической системе формулой $I < 0 < I$.

Итак, двуединая формула CV коартикуляции и ядерной CV фонологической оппозиции $-I < 0 < +I \rightleftharpoons I < 0 < I$, выражая единство двух противоположных сил и раскрывая характер их взаимодействия в речи и в языке, показывает источник самодвижения и саморазвития фонетической и фонологической систем языка. Полученная формула удовлетворяет требованиям концептуальной универсальности и имеет эвристическую ценность.

К. В. Антонян (Москва)

ОВЛАДЕНИЕ ЗВУКОВЫМ КОДОМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ ИНТЕНСИВНО-ИМИТАЦИОННОГО МЕТОДА

В изучении иностранного языка особую роль играет овладение его звуковым кодом. Без этого невозможно ни нормальное общение, ни полноценное восприятие художественного текста, ни даже правильное построение фразы. Так, в китайском языке большую функциональную нагрузку несет ритмическая организация высказывания. Ритмически неверное построение высказывания сильно затрудняет его восприятие, может приводить к искажению смысла. В некоторых случаях выбор того или иного слова определяется именно требованиями ритмики.

Китайская фонетическая система резко отличается от русской. Учащемуся приходится сталкиваться не только с непривычными звуками, но и с совершенно новым явлением — тонами, выполняющими смылоразличительную функцию; с совершенно иными принципами просодической организации слова, синтагмы, пред-

ложения. Овладение звуковым кодом китайского языка – непростая задача.

Рассмотрим, как эта задача решается в рамках интенсивно-имитационного метода (ИИМ), разрабатываемого С.К.Шантановым (1986) (см. "Комплексное пособие к учебнику китайского языка" Т.П.Ворожцовой, Ф.С.Хусейнова, С.К.Шантанова, 1983. Материалы пособия дополняют и развивают систему упражнений учебника "Цзичу ханьюй кэбэнь. Elementary chinese Readers", Beijing, 1980). Ведущая роль во введении, закреплении и активизации лексико-грамматического материала принадлежит лингафонным упражнениям, построенным в основном по четырех-тактной схеме (стимул – пауза – ключ – пауза), выполняемым учащимися самостоятельно.

Под овладением звуковым кодом языка мы понимаем приобретение навыков артикуляции и навыков восприятия звучащей речи (Н.И.Жинкин, 1958). И те, и другие, конечно, связаны с объемом освоенного лексико-грамматического материала и степенью его активизированности. В то же время эти навыки в большой степени являются психомоторными, т.е. требуют просто тренировки слуха и речевых органов. Любой психомоторный навык может быть приобретен только в результате регулярных и длительных тренировок, причем в основе тренировки лежит имитация: учащийся стремится подражать образцу, с помощью самоконтроля или контроля преподавателя определяет отклонения от образца, старается их устранить. Этот принцип остается в силе и при овладении единицами речи.

В настоящее время выделяются следующие единицы речи: 1) звукотип; 2) слог; 3) ритмическое слово; 4) ритмо-мелодическая схема синтаксиса; 5) ритмо-мелодическая схема высказывания (Т.П.Задюченко, 1980; Л.В.Златоустова, 1980). В традиционной системе преподавания языка во время вводно-фонетического курса работают в основном единицы 1–3. На более же продвинутых этапах обучения учащиеся перестают специально заниматься фонетическими упражнениями (специальные занятия по аудированию составляют небольшую часть учебного времени), а лексико-грамматические упражнения выполняют по книге. В результате единицы 4–5 остаются неотработанными: не удается добиться хорошей интонации, произношение нередко ухудшается по сравнению с начальным этапом.

Причина в том, что звучащая речь играет в учебном процессе второстепенную роль. Раньше это было неизбежным. Теперь, когда широкое распространение получил магнитофон, звуковые упражнения могли бы стать основным средством обучения.

Рассмотрим, например, что дает для приобретения навыков артикуляции и восприятия выполнение одного из лексико-грамматических упражнений пособия.

Задание: в исходном предложении заменить глагол и "иметься" на подходящие по смыслу глаголы фан "находиться", гуа "висеть", чань "стоять" и т.п. со служебным словом чжэ.

Сначала диктор произносит предложение-стимул: Цянь шан ю и-чжан хуар "На стене имеется картина". В паузе учащийся должен выполнить задание, т.е. преобразовать предложение и произнести вслух преобразованный вариант. Затем диктор произносит ключ (преобразованный вариант): Цянь шан гуа чжэ и-чжан хуар "На стене висит картина". За ключом также следует пауза, в которой учащийся повторяет за диктором правильный вариант.

Стимулы представляют собой грамматически однотипные предложения; они построены по одной и той же ритмо-мелодической схеме. Прослушав их как минимум 10 раз (всего в упражнении 10 стимулов), учащийся запомнит также и их ритмо-мелодическую схему.

Чтобы выполнить задание, учащийся должен сравнительно быстро понять смысл предложения-стимула. Так как все стимулы однотипны (место, где находится предмет — иметься — предмет), то эта задача облегчена: нужно расслышать только опорные слова — что находится (картина, книги...) и где находится (на стене, на полке...). В результате того, что слушающий располагает предварительной информацией об устройстве высказывания и его примерном значении, он может направить свое внимание избирательно. Так закладывается основа важного для восприятия навыка: слушать избирательно, на основании знания общей структуры высказывания и контекста восстанавливать по нескольким услышанным опорным словам смысл целого.

На протяжении всего упражнения учащийся слышит и произносит одни и те же лексические единицы (и "иметься", шан "на",

ся "под", чжоузы "стол", шуцзя "полка" и т.д.) в разнообразном окружении (что очень важно: ведь, включаясь в поток речи, слово определенным образом меняет свои фонетические характеристики). Таким образом, упражнение способствует тому, что учащийся 1) легко узнает на слух то или иное слово в различных сочетаниях, 2) когда говорит сам, произносит готовые звуковые блоки, а не механически "приклеивает" одно слово к другому.

"Ключи" также представляют собой однотипные предложения; повторяя их за диктором, учащийся отрабатывает еще одну ритмо-мелодическую схему.

Так обычное лексико-грамматическое упражнение становится одновременно фонетическим, работает на развитие навыков артикуляции и восприятия речи. Как показала практика, эти навыки, как и речевые навыки в целом, у занимающихся по ИИМ оказываются значительно лучше, чем у занимающихся по традиционной методике, даже под руководством носителя языка (С.К.Шантанов, 1986).

Мы считаем, что ИИМ может эффективно использоваться на любом этапе обучения, как на начальном, так и на более продвинутых. Лексико-грамматический материал любой сложности может быть введен и отработан с помощью звуковых упражнений, причем навыки, приобретенные таким путем, будут более прочными. Более содержательными станут и аудиторные занятия, так как и преподавателю, и студентам не придется тратить время на механическую работу.

Можно наметить следующие пути совершенствования ИИМ.

1. Использование автоматических средств контроля произношения. Особенно остро проблема контроля стоит на начальном этапе: у преподавателя нет возможности постоянно контролировать каждого, а восприятие учащихся еще недостаточно развито для самоконтроля. В этих условиях может применяться обучающий комплекс ОК-4, разработанный в МПНИИ им.М.Тореза. С его помощью можно вывести на экран и сравнить кривые частоты основного тона и огибающие интенсивности двух сигналов, например, дикторского образца и речи учащегося. Таким образом могут быть выявлены самые разнообразные отклонения: мелодические, амплитудные, ритмические.

2. Обогащение привлекаемых фономатериалов. Реальная зву-

чащая речь, во-первых, несет на себе отпечаток индивидуальных особенностей говорящего, во-вторых, всегда эмоционально окрашена. Соответственно учащийся, во-первых, должен научиться понимать речь разных людей и выработать свой манеру говорения, укладывающуюся в рамки нормы; во-вторых, он должен правильно воспринимать эмоциональную окраску речи других людей и адекватно выражать свои чувства, тем более что одни и те же фонетические характеристики могут в разных языках свидетельствовать о разных эмоциях.

Мы считаем, что было бы чрезвычайно полезным, если бы материалы упражнений были начитаны несколькими дикторами, с разными голосами и разными особенностями произношения. Сначала учащиеся могли бы знакомиться с исходным, наиболее нейтральным вариантом произнесения, затем — с другими, более близкими к реальной разговорной речи. Кроме того, в курсе должны быть представлены эмоционально окрашенные высказывания. Это могут быть, например, фрагменты фильмов, пьес и т.п., сопоставленные (в фонозаписи) с нейтральным вариантом произнесения и сопровождаемые специальным фонетическим комментарием.

Т.П.Ворожцова (Москва)

ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АССОЦИАТИВНО- ЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА В ОБУЧЕНИИ ИЕРОГЛИФИКЕ

Значение иероглифического знака — это исторически закрепленная в сознании людей соотнесенность между графическим комплексом и понятием или представлением. В иероглифе заключено прежде всего о з н а ч а е м о е знака. Означае — это не только значение, но и значимость. Значимость — это семантическое поле, к которому сходятся все частные значения, в нем как бы поляризуется основная идея слова, записываемого иероглифом. Семантическое поле дает объемное представление о слове и способствует формированию правильного образа означаемого в слове. В языках с иероглифической письменностью в формировании такого образа большую роль призвана сыграть логико-интеллектуальная деятельность учащегося, направленная на выявление семантических свойств слова, а также на раскрытие структурно-смысловых связей составля-

ших иероглиф компонентов.

Для усвоения иероглифа необходимо создание сложного набора ассоциативно-логических связей, закрепленных в зрительных, слуховых и двигательных участках коры полушарий головного мозга.

Существующая практика обучения иероглифическому письму мало способствует выработке у учащихся навыков лингвистического наблюдения и анализа иероглифического знака. Иероглиф чаще запоминается не как целостный смысловой образ, а как конгломерат черт и графических элементов. Внутренняя форма иероглифа, т.е. мотивировка иероглифического значения его графической и семантической структурой, остается нераскрытой. Однако именно внутренняя форма выявляет какой-то определенный признак, на основе которого сформировано значение иероглифа. Конкретный образ, пиктограмма, служил источником обобщения, типизации и возникновения отвлеченных понятий.

В иероглифах идеофонетической категории практически не исследуется связь ключевого знака (детерминатива) с общей идеей иероглифа. Выработка навыков определения смысловой зависимости между значением ключа и общей идеей избавила бы во многих случаях учащихся от необходимости обращения к словарю в поисках значения иероглифа.

Механистический подход проявляется не только при заучивании знаков письма — иероглифов, но и лексических единиц языка — слов. Особенно ярко это прослеживается на примере двуморфемных (двусложных) слов. Иероглиф в слове как бы уподобляется знаку алфавитного письма вне связи с его наглядно-семантическим наполнением, осознается лишь как структурная единица слова, лишенная собственного значения. Значение же иероглифа (точнее, морфемы) механически выводится из значения слова. Неудивительно, что подобная практика заучивания слов не может дать учащемуся правильных ориентиров при переводе текста. Работе со словом непременно должна предшествовать работа с отдельным иероглифом, которая поможет учащемуся выработать навыки осознанного запоминания знака, создаст целостную картину семантического наполнения слова, его валентности. Семантизация иероглифа и далее — семантизация слова — вот то направление, по которому должно идти обучение

40

иероглифике и лексике в практике преподавания китайского языка. Семантизация слова включает семантический анализ компонентов и выявление его грамматической природы, ибо слово - это "система, некоторый упорядоченный объект, дискретные части которого взаимосвязаны и характеризуются соотносительной значимостью, т.е. находятся в определенных отношениях" (В.М.Солнцев). Анализ семантики компонентов слова позволит увидеть, как рождается значение слова в результате обобщения значений словообразовательных морфем и их семантического переосмысления. Анализ грамматической природы слова (биномный анализ) даст возможность установить характер синтаксических связей между компонентами, которые и в слове, и в предложении идентичны.

Семантизация иероглифического знака и лексических единиц языка есть не что иное, как возвращение к неоправданно забытой методике "цзецзы" и "цзеци" ("толкование иероглифов и слов"), традиционно лежащей в основе изучения китайского языка.

Большое значение в раскрытии содержательной стороны иероглифа имеет этимологический анализ слова, записываемого иероглифом, показывающий историю его возникновения, эволюцию развития. Этимология выявляет наглядную картину своеобразной лаборатории творческого мышления создателей иероглифического знака. Достаточно вспомнить иероглиф 好 hao "хороший, любить", составленный из иероглифов "женщина" и "сын", или иероглиф 休 xiu "отдыхать", в котором иероглифы "человек" и "дерево" дают в совокупности идею отдыха и т.д. Каждый иероглиф заставляет нас вдумываться в самое существо мысли древних китайцев, заставляет пройти по такому же пути ассоциации и синтеза, по которому шло образование понятий и значений иероглифов. В силу этого иероглифическая письменность может также служить и своеобразным учебным лингвострановедческим материалом для исследования различных сторон жизни китайского народа, поскольку она "отражает в себе историю внутренней жизни древнего китайского народа (понимаемой в отношении этнографическом, материально-культурном, территориально-административном, в отношении строя государственного, форм внутривосточной жизни, религии, нравственности и пр.)" (С.Георгиевский, 1888). Так, например, иеро-

глиф 高 gao "высокий", по толкованию китайцев, представлял собой башню (сторожевую вышку), которые при Чжоуской династии строились на западных границах китайской империи для защиты от набегов.

Поставленная в плане обучения проблема семантизации иероглифического знака и лексической единицы определяет типологию лексико-иероглифических упражнений, в числе которых могут быть следующие:

1. Определите примерное значение следующих идеограмм, исходя из значений составляющих их компонентов: 家, 教, 努 и др.
2. Сформулируйте общую идею и установите логическую связь между частными значениями в следующих иероглифах: 对(对), 俊(俊), 张(张) и др.
3. Определите смысловую связь между значением ключа и общей идеей в следующих иероглифах: 自, 析, 马, 分 и др.
4. Определите значение слов, морфемы которых записаны ключевыми знаками, и тип синтаксической связи между компонентами: 牛肉, 子女, 山水, 马, 门 и др.
5. Дайте компонентный анализ следующих слов, исходя из значений составляющих их морфем, определите характер синтаксической связи: 发音, 练习, 教室, 父母 и др.

Оптимизация процесса обучения иероглифике способствует развитию логически-ассоциативных элементов памяти, познавательного интереса, воображения, активизирует мыслительную деятельность учащегося, что в конечном счете позволяет значительно повысить эффективность обучения, а также улучшить и систематизировать подачу иероглифического и лексического материала в учебных пособиях, лексических разработках и словниках.

М.В.Дьячков (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ТОНОВ И ДЕТЕРМИНАНТ ЯЗЫКА

(на примере китайского, вьетнамского и
африканских языков)

Наличие или отсутствие в данном языке фонологических тонов, как представляется, тесно связано с его грамматиче-

42

ской детерминантой, ведущее место в которой, по А.А.Реформатскому (1965), занимает морфологическая структура. Поскольку язык представляет собой динамическую и самонастраивающуюся (адаптивную) систему, в которой осуществляется согласование между элементами различных ярусов, постольку грамматическая детерминанта находится в тесной связи с семантической детерминантой, характеризующей прежде всего специфику передачи субъектно-объектных отношений.

Вполне правомерно предположить, что наличие системы фонологических тонов в том или ином языке обусловлено определенными свойствами его детерминант (Г.П.Мельников, 1971; Принципы описания языков мира, 1976). В частности, как известно, в праиндоевропейском языке реконструировано исчезновение системы фонологических тонов при изменении детерминант языка (Л.Г.Герценберг, 1981).

Установление зависимостей между системой фонологических тонов и детерминантами должно, вполне очевидно, производиться на материале различных, генетически не связанных друг с другом языков, для которых характерно это явление. К тому же чрезвычайно желательно изучать эти зависимости в динамике, а не только в статике на синхронном уровне.

Типичными тоновыми языками являются многие языки Юго-Восточной Азии (например, сино-тибетские, тайские, вьетнамские), а также языки Африки (например, западно-атлантические, гур, манде, ква, восточные адамауа, банту). При этом интересно отметить, что детерминанты ряда африканских языков не совпадают с детерминантами языков КВА.

Считается, что почти идеальную подгонку фонологической (и фонетической) систем, включая и тоновые фонологические оппозиции, под требования морфологии в соответствии с заданной детерминантой можно наблюдать в китайском языке (Г.П.Мельников). В этом языке грамматическая детерминанта предусматривает существенное преобладание морфологической изоляции при полном отсутствии словоизменения, а семантическая детерминанта относит этот язык, по-видимому, к нейтральному типу. Слог в китайском языке, как известно, представляет собой силлабоморфему, открытую или закрытую, на строение которой накладываются соответствующие структурные ограничения. Аналогичными свойствами обладают такие языки, как вьетнам-

ский, тайский, лаосский, лы, чжуанский, качинский, шанский и др. В таких языках вокализм и консонантизм, какими бы богатыми они ни были, не могут обеспечить достаточных предпосылок для создания необходимого словарного состава. Выход из положения обеспечивается за счет введения фонологического тонового компонента (В.Я.Плоткин, 1982), конкретно выражающегося в появлении от трех до шести тоном. По мнению А.Г.Одрикура, первоначальная система тонов была тождественной во всех тоновых языках ЮВА (китайском, вьетнамском, тайском, мяо-яо и др.).

Целым рядом иных свойств обладают тоновые языки Африки. Для этих языков силлабоморфемы как таковые не характерны, хотя во многих из них имеется значительное число односложных морфем (слов), а грамматический строй тяготеет к аналитизму. Можно считать, что общим фонологическим свойством тоновых языков Африки является тенденция к открытости слога (D.Westermann, M.Bryan, 1952).

Для целого ряда тоновых языков Африки характерно наличие именных согласовательных классов, что само по себе исключает морфологическую изоляцию, а семантическая детерминанта у них заключается в противопоставлении множества стабильных классов денотатов. К таким языкам относится ряд изолированных языков Нигерии и Камеруна (по классификации Д.Вестермана): ньянго, тафи, логбо и др., а также языки гур, в которых тоны соотносятся или с морфемами, или со слогами, т.е. в пределах одной морфемы имеется несколько тоном. В языках басари, кусал имеется три тоны, в касем — четыре, в бариса — шесть. Аналогичными свойствами обладает и ряд языков банту: шамбала, часу, ндау, тсонга, сото — две тоны, кинга, хоса — три. По мнению Дж.Гринберга, в протобанту существовала двутонная фонологическая система, причем все именные префиксы имели низкий тон (1971).

К тоновым языкам в Африке относятся и многие языки аналитического строя, семантическая детерминанта которых тяготеет к нейтральному типу. В языках манде, например, три тоны соотносятся не с отдельными слогами, а с неодносложной (чаще всего двусложной морфемой). Предполагается, что соотношение тоны с неодносложной морфемой было характерно для

протоманде.

В диахронии система фонологических тонов, равно как и грамматическая и семантическая детерминанты, могут подвергаться существенным изменениям, причем система тонов может изменяться и без изменения детерминант. Например, при формировании межэтнического санго в центральной Африке на базе диалектов нгбанди (восточные адамауа) произошло существенное упрощение системы фонологических тонов и сферы ее применения без изменения детерминант (В.П.Хабибов, 1984). Система утратила грамматическую релевантность, сохранив только лексическую, а также репертуар трех тоном.

По-видимому, в африканских языках, о которых говорилось выше, вокализм и консонантизм сами по себе также не обеспечивают достаточных предпосылок для создания словарного состава. Но вполне вероятно, что здесь вступают в действие и какие-то иные факторы. Так например, считается, что система фонологических тонов не возникает в тех языках аналитического строя, в которых в исходе слога достаточно широко используются согласные, а деривация может оформляться консонантными аффиксами, как в мон-кхмерских языках (Г.П.Мельников). Это предположение целесообразно было бы более тщательно проверить на материале африканских языков.

В более общем виде вопрос ставится следующим образом: существуют ли какие-либо строгие и однозначные соответствия между детерминантами языка и наличием или отсутствием в нем системы фонологических тонов. Одним из подходов к решению этой задачи может стать проведение исследований свойств расширенных пиджинов и креольских языков, сформировавшихся на основе европейских языков. В этом случае приходится иметь дело с двумя группами факторов: 1. Изменение детерминант исходного языка в результате полного элиминирования словоизменительной морфологии и весьма существенной редукции словообразования. В частности, в этих расширенных пиджинах и креольских языках грамматическая детерминанта существенно сдвигается в сторону аналитизма, а семантическая – в сторону нейтрального типа. 2. Воздействие языков-субстратов (в данном случае ряда африканских и азиатских языков) на формирующиеся расширенные пиджины и креольские языки.

В сфере фонологии в некоторых из этих языков укореняется

тенденция к открытости слога, а в сфере лексики — гипертрофированная омонимия (вследствие нейтрализации ряда фонологических оппозиций исходного языка). Вместе с этим, а, может быть, в результате этого, начинает появляться система фонологических тонов, например, в таких языках на английской основе, как нигерийский расширенный пиджин (В.П.Хабиров), креольский язык сарамакка в Суринаме, расширенный пиджин вес-кос в Камеруне (Ch. Gilman, 1978) и т.д. Следует иметь в виду, что система фонологических тонов в этих и других креольских языках на европейской основе проявляет себя в настоящее время скорее как тенденция, чем как завершившийся процесс. Объясняется это тем, что радикальная перестройка грамматической структуры исходного языка при его пиджинизации-креолизации не может привести в такие же сжатые сроки к столь же радикальной перестройке фонологической системы.

О.И.Завьялова (Москва)

ЧЕРЕДОВАНИЕ ТОНОВ И ПРОСОДИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЕВЕРОКИТАЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ (ГУАНЬХУА)

Многочисленные материалы по диалектам гуаньхуа, опубликованные в последние годы, позволяют сделать некоторые выводы о значении предпаузной (конечной) и серединой позиции для различения китайских тонов. Согласно традиционной точке зрения, основным вариантом тона является прежде всего тот мелодический контур, который присущ изолированно произнесенной морфеме. При любом чередовании тон, появляющийся в неконечной позиции, рассматривается в китайских работах как вторичный, "измененный". Между тем, как это можно установить на материале многих диалектов гуаньхуа, противопоставление некоторых тонов, исчезнувшее в позиции перед паузой (и в том числе в изолированных однословах), может тем не менее сохраняться в позиции перед другим слогом. С исторической точки зрения, такая ситуация возможна не только для тонов, соответствующих разным среднекитайским классам, но также и в первую очередь для фонологизировавшихся во многих современных диалектах низкой ("инь") и высокой ("ян") тоновых серий, появление которых в среднекитайском обуславливалось глухостью/звонкостью инициалей. В результате, в

пределах области распространения гуаньхуа для любого средне-китайского класса (кроме "шан", разделившегося на достаточно раннем этапе между классами "шан" и "шуй") можно обнаружить системы двух видов: те, в которых противопоставление тонов серий "инь" ("а") и "ян" ("б") наблюдается во всех позициях, и те, которые сохраняют это противопоставление только в позиции перед другим слогом. Второй вид отмечен для тона "пин" (I) во многих диалектах провинций Шаньси и Ганьсу, для тона "шуй" (III) — почти по всей территории северного ареала гуаньхуа (диалекты к северу от р. Хуайхэ и Центрального горного пояса), для тона "жу" (IV) в ряде диалектов Шаньси. В Хундуне (Шаньси) и Бошане (Шаньдун), утративших тон IV в позиции перед паузой, тем не менее отмечены особые чередования для морфем этого тона с историческими глухими инициалами в позиции перед другим слогом в нулевом тоне (Цяо Цзаньшэн, 1983; Цянь Цзэнъи, 1984).

В некоторых диалектах положение морфем в неконечной позиции оказывается необходимым, но не достаточным условием для осуществления того или иного тонового противопоставления. Как выяснилось, в качестве фактора, обуславливающего различие тонов, иногда выступает принадлежность сочетания к одному из просодических типов, различия между которыми определяются также и наличием/отсутствием и неодинаковыми способами нейтрализации тонов в конечной морфеме (морфемах). Так, противопоставление тонов IIIa и IIIb в диалекте Тунлюй (Хэбэй) и упомянутые выше чередования тонов в диалектах Хундуна и Бошаня возможны только в первом слоге тех сочетаний, где во втором слоге наблюдается нейтральный (но не полный исходный) тон. В диалекте Цзиньчэна (Шаньси) противопоставление тонов Iб и II ("шан") сохраняется в первом слоге существительных — терминов родства, образованных удвоением корня, где во втором слоге после тона II появляется к тому же вторичный тон Ia (при нейтральном тоне после тона Iб); в то же время в образованных удвоением корня глаголах противопоставление тонов Iб и II утрачено, во втором слоге здесь возможен только нейтральный тон.

В основе описания изменений тонов в диалектах гуаньхуа, как правило, лежат многочисленные примеры двусложных соче-

таний. Грамматически они характеризуются разнообразными связями входящих в них морфем. Фонетически двусложные сочетания, очевидно, представляют собой единицы, аналогичные выделенным на материале путунхуа (Задоевко, 1980) "ритмическим словам" (чаще всего двух- или трехсложным), отличающимся рядом фонетических особенностей сочетаний морфем и ограничивающих своими пределами и диссимилятивный переход пекинского третьего тона во второй перед другим третьим (внутри "ритмического слова" стоящие рядом два третьих тона невозможны, в то время как не отделенные паузой соседние слоги, относящиеся к разным "ритмическим словам" — хотя бы и внутри одной синтагмы — могут произноситься в двух третьих тонах подряд). Сопоставление выделенных в результате анализа двусложных сочетаний просодических типов позволяет установить, что число и фонетические особенности последних в значительной степени варьирует в ареале распространения диалектов гуаньхуа. Ср. следующие примеры.

I. Диалект Синьчжоу (провинция Шаньси) (Вэнь Дуань-чжэн, 1985). Для двусложных сочетаний можно выделить три просодических типа.

А — тоны второго слога совпадают с четырьмя тонами изолированно произнесенных однослогов (Ia/II, Iб, III, IV); включает различные сочетания двух разных корневых морфем, в том числе глаголы с прямым дополнением, а также существительные, образованные удвоением корня в тоне II, III, IV.

Б — при определенной последовательности исходных тонов первого и второго слога во втором слоге появляется вторичный тон Iб (низкий нисходящий). Включает два вида сочетаний:

- а) различные сочетания двух корневых морфем (кроме "глагол+дополнение", всегда относящихся к типу А) с последовательностью тонов Ia+II, II+II (но не Ia+Ia, II+Ia), III+Ia, III+II, III+III;
- б) существительные, образованные удвоением корня в тоне Ia (Ia+Ia), но не II (II+II) и в тоне III (III+III).

В — во втором слоге после любого тона наблюдается краткий нейтральный тон. Включает сочетания с суффиксами, модальными частицами, показателем определения ды и другими служеб-

ными морфемами.

Противопоставление тонов Ia и II, исчезающее в позиции перед паузой, сохраняется в первом слоге двусложных сочетаний всех трех просодических типов, а также отражено в чередованиях тонов второго слога в сочетаниях типа Б.

2. Дialect Ляньиньгана (провинция Цзянсу) (Р.Ивата, 1982). Выделяется четыре просодических типа двусложных сочетаний.

А - во втором слоге сохраняется противопоставление пяти тонов, аналогичных тонам изолированных однослогов (Ia, Ib, II, III, IV).

Б, В, Г - противопоставление тонов во втором слоге нейтрализуется, при этом во втором слоге наблюдаются следующие изменения:

Б - после любого тона первого слога (кроме II, после которого нейтрализация типа Б не наблюдается) отмечается вторичный высокий нисходящий тон II.

В - после любого тона первого слога наблюдается низкий нисходящий вторичный тон, отличный от всех тонов изолированных однослогов.

Г - характеризуется кратким нейтральным тоном, высота которого - как в путунхуа - определяется высотой тона первого слога.

Насколько можно судить по опубликованным материалам, к типам А-Б могут относиться двусложные сочетания, характеризующиеся разными грамматическими связями морфем. Тип Г, помимо небольшого числа сочетаний двух корневых морфем, включает главным образом слова с суффиксами, сочетания знаменательных слов с показателем атрибутивности ды и другими служебными морфемами.

3. Ганьсуйский диалект дунганского языка (О.И.Завьялова, 1973). Выделяется два просодических типа двусложных сочетаний.

А - во втором слоге наличествуют те же три тона, что и в изолированно произнесенных однословах (I, II, III).

Б - во втором слоге противопоставление тонов нейтрализуется. При этом после тона Ia отмечается вторич-

ный тон I, после тона Iб - вторичный тон II, после тонов II и III - низкий краткий мелодический контур, напоминающий пекинский нейтральный после тонов Ia, Iб, III.

Исчезнувшее в изолированных однословах противопоставление тонов Ia и Iб сохраняется в первом слоге биномов того и другого типа, однако в бинамах типа А перед исходным тоном Ia (но не Iб) во втором слоге наблюдается переход $Ia > Iб$, отсутствующий в бинамах типа Б.

А.М.Карапетьянц (Москва)

Соразмерность графических и фонетических репрезентаций китайских слогоморфем

Традиционная китайская наука понимает основную единицу китайского языка - иероглиф как единство написания, звучания и смысла. Иными словами, совпадающая со слогом морфема (единица значения) имеет две репрезентации - графическую и фонетическую. Ниже анализируется весь список непериферийных слогоморфем (ок. 4000 единиц).

В общем случае иероглиф делится на две части - ключ и фонетик, задаваемые а) сходством звучаний иероглифов с одинаковыми фонетиками, б) графической простотой ключей и ограниченностью их набора. Несопоставимые иероглифы могут считаться уникальными фонетиками или комбинациями ключей с ними. Графических составляющих, больших, чем ключ, но входящих в иероглифы, не имеющие близких чтений, всего 10; восемь из них входят в пары. Деление иероглифов на ключ и фонетик аналогично делению слога на инициаль и рифму.

Дальнейшее разделение фонетиков на ключи или ключеподобные графические единицы, называемые далее графемами, позволяет выделить 50 графем, показанных на рис. I. Графемы в квадратах и справа от них объединены по принципу дополнительной дистрибуции и соотносимы как полные и сокращенные написания ключей, внизу прямоугольников помещены варианты написаний. Поскольку каждому иероглифу соответствует последовательность из одной-шести графем (шестиграфемных иероглифов всего 11, однографемные составляют лишь 3,5%), деление иероглифа на графемы оказывается соотносимым с делением слога

на фонемы.

Неоднозначность графемного и фонемного (с учетом тона) кодирования смыслов примерно одинакова: доля неоднозначных кодов для графемных репрезентаций равна 5,2% (без однографемных иероглифов – 4,2%), для фонемных – 5,0%, а соответствующие им морфемы составляют 11,6% (8,2%) и 10,0%; сходны и характеристики распределений.

Для сопоставления графической длины морфемы с фонетической нужны правила, основанные на количестве и длительности фонем. Согласно традиционным представлениям о редукции е-образной централи и полученным мною характеристикам распределений длительностей слогов в тексте введено восемь моделей: ССУЕНН, ССУНН, ССУЕН, ССУН, СУЕНН, СУНН, СУЕН и СУН; для последних двух моделей длины слогов совпадают с числом теоретически или практически реализуемых сегментных элементов. Модели строятся на признаках: а) Е – е не редуцируется, б) СС – придыхательные и спиранты считаются за две фонемы, в) НН – конечные н и нъ считаются за две фонемы; длина слога совпадает с числом фонем.

Сопоставление характеристик распределений показывает несомненный гомоморфизм графемных и фонемных репрезентаций морфем, наиболее очевидный для моделей СУЕН/СУН, ССУН и СУНН (см. табл. I, где l – расстояние данного распределения от графемного). Величины l для моделей СУН и ССУН сопоставимы с получаемыми при случайном разбиении материала одной модели: так, расстояние между распределениями морфем второго и четвертого тонов модели СУН составляет 0,38; для сравнительно редких групп на концах распределений эта величина может превышать единицу.

Модель ССУН представляется оптимальной, поскольку она предполагает большую соразмерность двух частей слога и дает более последовательное уменьшение числа морфем на слог по мере увеличения длины слога, чем модель СУН. Это уменьшение аналогично уменьшению продуктивности фонетика по мере увеличения числа его графем.

Сходство распределения морфем по длинам видно из рис. 2, где незаполненность обозначает редукцию е, квадраты – удвоение инициалей, треугольники – удвоение терминалей. Графемная модель (ей соответствуют точки) показана сплошной линией,

модель СУН – штриховой, а ОСУН – штрих-пунктирной линией.

Основной составляющей звуковой репрезентации морфемы является фонетический состав без тона ("слог"), а графической – фонетик. Распределения этих составляющих по числу соответствующих им морфем имеют несомненное сходство, очевидное из рис.3, где продуктивность отложена в логарифмическом масштабе. Однако расстояние между распределениями оказывается сколь-либо удовлетворительным (1,43) лишь в случае отбрасывания значений "15 и более" для графем, "13 и более" для слогов. На слог в среднем приходится 3,7(3,4) морфемы, на фонетик – 3,4 морфемы.

Распределение фонетиков по числу графем аналогично распределению слогов по числу фонем, уменьшенному на единицу (см. табл.2). Это естественно, поскольку при добавлении ключа (переходе к иероглифу) общее число графем возрастает, однако переход от слога без тона к тонированному слогу в рамках используемых моделей не влечет за собой возрастание числа его составляющих.

Основные выводы.

Графема китайского письма соотносима с фонемой языков с фонетическим письмом (фиксаций языковых звучаний на манер фонетического письма).

Предлагаемое членение иероглифов на графемы, доводящее до логического конца выделение ключей, отвечает графической ткани китайского языка не в меньшей мере, чем его фонетической ткани – членение слога на структурные элементы.

Фонетические и графические репрезентации (коды) китайских морфем гомоморфны и одноразмерны. Это указывает на структурное сходство обеих естественных и равнозначных материализаций китайского языка, далеко заходящее за простое совмещение (совпадение по границам) морфемы (слова), слога и иероглифа.

Длина китайского слога по числу фонем элементарным образом не измеряется, что является лишним подтверждением слога-фонемного единства.

Табл. I
Средние, дисперсии, эксцессы и коэффициенты
асимметрии длин морфем

Модель	$\bar{x}$	σ^2	E	A	I
ГРАФ	2,96	0,87	3,06	0,09	-
СУЕН	2,91	0,84	2,13	-0,18	0,97
СУН	2,73	0,73	2,66	-0,08	0,51
ССУН	3,16	0,93	2,68	-0,10	0,47
СУНН	3,13	1,07	2,02	0,06	1,05

Табл. 2
Статистические характеристики длин
фонетиков/слогов

Модель	$\bar{x}$	σ^2	E	A	I
ГРАФ	2,19	0,82	2,62	0,31	-
СУЕН	2,05	0,74	1,84	-0,07	0,88
СУН	1,86	0,63	2,46	0,11	0,46
ССУН	2,33	0,85	2,33	0,05	0,41

	0	I	2	3	4	5	6	7
а	一 米 ハノ米	一 石 フセ	一 方 フ	丁 车 フダ	×	ナ 斤 ナ	七 斤 ナ	七 鸟 ナ
о	归 ハノ	二 丑 フ	立 类 フ	寸 才 フ		食 食 ナ	工 工 ナ	夕 夕 ナ
в	化 ハノ	山 フ	广 广 フ	土 土 フ	人 穴 フ	大 大 ナ	口 口 ナ	易 易 ナ
г	心 ハノ	小 火 フ	长 虫 フ	干 金 フ			尸 尸 ナ	口 口 ナ
д	月 肉 ハノ	洲 言 フ	支 支 フ	五 玉 フ	井 井 フ	木 回 ナ	日 甘 ナ	目 目 ナ
е	力 ハノ	羊 非 フ	雨 雨 フ	辰 辰 フ	女 女 フ	朱 朱 ナ	田 由 ナ	面 面 ナ
ж	了 ハノ	子 示 フ			牛 牛 フ	才 才 ナ	门 门 ナ	

Рис. 1. Китайские графемы

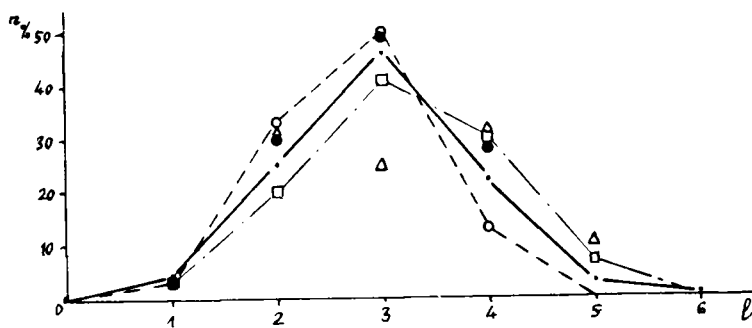

Рис. 2. Распределение морфем по длине

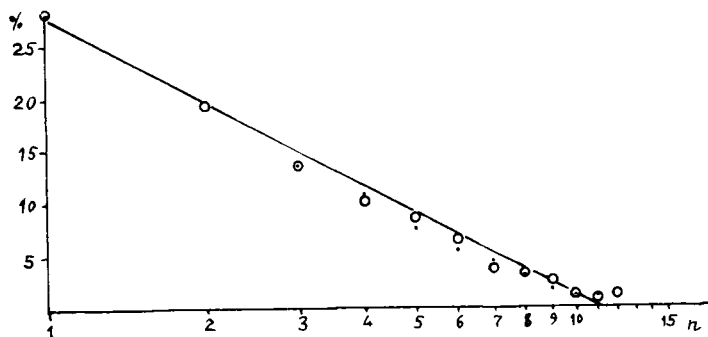

Рис. 3. Распределение фонетиков/слов по продуктивности

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ТИБЕТСКОГО СИЛЛАБОГРАФА

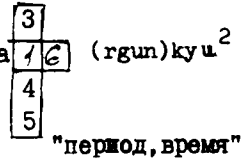
Тибетские силлабографы на основе дистрибутивного и функционального анализа составляющих графем можно разделить на три типа: простые, сложные и составные. 1) Простой силлабограф, или монограф, состоит из одного элемента и обозначает соответствующий согласный, сопровождаемый кратким гласным: *cv*. 2) Сложный силлабограф составляет графический комплекс из множества элементов (диграф, триграф, тетраграф и пентаграф) и обозначает соответствующий согласный, сопровождаемый кратким гласным: *cv*. 3) Составной силлабограф – графический комплекс, представляющий сочетание простой и сложной графем (диграф, триграф, тетраграф, пентаграф, секстаграф и септаграф). Составной силлабограф передает соответствующий согласный, сопровождаемый кратким гласным, плюс конечнослоговой согласный, или согласный, сопровождаемый долгим гласным: *cvc*, *cv*: или *v*, *vc*.

Материал исследования показывает, что основная буква, выступая самостоятельно в виде монографа, соответствует своему алфавитному значению и имеет первичную значимость. Звуковое значение основной буквы, которая является опорой в структуре сложного силлабографа, определяется совокупностью буквенных окружений и зависит от ч е т ы р е х позиций, занимаемых препозитивной и суперпозитивной диакритическими буквами, субпозитивной буквой, субпозитивной диакритической буквой и диакритическим знаком, обозначающим гласную. Звуковое значение основной буквы в структуре составного силлабографа определяется уже ш е с т ью позициями. Помимо перечисленных факторов, оно также зависит от постпозитивной буквы и от постпозитивной диакритической буквы в периферийной части составного силлабографа.

На следующей схеме четко прослеживается зависимость звукового звучания основной буквы от ш е с т и позиций, занимаемых графемами в составном силлабографе (rgun) ку²"период, время".

Схема

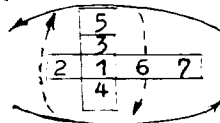
Модель составного силлабографа

Позиция	Функциональная роль буквы в составе силлабографа	Звуковое значение
I позиция	Основная буква η (ga)kha ²	kha ²
IV позиция	Субпозитивная диакритическая буква $\tilde{u}$ (ya)ya ² обозначает палатальность согласной	khyu ²
III позиция	Суперпозитивная диакритическая буква $\tilde{r}$ (ra)ra ² обозначает непридыхательность согласной	kyu ²
V позиция	Подстрочный диакритический знак "сепио" $\sim$ обозначает гласную [u]	kyu ²
VI позиция	Постпозитивная буква $\tilde{r}$ (na)na ² обозначает назализацию гласной	kyu ²

Таким образом, как в сложном, так и в составном силлабографах наблюдаются тесные связи между составляющими элементами. Они могут быть внутренними и внешними. Внутренние связи объединяют элементы ядерной части сложного и составного силлабографов. Внешние связи охватывают воедино элементы ядерной и периферийной частей составного силлабографа.

Внутренние и внешние связи между графемами сложного и составного силлабографов схематически можно представить следующим образом:

Выступая в несвойственной им роли, субпозитивные буквы в случаях непосредственной репрезентации инициальных согласных соотносятся с иными "вторичными" тонами. Наблюдаем чередования тонов по признаку "низкий-высокий".

Одни и те же огласовки в составных слобографах в зависимости от позиции – буквенного окружения – могут репрезентировать ряд аллофонов, различающихся качественными и количественными признаками.

Огласовка основной буквы	Постпозитивные и постпозитивные диакритические буквы, репрезентирующие гласные в едином комплексе с основными буквами				
	$\uparrow$ (da)tha ² $\downarrow$ (sa)sa ¹ $\uparrow$ (la)la ² $\downarrow$ (ra)ra ² $\downarrow$ pha ²				
$\downarrow$ a	ε	ε	ε:	a:	ə
$\downarrow$ i			i:	i:	
$\downarrow$ u	y	y	y:	u:	
$\downarrow$ e			e:	e:	
$\downarrow$ o	ø	ø	ø:	o:	

Из таблицы видно, что буква $\downarrow$ a¹, а также буквы, осложненные постпозитивными буквами, постпозитивными диакритическими буквами и диакритическими знаками в совокупности обозначают гласные, которые могут репрезентировать следующие аллофоны:

Буква $\downarrow$ a ¹ :	[a], [a:], [ε], [ε:], [ə]
Буква $\downarrow$ o ¹ :	[o], [o:], [ø], [ø:]
Буква $\downarrow$ u ¹ :	[u], [u:], [y], [y:]
Буква $\downarrow$ i ¹ :	[i], [i:]
Буква $\downarrow$ e ¹ :	[e], [e:]

Постпозитивная буква, находясь в периферийной части составного слобографа, подобно основной букве, нередко обладает звуковым значением, репрезентируя конечнослоговые элементы слога [m, n, ng, r, p, ?]. Однако основной букве принадлежит несомненный приоритет: она является обязательной, образуя ядро слобографа, а ее звуковое значение реализуется на основе слогового принципа. Хотя постпозитивная буква играет немаловажную роль, она входит лишь в периферий-

ную часть составного силлабографа, а ее звуковое значение реализуется на основе фонематического принципа, свойственного буквенно-звуковому письму, т.е. "присущий "а" не добавляется. Например, основная буква $\approx$ (da)tha² в ядерной части составного силлабографа $\approx\approx$ (dad)te²³ "твердо верить" на основе слогового принципа тибетской графики передает согласный [th] с "присущим гласным".

В конечной позиции наблюдаем отступление от слогового принципа: та же буква $\approx$ (da)tha² в качестве постпозитивной обозначает лишь один звук - гортанную смычку [ʔ].

Анализ тибетского силлабографа показал, что ядерная часть силлабографа соотносится с элементами C₁V фонологического слога C₁VC₂ и представляет силлабический тип письма, а периферийная часть - соотносится с элементом C₂ и представляет фонемографический/буквенно-звуковой тип письма.

Таким образом, тибетское письмо имеет смешанный силлабофонемографический характер.

А.А.Монастырский (Москва)

МОРФОЛОГИЯ ЭРИЗАЦИИ В ДИАЛЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ КИТАЯ

Суффикс -эр современного китайского языка (КЯ) представляет собой важное грамматическое средство, выполняющее целый ряд морфологических, словообразовательных и стилистических функций. Основным его значением является значение зависимой предметности. Суф. -эр используется путунхуа и многими диалектами КЯ.

Важной особенностью суф. -эр является то обстоятельство, что он не просто присоединяется к эризуемому слогу, а сливается с ним и видоизменяет его финаль. В результате такой fusion образуется производная система эризованных финалей, т.е. фактически вторая система вокализма. Степень слияния суф. -эр с исходным слогом может быть различной, в зависимости от особенностей диалекта и от фонетического состава эризуемого слога. Особенности эризации в различных диалектах отражают специфические черты их фонологических систем. Диалекты, использующие эризацию, распространены в 12 провинциях Китая. Это - Хэбэй, Гирин, Ляонин, Шаньдун, Шаньси, Цзянсу, Ань-

хой, Ханань, Сычуань, Иньнань, Хубэй и Хунань. Область распространения эризации представляет собой полосу, проходящую через весь Китай с северо-востока на юго-запад. Явление эризации можно использовать как важный признак для лингвистического районирования Китая в дополнение к другим, ранее применявшимся показателям.

Изменение исходного слога при эризации происходит обычно на сегментном уровне. Как известно, финаль слога СКЯ может состоять из трех компонентов — медиали, централь и терминали. Изменение сегментов исходного слога при эризации носит характер фонетического уподобления суф. -эр. В большей степени подвержены изменению терминали, в меньшей — централь. Наиболее удаленные от суф. -эр медиали не изменяются.

По степени изменений эризуемого слога выделяются три группы диалектов. В соответствии с их географическим положением, это северо-восточная, центральная и юго-западная группы.

К северо-восточной группе диалектов, использующих эризацию, относятся некоторые диалекты в пров. Хэбэй, Гирин, Ляонин, Шаньдун и Цзянсу. В диалектах этой группы финаль эризуемого слога изменяется по таким же правилам, какие существуют в пекинском диалекте, или по правилам, близким к ним. Происходит ассимиляция части терминалей и модификация отдельных центральных. Медиали не изменяются. Полностью ассимилируются терминали, выраженные передним носовым сонантом или гласным переднего ряда высокого подъема. Они утрачивают все свои признаки и сливаются с сегментом, представляющим собой суф. -эр. При ассимиляции терминали, представленной задним носовым сонантом, предстоящий гласный приобретает назализацию. Терминаль, выраженная неслоговым гласным заднего ряда высокого подъема, сохраняется. В финалях с фонологическим нулем слогообразующего гласного при эризации появляется дополнительный звук — нейтральный гласный, относящийся к центральному ряду и среднему подъему. В результате изменения состава эризуемого слога происходит конвергенция ряда эризованных финалей. Общее количество эризованных финалей несколько меньше, чем количество обычных финалей. Количе-

ство конвергирующих финалей в диалектах северо-восточной группы диалектов, использующих эризацию, относительно невелико.

Центральную группу диалектов, использующих эризацию, оставляют некоторые диалекты в пров. Шаньси и Хэнань. В этих диалектах ассимиляция затрагивает как терминали, так и центральные. Медиалы не изменяются. Все терминалы при эризации ассимилируются полностью. Центральные подвержены существенной модификации и значительно изменяются количественно, однако сохраняются основные принципы, по которым происходит противопоставление центральных. Количество конвергирующих финалей здесь больше, по сравнению с диалектами северо-восточной группы. В диалектах этой группы существуют слоги с историческим входящим тоном. Их важным признаком является терминаль в виде гортанной смычки. При эризации гортанная смычка ассимилируется полностью, что приводит к изменению тона. Таким образом, для слогов этого типа эризация связана не только с сегментными, но также и с суперсегментными изменениями исходного слога.

В диалектах юго-западной группы, расположенных в пров. Сычуань и Юньнань, наблюдается полная ассимиляция терминалей и центральных. Эризованные финалы различаются лишь за счет медиалей. Такое существенное изменение структуры финалей приводит к их значительной конвергенции.

В южной части области распространения эризации — ряд районов пров. Хубэй и Хунань — использование суф. *-эр* ограничено всего несколькими словами, что не дает возможности судить о системе изменения финалей. На основании имеющихся примеров эризации диалекты эти могут быть присоединены к юго-западной группе.

Эризация пекинского диалекта занимает особое положение. Именно эта форма реализации суф. *-эр* является нормативной для национального языка путунхуа. Сходство механизма эризации в путунхуа и в диалектах северо-восточной группы соответствуют ориентации национального языка преимущественно на северные диалекты.

В последнее время некоторые китайские исследователи выделяют ряд диалектов пров. Шаньси и Хэнань в самостоятельную группу диалектов Цзинь. Основанием для этого послужило суще-

ствование в диалектах Шаньси и севера Хэнаня слогов с историческим входящим тоном, не сохранившимся в диалектах группы гуаньхуа. Большинство диалектов центральной части области распространения эризации относятся к группе Цзинь. Особенности эризации, т.е. дополняют сведения, полученные при анализе других фонологических черт диалектов.

Значительная ступень слияния суф. -эр с исходным слогом представляет особенность юго-западных диалектов группы гуаньхуа.

В целом, эризация используется не только пекинским диалектом и путунхуа, но также диалектами Северного, Северо-Восточного, Восточного, Центрального и Юго-Западного Китая. Это позволяет охарактеризовать эризацию не как исключение, а как средство, довольно широко распространенное в современном КЯ. Наличие эризации во многих диалектах современного КЯ показывает, что морфонологические средства могут использоваться слоговым языком.

В.Ф.Резаненко (Киев)

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКО-ГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ТЕКСТОВ

Образ какого-л. объекта - это результат его отражения в сознании человека. Материальным выражением этого образа является слово или какая-то другая знаковая модель. В качестве одной из таких моделей выступает знак китайско-японской иероглифической письменности.

Понимание слова (иероглифа-слова) осуществляется с помощью зрительного и слухового анализаторов, т.е. опирается на его зрительный и слуховой образы; употребление слова (иероглифа-слова) в речи - на его зрительный, слуховой, речедвигательный и рукомоторный образы.

В процессе дешифровки иероглифического текста графические коды иероглифов могут переводиться в звуковые или же, минуя звуковые коды, могут обеспечивать воспроизведение в памяти их (иероглифов) значения. Иначе говоря, акт семантизации иероглифов текста может осуществляться посредством дешифровки их невербальных кодов (кодов смысла).

Невербальный код иероглифа - это зрительные образы обо-

значаемых им одного или нескольких предметов, возникающие в сознании читающего по ассоциации с графической формой иероглифа. Возникновение таких ассоциаций обеспечивается при этом семантико-графической структурой иероглифа.

Семантико-графическая (семантическая) структура иероглифа представлена связью и взаимодействием элементов семантико-графической системы иероглифической письменности, расположенных в определенном порядке в составе иероглифа.

Семантико-графическая система иероглифической письменности представляет собой совокупность ее элементов, связанных языковыми функциями.

Элементы семантико-графической системы иероглифической письменности — это графические элементы иероглифов, состоящие из одной или нескольких черт, находящиеся в формально-смысловых взаимосвязях, которые актуализируются при лингвистических функциях этих элементов и/или лингвистических функциях иероглифов-носителей.

Эти элементы мы называем также базовыми элементами семантико-графической системы китайско-японской иероглифической письменности в связи с тем, что они обладают следующими специфическими свойствами: 1) являются графическими строительными элементами иероглифических знаков; 2) выполняют наряду с функциями идеограмм функции пиктограмм; 3) посредством графической формы мотивируют собственные значения, а также значения большей части (около 6 тыс.) практически используемых иероглифов-носителей; 4) приведенные выше свойства внешней (графической) и внутренней формы данных элементов лежат в основе механизма формирования и расширения семантических парадигм иероглифов-носителей.

М.К. Румянцев (Москва)

СИНТЕЗ ЭРИЗОВАННЫХ ФИНАЛЕЙ

Эризация финалей в китайском языке — явление фонетически сложное. Два слога сливаются в один: к гласной части (финали) исходного (эризуемого) слога присоединяется слог ^{ер}, состоящий из неогубленного гласного среднего ряда среднего подъема [e] и ретро-флексного сонанта [r]. Слог ^{ер}, сливаясь с финалью предшествующего слога, теряет свой слоговой характер, превращаясь в составную часть (элемент) нового

слогового образования. При образовании одного слога из двух происходит нарушение их акустической структуры: эризуемая финаль приспосабливается к принятию ег-признаков, а ег-признаки при слиянии с той или иной финалью становятся не совсем сравнимыми с теми признаками, которые наблюдаются в самостоятельном слоге ег. Модификация признаков обуславливается не только самим фактом слияния двух слогов в один, но также и фонетической структурой эризуемого слога. Следовательно, при эризации каждый структурный тип эризуемой финали дает свою акустическую модель присоединения ег-признаков.

В производных финалях ег-признаки выступают в двух видах: в виде одного элемента — ретрофлексного сонанта r и в виде сочетания r с нейтральным вокалическим элементом $[e]$ — $[er]$. Выбор варианта диктуется структурным типом финали. Этот же фактор определяет и меру присутствия нейтрального вокалического элемента, его количественные и качественные характеристики. В эризуемых финалях большинства структурных типов реализуется лишь сонант $[r]$: $nà - nàr$. В так называемых нулевых финалях и субфиналях с передними медиальными ($i, ü$) эризация представлена двухэлементной характеристикой — сонантом $[r]$ с предшествующим ему нейтральным $[e]$ — $[er]$: $shì - shèr, lǐ - lǐer$. Двухэлементна также эризация и в финалях с задней терминалью ng : $táng - tánger$.

Акустические ег-признаки, их взаимоотношения с нейтральным вокалическим элементом e раскрываются в нашем синтезе на примере слога $èr$. Слог $èr$ получен в программах I, 2, 3 (табл. I, 2, 3). Все три реализации оценены аудитором как неотличимые от естественных. В прог. I t слога — 400, $t r$ — 105, тон — четвертый; образует нисходящий интервал, почти равный м.сексте.

Эризованный слог создан составляющими F_1 и F_2 . Значения F_2 — постоянны по частоте (1460) и амплитудам (0,07) на всем протяжении звучания слога. F_1 на протяжении звучания представлена плавно-нисходящими значениями частот от 910 до 880 Гц. В II-м временном интервале частота F_1 резко снижается — до 580 Гц и в последние 70 мсек она падает до 520 Гц. Это резкое понижение частоты F_1 и создает эризацию. Предшествующее плавное падение частот F_1 тоже обусловлено

этого списка надо изъять гласные [ɪ] и [ʊ], поскольку они в эризующихся слогах полностью замещаются финалью *er* и, следовательно, не составляют своей модели стыка. Сонант [n] в терминальной позиции замещается сонантом [r] и также не образует собственного стыка. В итоге остается шесть гласных [a, o, u, e, i, ʊ] и сонант [ŋ]. Все они образуют собственные акустические структуры эризации с той оговоркой, что гласный [i] собственную модель стыка образует только в позиции единственного элемента финали (lɪ - lɪer), в терминальной позиции она также замещается сонантом. Стык сонанта [r] с финалями [e] и [a] представлен с синтезе слогов *ér* (*ér*), *när* (*när*, *när*), *mär* (*mär*). Он характеризуется резким сломом (понижением) частот F_1 непосредственно в переходной зоне от гласных [e] и [a] к сонанту [r]. Количественные характеристики этого слома могут быть разными, они определяются вариантностью реализаций сочетающихся элементов. В нашем синтезе перепад частот на стыках составлял в прог.1 - 880-580-520 Гц, в прог.2 и 3 - 840-580-520 Гц. При другом качестве эризующихся гласных, например, огубленных [u] и [o] слом частотных характеристик F_1 не такой резкий и направлен не на понижение, как в финалях с гласными [a] и [e], а на повышение. Так, в синтезе слога *nür* перепад частот F_1 на стыке финали *u* с сонантом [r] представлен значениями 320-520 Гц. В эризованной финали *ör* стык [o] с [r] еще более сглажен: 480-520 Гц. А сочетание с *er* гласной [i] демонстрирует очень высокий контраст между этими элементами: 280-840-580-520 Гц. Низкая F_1 гласной [i] переходит сначала в достаточно открытый гласный [e] с высокой F_1 (840) и затем в сонант [r] (520 Гц). Такую же модель перехода образуют и сочетания сонанта [r] с гласной [u] и сонантом [ŋ].

В синтезе слога *minger* низкие частотные значения F_1 (280 Гц) назализованного гласного [i] сначала плавно переходят в еще более низкие значения велярного назального сонанта [ŋ] (260 Гц) и затем скачкообразно в значения *er* (840-580-520 Гц).

Особенно тонкий переход формантных характеристик наблюдается при сближении значений F_1 сонанта [r] и той гласной, с которой он сочетается. Так, например, синтезированные сло-

Табл. прог.1, слог ёг

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
t	40	40	20	20	20	20	20	20	20	75	35	35	35
P ₀	165	162	155	150	138	134	129	125	121	117	114	110	107
P ₁	910	910	900	900	890	890	890	880	880	880	580	520	520
AP ₁	0,03	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,14	0,14	0,14	0,14	0,3	0,3
P ₂	1460	1460	1460	1460	1460	1460	1460	1460	1460	1460	1460	1460	1460
AP ₂	0,01	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07

Табл.2, прог.2, слог ёг

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
t	То же, что в прог.1												
P ₀	То же, что в прог.1												
P ₁	870	870	860	860	850	850	850	840	840	840	580	520	520
AP ₁	То же, что в прог.1												
P ₂ , AP ₂	То же, что в прог.1												

Табл.3, прог.3, слог ёг

Эта программа по всем параметрам спектра идентична прог.1 и 2. Ее отличие от них: еще больше понижена частота P₁, а именно с 1-го временного интервала по 10-й включительно - 840 Гц.

ги $m\acute{a}o$, $m\grave{a}o$ были восприняты аудитором как $m\acute{a}g$, $m\grave{a}g$. Сравнение этих программ с программой, которая дала правильную реализацию слога $m\acute{a}o$, показывает, что они различаются в конечном участке звучания лишь степенью понижения F_1 : 640-590 дает $m\acute{a}o$, а 640-520 - $m\acute{a}g$. Такой акустический эффект возникает при одних и тех же амплитудных значениях (0,5) на участке [o] и на участке [r]. В другой программе эризация [o] поддержана также и снижением амплитудных значений (0,15 - 0,03).

О.В.Семенова (Москва)

РЕАЛИЗАЦИЯ СЛОГОВ С КОНЕЧНЫМИ СРЕДНЕ- КИТАЙСКИМИ СОНАНТАМИ В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В соответствии с представлениями традиционной китайской фонологии, типы финалей классифицируются по конечным элементам, которые могут быть представлены нулевой терминалью (открытые слоги), полугласными терминалями -i (полуоткрытые слоги), сонантами -m, -n, -ŋ (полузакрытые слоги), импловзивными -p, -t, -k (закрытые слоги).

В большинстве современных китайских диалектов отсутствуют слоги с конечным -m и наблюдается переход этих слогов в другие типы реализаций.

Полный набор среднекитайских (далее ср.-кит.) конечных носовых согласных был представлен сонантами -m, -n, -ŋ.

Некоторые диалекты, сохранившие лишь два последних типа реализаций, сохранили оба этих сонанта, другие только один из них, кроме того, есть и такие диалекты, в которых сохранился как конечный -n, так и конечный -ŋ, но возможно их смешение.

Материалом для исследования послужили 982 слогоморфемы, относящиеся к девяти "шэ", которые объединяют слоги с конечными среднекитайскими носовыми -m, -n, -ŋ.

Целью данного исследования было исследовать состояние слогов, восходящих к ср.-кит. слогам с конечными -m, -n, -ŋ.

Проведенный анализ показал, что в современных китайских диалектах слоги с ср.-кит. конечными -m, -n, -ŋ имеют пять типов реализаций: с конечным носовым -ŋ, с конечным носовым -n, с назализованным гласным, знаки, реализующиеся

с открытым слогом без носовых терминалей (условно с нулевой терминалью) и с конечным носовым $-m$.

Результаты анализа показали, что ср.-кит. слоги с конечной $-m$ реализуются с конечной $-m$ только в четырех диалектах — диалектах Мэйсяня, Гуанчжоу, Сямэня, Чаочжоу. В остальных диалектах, таких, как диалект Ханькоу, Чэнду, Чанша, Наньчана, а также в пекинском диалекте, ср.-кит. слоги с конечным $-m$ реализуются с конечным $-n$, в диалекте Фучжоу — с конечным $-ŋ$, в диалектах Цзинани, Сиани, Янчжоу, Шуанфэна — с назализованным гласным, в диалектах Сучжоу и Вэньчжоу — с нулевой терминалью, в диалекте Тайюаня имеются все типы реализаций данных слогоморфем, кроме реализаций с конечным $-n$.

Ср.-кит. слоги с конечным $-n$ в большинстве диалектов реализуются с конечным $-n$. Исключение составляют диалекты Цзинани, Сиани, Янчжоу, Шуанфэна, где эти слоги реализуются с назализованным гласным. В диалектах Фучжоу и Чаочжоу слоги с ср.-кит. конечным $-n$ реализуются с конечным $-ŋ$, а в диалектах Сучжоу и Вэньчжоу — с нулевой терминалью.

Слоги с ср.-кит. конечным $-ŋ$ в большинстве диалектов сохраняют этот тип реализаций. Однако, в диалектах Тайюаня, Ханькоу, Чэнду, Янчжоу, Сучжоу, Вэньчжоу, Наньчана, Мэйсяня, Сямэня, Чаочжоу наблюдаются и другие типы реализаций (около 20–40% от всех реализаций этой группы). Для этой группы слогов с ср.-кит. конечными исключение составляет диалект Чанша: 75% слогоморфем реализуются с конечным $-n$ и только 25% с конечным $-ŋ$.

Интересным представляется явление, которое можно назвать факультативной реализацией. Оно наблюдается в диалекте Шуанфэна и заключается здесь в смешении конечных $-n$ и $-ŋ$. Из 455 знаков с ср.-кит. конечным $-ŋ$ в диалекте Шуанфэна 16% имеют факультативную реализацию (т.е. могут реализоваться и с конечной $-n$ и с конечной $-ŋ$). Все эти слоги с факультативной реализацией относятся к одной группе рифм "шэ".

Кроме того, в диалекте Сямэня наблюдается различие книжного и разговорного произношения слогов с ср.-кит. конечными $-m$, $-n$, $-ŋ$. Для слогов группы $-m$ в книжном чтении слоги реализуются с конечным $-m$, а в разговорном с $-n$ или с назализованным гласным; для слогов с ср.-кит. конечным $-n$ кни-

ное чтение соответствует реализациям с конечным -п, а разговорное — с конечными назализованными гласными или конечным -ŋ; для группы слогов с ср.-кит. конечным -ŋ в книжном чтении слоги реализуются с конечным -ŋ, а в разговорном с конечным -п или назализованным гласным. Это положение свидетельствует о том, что книжное чтение больше соответствует ср.-кит. реализациям и, в общем, находится в соответствии с выводами, сделанными в работе Тань Аошун, А.М.Карапетица (1982), где показано, что в диалекте Сяменя 30% слогов имеют параллельные чтения, причем, книжное чтение подвергается влиянию ср.-кит. стандарта, выраженного в фонологической системе "Це кинь" и очень отличается от разговорного чтения. Таким образом, в диалекте Сяменя два чтения образуют практически две системы.

Исследования позволили сделать выводы о влиянии на тип реализаций таких ср.-кит. характеристик, как группа рифм "ше" и рифма. Таким образом, отдельные рифмы и группы рифм оказываются более или менее устойчивыми к сохранению типа реализации.

Реализация слогов с ср.-кит. конечными носовыми в целом не дает возможности провести четкую границу между северными и южными диалектами. Исключение составляет, пожалуй, лишь реализация слогов с ср.-кит. -ш. Для этой группы слогов в четырех из южных диалектов — Мэйсяня, Гуанчжоу, Сяменя и Чаочжоу — имеются реализации с конечной -ш в отличие от остальных диалектов, где реализации с -ш нет. Для остальных типов реализаций нельзя провести четкую границу между Севером и Югом. Сходство по типу реализаций наблюдается скорее между диалектами в пределах одной диалектной группы или между отдельными диалектами близких диалектных групп. Так, реализации с назализованным гласным имеют три северных диалекта: Цзинани, Сианя, Тайраня (северо-западная подгруппа) и южные диалекты группы Сян-Чанша и Шуанфэн.

Реализации с нулевой терминалью характерны для диалектов группы У (бучжоу и Венъчжоу) по всем ср.-кит. слогам с конечными носовыми.

В диалекте Тайраня из северо-западной подгруппы северных диалектов обнаружилось все типы реализаций примерно в равных соотношениях, кроме реализаций с конечным -ш, которые от-

72

сутствуют вообще.

Примечательным является то, что в пекинском диалекте знаки, восходящие к группе рифм "чжэнь" и группе рифм "цэнь" противопоставляются по месту образования конечного огласного, при этом количество типов финалей с конечным $-n$ и с конечным $-ŋ$ оказывается одинаковым. Это является феноменом по всем 17 диалектам.

Кроме того, были обнаружены некоторые противоречия между системой финалей, описанной в начале "Фонетического словаря китайских диалектов" и реализациями, приведенными в этом словаре, а именно: в диалекте Чаочжоу сохранилось достаточное количество реализаций с конечным $-m$, а также с конечным $-p$, но это не указано в системе финалей диалектов.

Таким образом, при всем многообразии реализаций слогов с ср.-кит. конечными носовыми $-m$, $-n$, $-ŋ$ самыми устойчивыми по количественной реализации в современных диалектах оказались реализации слогов с ср.-кит. конечным $-ŋ$. Вторыми по степени устойчивости являются реализации с конечным $-n$. Самыми неустойчивыми — реализации с ср.-кит. конечн $-m$.

А.Я.Соколовский (Владивосток)

О ПРИЧИНАХ РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ НА ФОНОЛОГИЮ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Понятие фонемы, как известно, занимает центральное положение в фонологии. "Сейчас всем ясно, — пишет Л.Р.Зиндер, — что изучать звуки речи без учета понятия фонемы бессмысленно" (1979). Трудно представить себе современную работу по фонологии, ставящую теоретические, методические или прикладные задачи и не использующую ее основное понятие. На первый взгляд кажется, что фонема прочно вошла в число лингвистических универсалий, признанных необходимыми для описания разных, в типологическом отношении, языках. Однако это не так. В.Б.Касевич, например, полагает, что "существует целый ряд языков, среди них китайский, вьетнамский, бирманский и многие другие, к фонологическим единицам которых само понятие фонемы, строго говоря, неприменимо" (1977). Но среди сторонников данного направления нет единого мнения относительно того, какие фонологические единицы в этих языках выступают в роли фонем. В ки-

таистике, например, существует точка зрения, согласно которой основной фонологической единицей в китайском языке признается слог, или слогофонема. Согласно другой точке зрения, такими единицами считаются слоги или их структурные элементы - инициаль (инициаль - начальная согласная) и финаль (рифма - вся остальная часть слога). Третью точку зрения представляют лингвисты, которые предлагают считать основными фонологическими единицами инициали и финали, называя их по аналогии с единицами эмического уровня инитемами и финемами (Нгуен Куанг Хонг, 1974). Четвертую точку зрения высказывают исследователи, которые разлагают китайские слоги не на два, а на четыре структурных элемента (имеются в виду слоги полного состава), которым придается статус фонем. Есть еще и другие точки зрения, приверженцы которых используют термины признаковой фонологии, а также единицы просодического уровня. Эти исследователи признают первостепенность не линейных, а суперсегментных свойств речи.

Анализ фонологических описаний современного китайского языка позволяет констатировать наличие двух типов фонологий - "фонологии с фонемой" и "фонологии без фонемы". Такая ситуация делает эти описания несопоставимыми. А.А.Леонтьев справедливо указывает на то, что лингвист "нередко испытывает трудности, пытаясь "перевести" на язык привычной ему модели описание, сделанное при помощи иной модели" (1974). Применительно к языкам Дальнего Востока (ДВ) и Юго-Восточной Азии (ЮВА) такое положение встречается довольно часто. Здесь для подчеркивания специфики китайского, вьетнамского, бирманского и других языков ДВ и ЮВА стали пользоваться терминами "слоговые языки" и "слоговая фонология". Правомочность обращения внимания на специфику указанных языков не может вызывать сомнений. Однако подчеркивание особенностей не должно идти в ущерб тому общему, что есть в структуре разных языков. В.М.Солнцев пишет: "китайский язык имеет как существенно общие черты с другими, в том числе и индоевропейскими языками, так и специфические особенности, присущие только китайскому языку или ряду языков в типологическом отношении сходных с ним" (1973). Такой взгляд, с нашей точки зрения, способствует более правильному решению важнейшей задачи современного языкознания - установления универсалий - законо-

74

мерностей, которые присущи всем языкам. Их наличие, по-видимому, объясняется лингвистическим моногенезом и единством коммуникативной функции языка. Очевидно, что установление универсалий может производиться на основе единых понятий и терминов. Так, В.М.Солнцев по этому поводу отмечает: "... языки в своих описаниях должны быть соизмеримы, т.е. по возможности описаны посредством единообразного терминологического аппарата, ... поскольку успешно сопоставлять и сравнивать можно лишь явления, измеренные при помощи одних и тех же единиц" (1976). М.Крумянцев также подчеркивает преимущество описаний языковых систем в единых терминах и понятиях. Он считает, что тенденция к созданию терминов и понятий, специфичных для частного языкознания, и характерная для периода становления фонологии как науки, вряд ли актуальна теперь. "Она разобщает лингвистику, затрудняет обсуждение проблем по существу, сводя их нередко к чисто терминологическим спорам" (1978). В указанных условиях становится очевидной актуальность обращения к фундаментальным проблемам китайской фонологии и, в частности, к выяснению природы ее основных единиц. Потребность в систематическом исследовании проблемы фонемы в современном китайском языке назрела давно. Она связана не только с дискуссией по поводу этой единицы в китайском и других сходных с ним языках изолирующего строя, но и с тем, что до сих пор в общем языкознании нет единого определения фонемы. Оно варьирует от одной фонологической школы к другой. Остаются спорными многие вопросы, касающиеся функциональности и лингвистичности фонемы. Нет пока единых критериев выделения этой единицы в языке. Польский лингвист Тадеуш Батуг, указывая на разноречивость в понимании фонемы, не без основания пишет, что "не будет преувеличением сказать, что сегодня существует столько же различных фонологических теорий, сколько существует фонологов (1967). Г.В.Воронкова также пишет, что "фонема остается пока той лингвистической единицей, сущность и смысл которой пока еще не раскрыты до конца и, возможно, будут еще предметом дискуссий в течение многих лет" (1981).

Другой причиной обращения к проблеме фонемы в китайском языке является то, что появившееся в лингвистике в результате анализа материала индоевропейских языков понятие

фонемы получило, однако, статус общелингвистического. Между тем без учета некоторых важных звуковых особенностей языковой типологии оно вряд ли может с полным правом считаться таковым. Так, например, согласно существующим представлениям, эта единица непременно должна "ассоциироваться" со смысловым значением, т.е. актуально или потенциально представлять значимые единицы языка. Во многих индоевропейских языках это свойство фонемы действительно проявляется довольно часто. Однако в изолирующих языках, в частности китайском, отдельные фонемы лишены этого свойства. Тем не менее мы не считаем целесообразным на этом основании отрицать наличие фонем в китайском и других изолирующих языках. Необходимо лишь использовать материал изолирующих языков для дальнейшего развития общелингвистического представления о фонеме.

Важной причиной наличия разных точек зрения на фонологию китайского языка являются, безусловно, его фонетико-морфологические особенности: соотношение морфемных и слоговых границ (закон морфологической значимости слогоделения), неспособность отдельного звука (без тона) самостоятельно выступать материальным экспонентом значимых единиц языка, невозможность прохождения морфемной границы между отдельными звуками внутри слога, запрет на рессиллабацию в слове, слабая активность отдельных звуков на синтагматической оси, жестко регламентированная дистрибуция звуков в рамках слога, относительная простота и асимметричность структуры слога, наличие строго лимитированного количества слогов заданной структуры, наличие тона, выполняющего смыслоразличительную функцию в слове.

Е.М.Шабельникова (Ленинград)

ТРАНСФОРМАЦИИ КИТАЙСКИХ СЛОГОВ И ИХ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

Хорошо известно, что китайский слог отличается не только простой структурой, но и стабильностью своих характеристик в разных контекстах. Вместе с тем, имеются и специфические явления, которые можно назвать фонологическими (морфофонологическими) трансформациями слога в китайском языке: структура слога (слогоморфемы) изменяется по определенным прави-

лам при присоединении другого слога (слогоморфемы). Результатом трансформаций чаще всего выступают слоги, резко отличающиеся по своей структуре от "нормальных", нетрансформированных слогов.

Наиболее известны с этой точки зрения явления эризации. Большинство исследователей обычно ограничиваются материалом пекинской эризации, которая представляет собой лишь частное проявление более общих закономерностей, присущих явлениям эризации в большинстве диалектов китайского языка. Если эризация в пекинском диалекте оказывает влияние только на фонетическую реализацию субфинали и ни в коей мере не затрагивает характеристики других компонентов слога, то в ряде диалектов, прежде всего шаньдунских, присоединение к знаменательной морфеме суф. эр может вызывать изменения в фонетическом облике любого компонента слога — инициали, финали и тона. (Мы имеем в виду возможные типы фонетических изменений, а не их реальные комбинации в рамках отдельных диалектов). Так, в диалекте Цзиньсян (Шаньдун) свистящие инициали базовых слогов при эризации заменяются на шипящие: [tʂu̯ ǝ:] → [tʂu̯ǝr] "червяк". Что касается финали, то возможны как изменения в реализации отдельных ее компонентов, прежде всего, субфиналей: [miau] → [miǝr] "росток"¹⁾ (уезд Цзюйсянь, Шаньдун), так и трансформации финали в целом, включая тон слога, например: [tiǝʔ] → [tɔ:nɪ] "капелька" (уезд Иу, Чжацзян). (В диалекте Иу суф. эр фонетически реализуется как [n]).

Явление эризации сопровождается внедрением суф. эр в состав базового слога, при этом возможна реализация эризованного элемента не только в крайней правой позиции финали, как это происходит в пекинском диалекте, но и одновременно справа и слева от финали. Левый ретрофлексный элемент, который фонетически может реализоваться как [ɭ], вклинивается в слог как после инициали: [tsur] → [tsuɭyr] "место, сидение" (уезд Янгу, Шаньдун); [tɔ:] → [trɔr] "ножик" (уезд Цзиньсян, Шаньдун), так и между ме-

¹⁾ При переводе даются те значения, которые эти слоги имеют в путунхуа. Для диалектов возможны семантические сдвиги, которые мы здесь не учитываем.

диалью и субфиналью в случае с палатальной медиалью: [iãŋ] → [ilar] "вид, сорт" (уезд Янгу, Шаньдун).

Наличие эризации может влиять на любой компонент слога, а эризованный элемент может иметь четыре позиции в его составе: после инициали перед финалью, после медиали перед субфиналью, после центри и после терминали. (Перед ретрофлексным элементом сохраняются только задние терминали [u] и [ŋ], причем [y] фонетически часто реализуется в виде назализации центри). Внедрение суф. эр невозможно только в одной позиции – между централью и терминалью.

Другой тип трансформированных слогов, представленный в диалектах провинций Хэнань и Шаньси, – это цзы-слоги, образованные слиянием с предшествующей знаменательной морфемой суф. цзы. Здесь также возможны изменения в фонетической реализации любого из компонентов слога, включая его тон, при этом наибольшим трансформациям подвергается субфиналь слога: [suen+1] → [ʔy:ʔ+1] "внук" (уезд Хопзя, Хэнань); [tsuaʔ] → [tsu:at] "столик" (уезд Хэцунь, Шаньси). Основная особенность цзы-слогов заключается в том, что фонетические изменения затрагивают не качественную, а количественную характеристику элементов слога, поэтому они не осложнены включением в состав слога дополнительных элементов, как это имеет место при эризации.

Еще один тип трансформированных слогов обнаруживается на материале тайных языков различных диалектов китайского языка, где слогу базового диалекта соответствуют несколько слогов – чаще всего два слога – тайного языка: [maʋ] → [maʋ + kaʋ] "лошадь" (Пекин). Тип членения и трансформации исходных слогов дают важную информацию о фонологическом устройстве китайского слога.

Анализ типов фонетических трансформаций, происходящих в эр- и цзы-словах, показывает как цельность структурных компонентов финали, так и их выделяемость на соответствующих уровнях организации слога. В определенной части эр- и цзы-слогов финаль – с медиалью или без – трансформируется как целое. Особенно показательны в этом плане цзы-слоги диалекта Хэцунь (Шаньси), где различия между базовыми и цзы-словами достигаются только за счет появления в составе последних долгих гласных, при этом удлиняется первый ненулевой компонент финали,

вне зависимости от того, медиаль это или центральный: [ai → a:i], [ia → i:a], иначе говоря, речь идет об удлинении финали в целом.

В ряде диалектов финали базовых слогов, состоящие из медиали и централи, в составе цзы-слогов ведут себя точно так же как финали, состоящие из централи и терминали, ср. [ua, uə, uə? → u:ʔ] (уезд Янчэн, Шаньси) и [au → ɔ:],

[iau → iɔ:] (уезд Хоцзя, Хэнань). Аналогичное поведение обнаруживают и ретрофлексные финали некоторых диалектов, таких, как диалект Иу (Чжэцзян), в котором структуре медиаль + центральный базового слога с входящим тоном соответствует структура "центральный + терминаль [n] эризованного слога", что сопровождается утратой финалью входящего тона.

Данные по тайным языкам различных диалектов указывают на то, что в основе их создания лежит традиционная система разрезания фаньце, которая членит слог на инициаль и финаль. Так, например, в диалекте Миньнань, распространенном на Тайване, слог базового языка может передаваться с помощью двух слогов, при этом финаль исходного слога присоединяет инициаль [l] и образует первый слог, а инициаль исходного слога присоединяет финаль [i] и образует второй слог тайного языка: [t'au] → [lau] + t'i] "голова". Возможны и более сложные системы кодирования, когда одному исходному слогу соответствуют три слога тайного языка, при этом членение исходного слога на инициаль и финаль сохраняется: [hue] → [sue] + [ue] + hi] "огонь".

В большинстве рассматриваемых диалектов медиаль может не участвовать в фонетических трансформациях, которые происходят в эр- и цзы-слогах. В качестве примера можно привести эр-слоги диалекта Цзюйсянь (Шаньдун): [iau → iɔr], диалекта Иу (Чжэцзян): [iəu → iə:n]; цзы-слоги диалекта Линчуань (Хэнань): [uɒn, uaŋ → uɔŋ], [iaŋ, iŋ → iɔŋ] и т.д. Важным свидетельством возможности вычленения медиали можно считать данные диалекта Янгу (Шаньдун), в котором суф. эр может внедряться в слог после медиали: [iãŋ → iɫar], [yaŋ → yɫar]. Однако такой тип эризации зависит от качества самой медиали: только в случае с палатальной медиалью эризованный элемент включается в состав слога на

границе между медиалью и централью. При непалатальной медиали эризованный элемент реализуется на границе между инициальной и финалью: [tsuãn] → [tsluər] "сверло". В других диалектах, таких как Цзиньсян (Шаньдун), левый ретрофлексный элемент вне зависимости от типа медиали возможен только после инициали: [ɳ y] → [ɳryər] "дочка", [nũ:] → [nryər] "гной".

Структура трансформированных слогов отражает разную степень автономности компонентов китайской силлабемы. Некоторые из элементов слога демонстрируют известную неоднозначность своего статуса, особенно это относится к медиали. Возможно, для более полного объяснения части материала требуется привлечение данных диахронии.

С.К. Шантанов (Москва)

ОПТИМИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ ПО ИНТЕНСИВНО- ИМИТАЦИОННОМУ МЕТОДУ В СВЕТЕ ТЕОРИИ БИЛИНГВИЗМА И ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО КОММУНИКАТИВНОГО КОДА

Языковеды и преподаватели-китаисты поставлены сейчас перед необходимостью радикальной перестройки учебного процесса, выбора стратегии обучения китайскому языку (КЯ) на качественно новом уровне. Методический фактор недооценивался в обучении КЯ. Соотношение между методическими диссертациями по КЯ и по западным языкам: 3 (при 83 лингвистических) к 1140 (при 16 тыс. лингвистических). Назрела острая потребность в создании научно-методической базы обучения КЯ. При этом нельзя слепо следовать за методикой по западным языкам, обучения которым также не удовлетворяет общество, так как, несмотря на впечатляющие количественные показатели, методика не стала надежным информационно-технологическим основанием для обучения. Особое внимание нужно обратить на методическую утилизацию традиционных китайских способов и приемов обучения, например, "толкования" иероглифов и слов.

Выбор стратегии обучения иностранным языкам (ИЯ) – комплексная проблема, и ее решение возможно при учете концептуальных (научных), педагогических и методических проблем.

В качестве концептуальной основы оптимизированной сис-

темы обучения китайскому языку по интенсивно-имитационному методу (ОСИИМ) используется субординативный билингвизм (СБ), а также учебный коммуникативный код, интенсификация обучения и интегрированная методика.

Обучение по ОСИИМ в психолингвистическом аспекте трактуется как программируемый, дидактически и методически регулируемый процесс выработки навыков кодирования и декодирования семантической информации.

Современные (в т.ч. и многие экспериментальные) методы эксплицитно или имплицитно ориентированы на координативный тип билингвизма (КБ) – естественный продукт двуязычной среды, образующийся с раннего детства, когда в фантастически короткие сроки ребенок непосредственно, "прямым методом" овладевает общечеловеческими умениями и навыками. При этом два языка, образуя "две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта" (Л.В.Щерба, 1958), равны в психолингвистическом и коммуникативном плане. Психолингвистический механизм при КБ функционирует как единая система без трансформации кода родного языка (РЯ) в код ИЯ.

СБ – искусственный продукт развития знаний и навыков – возникает при непрямом, опосредованном дидактически и методически обучении ИЯ, когда устанавливаются постоянные семантические соответствия между кодовыми единицами РЯ и ИЯ, в результате чего два языка "образуют в уме лишь систему ассоциаций" (Л.В.Щерба 1958). Усвоение ИЯ органически не связано с первичной базой языкового мышления, а предопределяется овладеваемыми правилами преобразования кода РЯ в код ИЯ (Г.В.Колшанский, 1979).

Сопоставление характеристик КБ и СБ объясняет негативную позицию советских психологов и лингвистов относительно ориентированного на КБ использования в обучении ИЯ "прямых" подходов и методов, так или иначе берущих начало в психологической модели порождения речи у ребенка, адекватной лишь этапу формирования языкового мышления и неэффективной для старших возрастов.

Разработка способов преподавания ИЯ, максимально учитывающих характер СБ, предоставляет возможность формирования "искусственного" билингвизма, который по своей коммуникативной потенции максимально приблизился бы к "естественному"

облигвизму, т.е. к уровню владения РЯ.

Выход концепции СБ в практику обучения ИЯ видится через теорию кодирования, разработанную американским психологом Дж.Брунером (1977) в рамках психологии познания. Основу психологических механизмов любого вида деятельности человека (в т.ч. и речевой) составляет получение, организация и использование информации, т.е. "способы обращения организма с информацией при данных условиях", или "кодирование". При обучении ИЯ, как и любым другим видам деятельности, усваивается некоторая кодовая система.

"Язык есть код, с помощью которого кодируется семантическая информация" (В.М.Солнцев 1977). Представляется целесообразным для обучения его речевым ипостасям, т.е. видам речевой деятельности, ввести общеметодическое понятие учебного коммуникативного кода (УКК), который является объектом овладения в процессе обучения ИЯ. УКК – единство элементов и единиц материальной системы ИЯ и кодируемой ими системы учебной семантической информации.

Как единство плана выражения и плана содержания УКК образует (в варианте КЯ) три ряда коррелируемых между собой элементов и единиц:

Звуковой ряд – звуки, звукосочетания, слоги, тоны, морфемы, слова, словосочетания, синтагмы (речевые тексты), интонации, фразы, коммуникативные блоки, тексты.

Графический ряд (в печатном и рукописном вариантах) – элементы (черты) иероглифа, графемы (ключи), иероглифы (в сокращенном и полном написании), слова, предложения, тексты.

Семантический ряд – значения графем (ключей), значения и семантические поля (суммы словарных значений) иероглифов и слов, синтаксические конструкции слов и предложений, высказывания, ситуации, информация текстов.

В качестве источника УКК в ОСИИМ использована тексто-тека китайско-английского варианта учебника "Основной курс китайского языка" ("Цзичу ханьшй кэбэнь", 1980). УКК применяется в формировании языкового и речевого материала как методический инструмент и нормативный элемент при планировании, разработке и реализации учебного процесса.

Камнем преткновения в повышении эффективности учебного процесса является проблема интенсификации, разработка кото-

рой, к сожалению, пошла по пути в основном прямого психологического воздействия на обучаемых с целью "активизации их резервных возможностей" в ходе обучения, ориентированного на опять-таки малоэффективную модель порождения речи у ребенка (Г.А.Китайгородская, 1986).

ОСИИМ предлагает принципиально иное направление интенсификации: расширение информационного канала за счет многократного увеличения плотности подачи учебного материала, увеличение производительности труда преподавателя и обучаемых в прямой пропорции к числу учащихся в группе, и увеличение объемов (до 90 и выше процентов) самостоятельной работы учащихся при самоконтроле и контроле со стороны преподавателя.

ИИМ с его интенсивным применением лингафона в форме в основном четырехтактных упражнений многократно расширяет канал подачи и обработки учебной информации. В одном уроке теоретическая плотность подачи для I лексической единицы - 122 контакта, общее количество реализуемых контактов с отдельными лексическими единицами и предложениями при выполнении всех операций составляет 1525. Лингафонные упражнения гарантируют должное качество отработки УКК, так как исполнены дикторами-носителями языка. Высокая избыточность тренировки, обеспечиваемая ОСИИМ за счет интенсификации учебного процесса, формирует (согласно Дж.Брунеру) у учащихся обобщенные кодовые системы, которые можно применять к новым ситуациям.

Важную роль в реализации концепции СБ играет применение в ОСИИМ принципа "интегрированной методики" - такой дидактической и методической организации учебного материала и обучающих операций, которая обеспечивает максимум самостоятельной работы, кратчайшим путем и в кратчайшие сроки ведет к достижению целей учебного процесса и оптимизирует его качественные показатели.

Как показал четырехлетний практический опыт применения ИИМ в режимах предельных границ аудиторного времени (от 2 до 12-14 часов в неделю), использование ОСИИМ, предусматривающей большой объем самостоятельной работы, вносит коренные изменения в представления об организации учебного процесса как в условиях аудитории, так и в других организационных

формах обучения ИЯ. Прежде всего малоэффективная авторитарная система "дидактическое средство - учитель - ученик" трансформируется в один из типов партнерства по принципу "педагогике сотрудничества" в систему "ученик - дидактическое средство - учитель", где ученик и учитель действуют как субъекты индивидуализированного высокопроизводительного учебного процесса.

ОСИИМ функционирует на уровне целостной обучающей технологии. Как учебно-методическая основа обучения КЯ она может иметь следующие практические выходы:

1. Вузовское обучение основному курсу китайского языка с последующим преподаванием профилирующих языковых аспектов.

2. Факультативное обучение китайскому языку в вузах.

3. Обучение китайскому языку в старших классах средней школы с некоторой профилизацией, а также в техникумах.

4. Краткосрочное (до года) обучение студентов и специалистов, направляемых в КНР, как альтернатива аналогичной форме обучения в этой стране.

5. Обучение высококвалифицированных устных переводчиков, в т.ч. для синхронного перевода.

6. Обучение китайскому языку на различных курсах.

7. Самостоятельное изучение китайского языка.

С 1984 г. ОСИИМ используется в учебной практике филофака МГУ - факультатив (2 часа в неделю).

С.М.Шевенко (Москва)

СПОСОБ ФОРМАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

В настоящее время перед прикладной лингвистикой стоят задачи, вызванные потребностями теории связи. Это прежде всего лингвистическое обеспечение машин, воспринимающих и передающих информацию по линиям связи. Речь идет об устройствах, способных распознавать печатный и рукописный текст, а также выводить графическую информацию из ЭВМ на печать или экран дисплея в процессе интерактивной связи между человеком и ЭВМ.

Ориентируясь на тенденции в области распознавания образов, мы обращаем внимание на наиболее перспективный подход

к распознаванию, называемый лингвистическим подходом, который, в отличие от перцептона, не использующего содержательной информации об изображениях, включает в алгоритм лингвистическое описание связей и соотношений между элементами изображения. Другими словами, мы констатируем отказ от анализа изображений без содержательного учета характерных для него грамматических особенностей и отображаем на основании предварительного содержательного и статистического анализа существенные для иероглифа признаки.

Построенное описание иероглифов представлено в виде пары $\langle \mathcal{E}, R \rangle$, где $\mathcal{E}$ – набор элементарных графических единиц (элементов), а R – способы соположения этих единиц в иероглифических знаках. С помощью R описываются связи между графическими элементами внутри иероглифа.

Материалом для исследования послужили наиболее часто встречающиеся в китайской прессе иероглифы (2000 знаков), вошедшие в утвержденный в 1953 г. Министерством просвещения КНР иероглифический минимум, а также в принятый в КНР список иероглифов с кодами, предназначенный для обработки информации с помощью ЭВМ.

Предлагается формальный анализ китайских иероглифов, для которого основным исходным понятием является понятие элемента. Под элементом понимается графическая конфигурация, часто встречающаяся в составе иероглифов и легко отделяемая от остальной части знака.

Иероглиф делится на зоны. Зоны представляют собой ярусы и столбцы. Иероглиф членится на ярусы, если его можно мысленно разбить на части с помощью горизонтальной линии. Иероглиф членится на столбцы, если членение возможно с помощью вертикальной линии.

В зависимости от числа элементов, составляющих иероглиф, и взаимного расположения элементов относительно друг друга иероглифы делятся на структурные типы: одноэлементные, двойные, тройные, двухъярусные, трехъярусные и т.п.

Представление иероглифа в рамках построенного описания близко к его естественному представлению: здесь практически нет потери информации, но есть некоторая потеря стиля.

Синтез без аффинных преобразований требует указания

размеров всех входящих в состав иероглифа элементов. Всего выделено шесть размеров элементов и 20 структурных типов иероглифов. Для построения иероглифов, вошедших в указанный массив, используется всего 366 элементов.

Предлагаемый способ синтеза основан на трех основных композиционных правилах, вытекающих из структурных закономерностей иероглифических знаков и отражающих возможности взаимного расположения элементов в иероглифе: 1) горизонтальное соположение элементов, 2) вертикальное соположение элементов, 3) включение одного элемента в другой.

Вводятся следующие операторы: Г - оператор горизонтального соположения элементов; В - оператор вертикального соположения элементов; О - оператор включения одного элемента в другой.

В описании иероглифа выделяются непосредственно составляющие (НС), из которых по определенным правилам "собирается" знак. Такое описание предполагает рекурсивное расчленение иероглифа на части.

Принимаются следующие определения:

К о н ф и г у р а ц и я (КОН) - соположение двух или более элементов (вертикальное, горизонтальное или обрамление).

В н у т р е н н и й э л е м е н т (ВЭ) - единичный элемент, способный выступать в качестве иероглифа или быть включенным в обрамляющий элемент.

Л е в ы й э л е м е н т (ЛЭ) - единичный элемент, занимающий левую позицию в конфигурации, построенной по правилу В (л, п)¹⁾.

П р а в ы й э л е м е н т (ПЭ) - единичный элемент, занимающий правую позицию в конфигурации, построенной по правилу В (л, п).

В е р х н и й э л е м е н т (ВЭ) - единичный элемент, занимающий верхнюю позицию в конфигурации, построенной по

¹⁾ л - один или несколько элементов в левой позиции конфигурации этого типа; п - то же в правой позиции; в - то же в верхней позиции; н - то же в нижней позиции.

правилу $\Gamma (в, н)$.

Н и ж н и й э л е м е н т (НЭ) – единичный элемент, занимающий нижнюю позицию в конфигурации, построенной по правилу $\Gamma (в, н)$.

О б р а м л я ю щ и й э л е м е н т (ОЭ) – элемент, включающий в себя один или несколько внутренних элементов.

С помощью введенных понятий сформулируем правила построения иероглифов в общем виде:

Иероглиф = конфигурация; внутренний элемент

Конфигурация = $B (л, п)$; $\Gamma (в, н)$; $O (о, \text{иероглиф})$

л = конфигурация; левый элемент

п = конфигурация; правый элемент

в = конфигурация; верхний элемент

н = конфигурация; нижний элемент

о = обрамляющий элемент

Комментарий.

1. Иероглиф может быть конфигурацией или внутренним элементом.

2. Конфигурация может быть построена по принципу вертикального соположения левых и правых элементов, горизонтального соположения верхних и нижних элементов или по принципу включения иероглифа в обрамляющий элемент.

Правила образования иероглифов из элементов заданы в виде скобочной записи, показывающей порядок соположения элементов внутри иероглифа (в скобки заключаются объекты, являющиеся НС), с указанием на характер соположения элементов путем постановки перед скобками оператора. Например,

例: $\Gamma (1, O (\Gamma, B (+, \text{目})))$

Предложенный язык для описания иероглифов представляет собой простую разновидность языка "списковой структуры". С помощью этого языка каждый знак описывается по НС. Этот язык близок к языку теории конечных автоматов.

Результаты описания 2000 иероглифов с помощью предложенной системы правил

Структурный тип иероглифа	Число иероглифов, имеющих данный структурный тип
Одноэлементные иероглифы	198
Двухэлементные иероглифы	726

структурный тип

а) с горизонтальным соположением элементов	403
б) с вертикальным соположением элементов	224
в) с включением одного элемента в другой	99
Трехэлементные иероглифы	603
а) столбчатые	27
б) ярусные	106
в) комбинированные	353
г) с включением	117
Четырехэлементные	148
а) ярусные	35
б) комбинированные	101
г) с включением	12
Пятиэлементные	14
а) комбинированные	14
Нестандартные иероглифы	196

В результате синтеза иероглифов с помощью предложенного метода обнаружались следующие типы искажений:

- 1) разрыв сплошной линии;
- 2) искусственная замена сокращенного знака полным;
- 3) использование стандартной графемы вместо его графического варианта;
- 4) использование сплошной линии вместо разрывной;
- 5) замена одного элемента другим, графически близким исходному.

Иногда имеет место изменение числа традиционных черт знака.

Предложенный метод может быть реализован в системах знаковой регистрации данных типа дисплеев, приобретающих все большую актуальность в визуальном взаимодействии человека и машины.

Реализация метода связана с рядом вопросов инженерной

психологии, в частности, с "читабельностью" и "красивостью" синтезируемых знаков.

С.Н.Шевцов (Москва)

ГРАФИЧЕСКИЕ СТИЛИ КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В отечественной и западной синологии вопросы синхронного анализа современного состояния китайского иероглифического письма (ИП) с точки зрения его графических особенностей не затрагивались. Отсутствуют специальные исследования этих вопросов и в работах китайских авторов. Ниже будут затронуты некоторые аспекты указанной проблемы, прежде всего, содержание и функционирование системы графических стилей китайского ИП на современном этапе его развития¹⁾ как важного компонента языковой ситуации в стране в контексте функционально-коммуникативных особенностей ИП в целом.

Под термином "графический стиль" или "стиль иероглифического письма" здесь понимается характерное начертание иероглифических знаков, отражающее графическую индивидуальность или палеографические особенности их структурных компонентов, на основании чего эти знаки могут быть отнесены к тому или иному классу (стилю) письма. Под термином "система графических стилей" имеется в виду совокупность всех графических стилей ИП, использующихся в общественно-языковой практике в рассматриваемый период. Содержание системы графических стилей неодинаково для каждого рассматриваемого периода, отражающего разные стадии развития ИП.

Китайская иероглифика в процессе своего развития от са-

1) Современный этап развития китайского иероглифического письма в узком смысле начинается с 20-30-х годов XX в. В широком смысле современный этап развития китайского ИП начинается примерно с III-IV вв., со времени формирования и применения в письменной практике стиля кайшу в качестве основного нормативного графического стиля.

мых древних известных к настоящему времени форм, представленных на иньских гадательных костях, до стиля кайшу прошла ряд этапов, которым соответствовали определенные типы²⁾, формы³⁾ и графические стили, часть которых, несмотря на утрату своей основной функции как средства письменной коммуникации, используется в социальной практике и по сей день.

При анализе современного ИП привлекает внимание такая особенность его функционирования, как использование в общественно-языковой практике архаичных и древних форм и стилей письма, выступающих в качестве элементов системы графических стилей. Применение их в таких масштабах, как это имеет место в Китае, можно признать явлением уникальным, не имеющим аналогов в других современных системах письма.

Систему графических стилей, которую составляют указанные древние формы и стили письма, в общем виде можно представить следующим образом (см. приложение I). Данная система в зависимости от функций ее элементов разделяется на два уровня, или подсистемы: высший уровень образуют стили письма, выполняющие основные, коммуникативные функции и поэтому занимающие главное место в данной системе (подсистема I). Графические стили этого уровня действуют в сфере письменной коммуникации в качестве средств общегосударственного письменного общения. Нижний уровень (подсистема II) составляют стили письма, выполняющие неосновные, частные функции. Они относятся главным образом к сфере каллиграфического и декоративно-прикладного искусства.

Главным элементом подсистемы I выступает стиль кайшу — основной нормативный иероглифический стиль, который выполняет свои функции в сфере письменной коммуникации как в пе-

2) Под типами ИП понимается архаичное письмо (династия Инь-Чжаньго), письмо переходного периода (династия Цинь-Хань) и современное письмо (III-IV вв. — XX в.).

3) Под формами ИП имеются в виду надписи на гадательных костях (династия Инь-Чжоу) и надписи на бронзе (династия Хан-Западная Чжоу).

чатном, так и в рукописном варианте. На его основе разработан ряд шрифтов, как традиционных (сунский, псевдосунский и др.), так и современных (черный, моу). Основная функциональная нагрузка в этой подсистеме падает на печатный вариант кайшу, представленный в виде производных от него типографских шрифтов, которыми набирается основная масса печатной продукции. Рукописный вариант кайшу применяется в деловой и частной переписке, в процессе обучения ИП и т.п. Аналогичные функции выполняют его полускорописный (синшу) и скорописный вариант (цаошу), а также разновидности синшу (синкай и синцао). Синшу играет роль основного рукописного графического стиля и широко применяется в деловой и, особенно, в частной переписке. Скорописный стиль цаошу ввиду крайней сложности его восприятия применяется фрагментарно в качестве элементов синцао — промежуточного графического стиля между полускорописью и скорописью.

Подсистема II представлена большим числом графических стилей, выполняющих специфические функции в общественно-языковой практике современного Китая. Не являясь основными средствами письменной коммуникации, в отличие от стилей высшего уровня, эти стили все же участвуют в этом процессе (в виде заголовков, рубрик, заставок, названий печатной продукции, некоторых декоративных шрифтов и т.п.), принося определенный эстетический колорит в сферу функционирования подсистемы I. Стили подсистемы II включают как древние формы и стили письма, так и современные, представляющие собой каллиграфические интерпретации стилей высшего уровня (блок 2). Основной функцией элементов, составляющих данную подсистему, является эстетическое воздействие посредством каллиграфического искусства. Каллиграфия как один из традиционных видов высокого искусства в Китае, тесно связанный с ИП, со времени своего зарождения и формирования и до настоящего времени была важным элементом духовной жизни образованной части китайского общества во все эпохи, начиная с Хань. Культ письма и письменности в Китае породил особое отношение человека к рукотворной надписи, и особенно надписи каллиграфической, всегда вызывавшей к сфере высоких чувств. Веками насаждавшийся культ древности, вечная ретро-

спектива в духовной жизни общества не могли не сказаться и на сфере этого специфического вида искусства. Каллиграфы всех эпох обращались в своем творчестве практически ко всем стилям ИП, не делая при этом разницы между "мертвыми" и "живыми" стилями. По этой причине утратившие свои функции как средства письменной коммуникации стили не только сохранились, но и продолжают играть заметную роль в общественно-языковой практике современного Китая. В настоящее время практически все древние графические стили, игравшие более или менее заметную роль в истории развития письма в Китае, встречаются в виде каллиграфических интерпретаций, причем в гораздо большей степени, чем, к примеру, в XVIII или XIX вв. Это объясняется бурным развитием археологии, палеографии и эпиграфики в XX в. и особенно с образованием КНР, а также широкой пропагандой каллиграфического искусства в современном Китае.

Рассматривая функционирование древних форм и стилей письма (блок 3) в общей системе графических стилей, можно отметить их неодинаковую функциональную значимость. Наибольшую функциональную нагрузку среди них несет сяочжуань, бывший в ходу в качестве нормативного стиля в эпоху Цинь-Хань. Он чаще, чем другие, выступает в качестве "представителя" древних стилей письма и используется довольно широко (каллиграфия, печати, вывески, товарные знаки и т.д.). Наряду с ним широко применяется стиль лишу в его позднем варианте бафэнь. Основная функция древних форм и стилей письма — создание определенного колорита древности, что является одной из традиционных особенностей культурной жизни китайского общества на протяжении многих столетий.

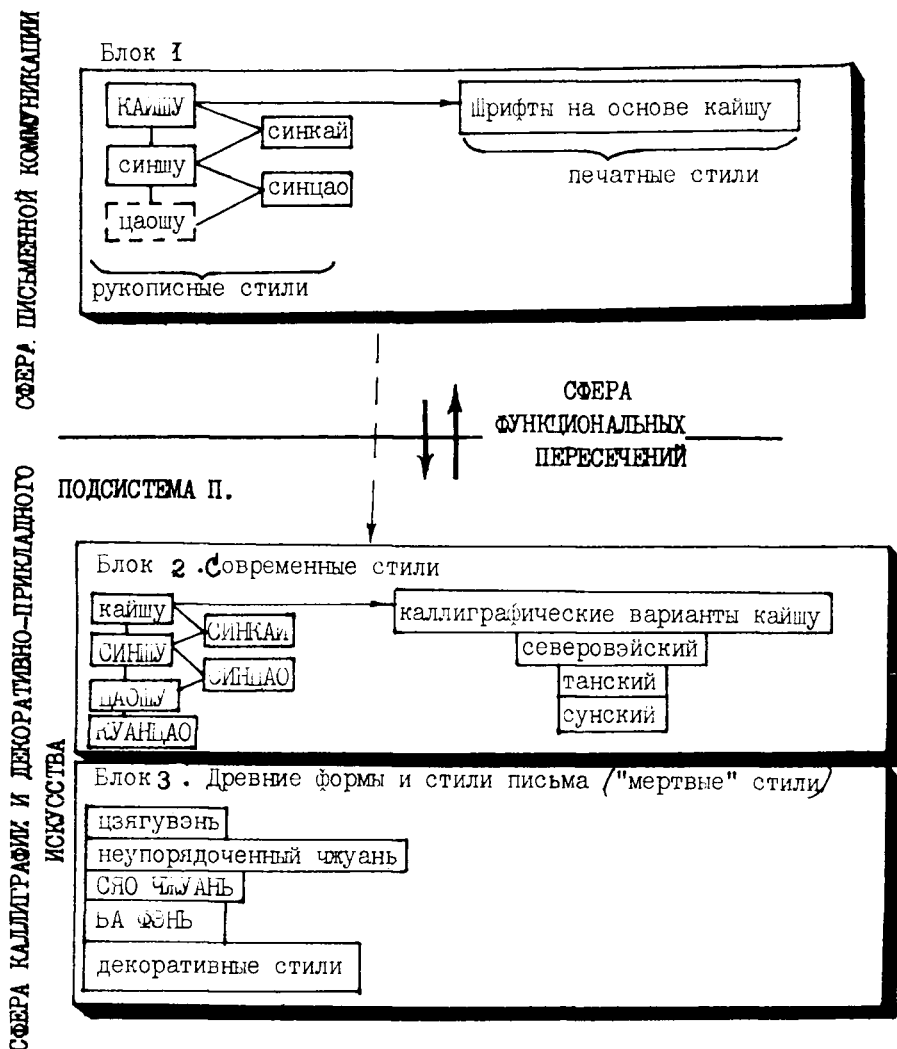
Функции современных стилей ИП в сфере каллиграфического и декоративно-прикладного искусства претерпевают некоторые изменения, вызванные особенностями их использования. В сфере искусства они выступают в качестве средств эмоционально-художественного воздействия, выполняя неосновные функции иероглифического письма. Кроме того, происходит перераспределение функциональной нагрузки этих стилей: кайшу уступает позиции синшу и цаошу, которые занимают здесь главенствующее место в силу особого графического эффекта.

К особенностям функционирования системы графических сти-

лей китайского ИП на современном этапе можно отнести взаимодействие элементов верхнего и нижнего уровней в сфере функциональных пересечений. Чаще всего каллиграфические и древние стили применяются в процессе письменной коммуникации. Так, на их основе созданы некоторые типографские шрифты, которые широко используются для создания определенного эффекта. С другой стороны, какой-либо стиль высшего уровня может быть отнесен к сфере каллиграфии, если он в силу своей художественной выразительности и экспрессии несет в себе черты каллиграфического искусства (А.Капр, 1979).

Синхронный анализ функций китайского ИП свидетельствует о расширении сфер его применения и возрастании его роли в социальной практике и культурной жизни страны за последнее столетие.

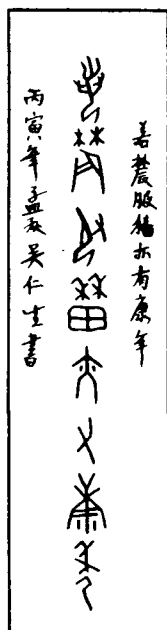
Приложение I
СИСТЕМА ГРАФИЧЕСКИХ СТИЛЕЙ КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО
ПИСЬМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
ПОДСИСТЕМА I. Современные стили письма ("живые" стили)

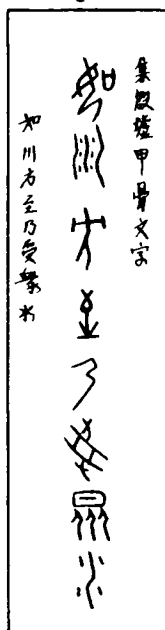
Приложение 2

1

2

3

4

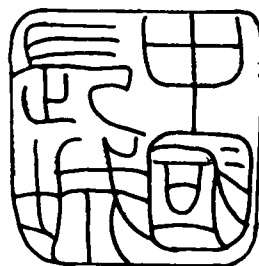
5

6

7

8

1 - иньская гадательная кость (XIV-XI вв. до н.э.); 2 - современная каллиграфия в стиле "цзягувэнь"; 3 - каллиграфия в стиле надписей на бронзе "цзиньвэнь"; 4 - надпись на бронзовом сосуде (эпоха Шан - XVII-XI вв. до н.э.); 5-6 - современные печати в стиле "гувэнь"; 7-8 - современные печати в стиле "сяо чжуань".

卷面歷史的區權荷引頁

1

中國工業經濟研究

2

《云南社会科学》

1987年第5期要目

4

3

(双月) 1987年第6期要目

5

6

7

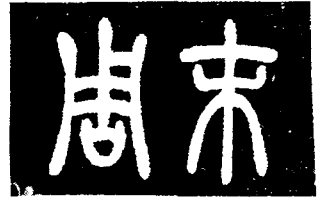

8

張先芳
李松
孫志軍
本報編輯

9

10

11

- I - шрифт на основе стиля "сяо чжуань"; 2 - надпись в стиле лишу (заголовок журнала); 3 - шрифт на основе стиля бафэнь (название газетной рубрики); 4 - шрифт на основе стиля "бафэнь" (название журнала); 5 - шрифт на основе северовэйского кайшу (заголовок журнала); 6 - каллиграфия в стиле цаошу; 7 - каллиграфия в стиле кайшу (название газетной рубрики); 8 - шрифт на основе каллиграфии в стиле цаошу; 9-10 - каллиграфия в стиле сяо чжуань (названия газетных рубрик); II - каллиграфия в стиле цаошу (название газетной рубрики).

А.А.Беликов (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИЙ И ЗНАЧЕНИЯ СУФФИКСОВ -ЦЫ И -ЭР

В последние годы в китайском языкознании заметно оживился интерес к проблеме употребления именных суффиксов. По мнению некоторых китайских лингвистов, несмотря на значительное количество статей, посвященных именной суффиксации, уровень теоретического осмысления этой проблемы остается невысоким, и многие закономерности употребления суффиксов до конца еще не выявлены. Повышение интереса к указанной проблеме обусловлено, видимо, привлечением широкого диалектного материала, которое значительно расширило представления об именной суффиксации китайского языка (КН).

Изучение диалектов, в частности, позволило выявить целый ряд диалектных аналогов наиболее употребительных именных суффиксов путунхуа - -цы и -эр, например суф. -дэ в диалекте Ханьдяня пров. Хэбэй (фандэ "дом"), -дай и -дэ в диалекте Цзисяна пров. Хэнань (цзэдай "родинка"), -у в диалектах Чжэнчжоу и Юаньяна пров. Хэнань (яу "лист", оу "шея") и др.

Нового осмысления требует, очевидно, явление "эризации". Многочисленные данные говорят о том, что "эризация" в широком смысле слова (т.е. явления, соотносимые с эризацией путунхуа) распространена гораздо шире, чем это представлялось ранее. В путунхуа эризация - это прибавление суффикса, которое может сопровождаться изменением звучания финали знаменательной морфемы. В диалектах это может быть присоединение суффикса, как, например, в диалекте Ханчжоу пров. Чжэцзян, где к знаменательной морфеме присоединяется -д (дэн - дэнл "скамейка", па - пал "платок"), или в диалекте Иньяо провинции Чжэцзян, где знаменательная морфема сочетается с -н (цзи - цзин "курица", ми - мин "рис"). Это может быть изменение финали, не сопровождающееся присоединением суффикса. Например, во многих сычуаньских диалектах в финалях утрачивается конечный звук, а центральный превращается в -э. В диалекте Юаньяна пров. Хэнань в финалях происходит выпадение конечного носового (тань - та "одеяло", лань - ла "корзина"). В диалекте же Линдина провинции Шаньси в существительных, соответствующих эризованным путунхуа, по-

является инфикс -л- (ср.: лаотоур "старик", гар "крышка" в путунхуа - лаотлоу, гла в диалекте Линдина). Очевидно, что в подобных случаях речь идет не о суффиксации как таковой, а о различных способах обозначения предметности в разных диалектах, и само понятие "эризация" потребует, видимо, уточнения.

Сложности функционального и семантического анализа именных суффиксов КЯ вызваны не только формальными отличиями или наличием в диалектах суффиксов, отсутствующих в путунхуа. В значительной степени они обусловлены различной сочетаемостью одних и тех же знаменательных морфем с суффиксами -цзы и -эр. Существительному без суффикса путунхуа может соответствовать существительное с суффиксом в диалекте, существительному с суф. -цзы путунхуа может соответствовать существительное с суф. -эр в диалекте и т.д. Одни и те же по форме существительные с одним и тем же суффиксом в разных диалектах могут иметь разное значение. Многообразие выполняемых суффиксами функций, диалектные различия не позволяют сформулировать правила или закономерности, адекватно описывающие употребление суффиксов в разных диалектах.

Обычно говорят о словообразовательном и субъективно-оценочном значении суф. -цзы и -эр. В качестве компонентов субъективно-оценочного значения суф. -эр называют диминутивное и мелиоративное значения. Суф. -цзы не служит для выражения диминутива и может иметь пейоративное значение. Значение диминутивности суффикса -эр, действительно, реализуется в ряде случаев; например: цир "флажок", пор "мячик". Однако многие исследователи приходят к выводу, что реализуется оно далеко не всегда (ср.: вэр "вкус", чжир "соус", вэньтир "вопрос", где суф. -эр не характеризуется субъективно-оценочными свойствами). Употребление суф. -эр возможно при существительных, обозначающих предметы большого размера: да пар "большая тарелка", чан тяор "длинная ветка". В некоторых случаях существительные с суф. -эр имеют пейоративное значение: цзяорар "учитель", жибэр "Япония" (презр.). Это явление отмечено и в диалектах. Аналогичные примеры встречаются и в памятниках китайской литературы XIV-XVI вв. Суф. -цзы как средство субъективной оценки употребляется главным образом при образовании существительных, обозначающих лиц (шацзы "дурак", гуйцзуйцзы "болтун"). В остальных же случаях, за некоторым исключением,

98

значение суффикса вполне нейтрально. В целом, функция субъективной оценки суф. -цзы и -эр проявляется нерегулярно, и для реализации субъективно-оценочного значения обычно требуется наличие определенного контекста.

Суф. -цзы и -эр нередко рассматриваются как эффективные словообразовательные средства, при помощи которых образуются новые лексические единицы, семантически и/или функционально отличные от исходных. Представляется, однако, что рассмотрение существительных с -цзы и -эр в терминах словообразовательной мотивации далеко не всегда оправдано. Это обусловлено сложностью выделения исходной или мотивирующей единицы по отношению к суффиксальному существительному. Суффикс, как правило, сочетается с односложной морфемой, характеризующейся полисемантичностью и полифункциональностью. В некоторых случаях за суффиксальным существительным закрепляется одно из значений исходной знаменательной морфемы, которое, впрочем, может быть реализовано и без помощи суффикса; ср.: бэйцзы "одеяло" – лян чуан бэй "два одеяла", хуар "цветы" – чжун хуа "выращивать цветы". Такое употребление суффиксов характерно и для тех существительных, знаменательную морфему которых исследователи предпочитают определять как глагольную или качественную; ср.: шу "расчесывать" – шуцзы "расческа", но: му шу "деревянный гребень", цзянь "острый" – цзяр "острие", но: та цзянь "острие, шпиль башни". Во многих случаях суффикс присоединяется к предметным морфемам, лексическое значение которых весьма прозрачно (ср.: чи – чицзы "ложка", гэ – гэр "песня"), и речь здесь идет не об образовании новой лексической единицы. Семантический анализ позволяет выявить общий компонент значения суффиксов – категориальное значение предметности. Значение определенного лексического или лексико-грамматического разряда, столь характерное для словообразовательных суффиксов большинства языков, выделить не удастся, поскольку с помощью -цзы и -эр образуются существительные практически всех лексических разрядов.

Употребление именных суффиксов выходит за рамки собственно словообразования и субъективной оценки. Функционирование суффиксов -цзы и -эр в значительной степени связано с синтагматическим планом. Это обусловлено свойствами знаменательных морфем, с которыми сочетаются суффиксы, образуя суффиксальные

существительные. Поскольку граница между словом и морфемой в китайском языке достаточно условна, представляется целесообразным рассматривать сочетающиеся с суффиксами морфемы в качестве исходных языковых единиц по отношению к суффиксальному существительному. Согласно теории актуализации, для того, чтобы языковая единица стала единицей речи, ее необходимо актуализировать. Снятие многозначности и полифункциональности морфемы происходит в результате постановки ее в определенный контекст, т.е. в сочетании с другими знаменательными или служебными морфемами. Именно суффиксы в этом смысле выступают в качестве актуализаторов сочетающихся с ними единиц как существительных. Наиболее распространенными являются случаи употребления суф. -цзы и -эр при существительных в синтаксически независимых позициях, когда исходная морфема не сочетается непосредственно с другими морфемами.

Актуализирующие свойства суффиксов наиболее ярко проявляются при сочетании со свободными морфемами, которые могут быть актуализированы как существительные и без помощи суффиксов, причем значение существительных в обоих случаях будет адекватным. Ср. в "Шуй ху чжуань": Ба и тяо соэзы банла шифу "Связали учителя веревкой" и Цзян и тяо со фула "Связали веревкой". То же самое можно сказать и об употреблении суффиксов при двусложных существительных, характеризующихся большей синтаксической самостоятельностью, когда суффикс не меняет значение существительного (шучжир "ветка", шаньгур "горное ущелье", шулиньцзы "лес").

Актуализирующие свойства суффиксов проявляются и в сочетаниях с зависимыми морфемами, что не столь очевидно на первый взгляд, т.к. здесь связь морфем с суффиксом более устойчива, и определение характера этой связи сопряжено с известными трудностями. Иллюстрацией сказанного являются случаи актуализации знаменательной морфемы как существительного благодаря наличию определенного лексического окружения без помощи суффикса: при наличии определения, послелого, другого аффикса, при редупликации, в сочетаниях аппозитивного типа.

Для характеристики синтагматических функций суффиксов весьма показательна позиция определения к существительному, выраженного предметной морфемой. Многие предметные морфемы, обычно легко сочетающиеся с суффиксами, в функции определения

с суффиксами, как правило, не сочетаются (если это только не связано со смысловым различием).

Для иллюстрации синтагматических свойств именных суф. -цзы и -эр весьма показательна также зависимость их употребления от ритмико-количественных и стилистических факторов, играющих, как известно, важную роль в китайском языке.

Несмотря на то, что синтагматические функции суф. -цзы и -эр изучены недостаточно, необходимость учитывать их при рассмотрении проблем именной суффиксации вполне очевидна. Во многих случаях синтагматические функции суффиксов играют ведущую роль, а словообразовательные и субъективно-оценочные свойства реализуются на их фоне. Именно синтагматические функции суффиксов оказываются нередко тем общим звеном, которое объединяет суффиксальные системы различных китайских диалектов. Представляется, что они сыграли важную роль на этапе формирования суффиксальной системы байхуа и путунхуа.

Н.В.Готлиб, О.М.Готлиб (Чита)

ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТАХ РЕАЛЬНОЙ И ИРРЕАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

(на материале русского, английского и китайского языков)

Новый взгляд на говорение как вид деятельности, а именно, речевой деятельности, послужил основой нового направления в языкознании – прагматической лингвистики. Это, в свою очередь, вызвало интерес к глаголам речевой деятельности, называемым те или иные речевые действия – речевые акты.

Большое внимание в теории речевых актов (центральном направлении лингвистической прагматики) уделяется перформативным высказываниям (ПВ). Перформативными называют такие высказывания, которые представляют собой не сообщение о действиях говорящего или о каких-либо внешних событиях, а само действие говорящего, например: благодарю Вас ..., прошу ..., обещаю и т.д.

ПВ обладают целым рядом особенностей. Это прежде всего эквивалентность (равнозначность действию), автореферентность (способность отсылать к самому себе), неверифицируемость (неприложимость к нему критериев истинности/ложности), автономинативность (способность именовать самое себя), эквитемпоральность (совпадения времени, обозначаемого перформа-

тивным глаголом с моментом речи) и некоторые другие особенности.

Центральным элементом ПВ является перформативный глагол (ПГ). Большинство упомянутых особенностей, характеризующих ПВ, связаны с ПГ, поскольку все они выявляются при соотношении с речевым действием, которое им и называется.

Особая значимость ПГ обусловлена еще и тем, что, называя производимое речевое действие, такой глагол определяет, какой именно речевой акт производится, именуется его тип, эксплицирует иллокутивную силу высказывания.

В связи с особой ролью ПГ в составе ПВ возникает проблема определения ПГ. Эти глаголы обладают рядом особенностей, прежде всего с е м а н т и ч е с к о г о п л а н а. Все ПГ являются глаголами речевой деятельности и содержат сему "говорить/сказать". При этом к ПГ относятся так называемые описательно-содержательные глаголы со значением утверждения, побуждения, просьбы и т.п.

Свойство перформативности проявляется также в связи с определенной синтаксической структурой, называемой в прагматике перформативной формулой (ПФ) Дж.Остина. Глагол функционирует как перформатив только тогда, когда он употреблен в ПФ – I лице ед. числа наст. времени индикатива. Только в такой структуре проявляется его специфический семантический признак – являясь по форме утверждением, по своей семантике утверждением не является. В любой другой форме ПГ передает утверждение. Он обещает (обещал) прийти в пять по форме и по семантике – утверждение.

ПФ, предложенная Дж.Остином и отражающая основную характеристику перформатива, находит широкое применение. Дело в том, что одни и те же языковые формы используются для выражения различных интенций, в связи с чем часто возникает необходимость однозначно определить коммуникативное содержание речевого акта, эксплицируя его с помощью ПГ.

На фоне этих положений и возникает проблема неэксплицируемого перформатива. В корпусе ПГ выделяется группа своеобразных глаголов, которые вне всякого сомнения являются глаголами "говoreния" и называют производимое говорящим речевое действие, но не могут быть употреблены в ПФ. Это такие глаголы, как лгать, угрожать, хвастаться, насмехаться, намекать и т.д. И

хотя в системе языков с развитым спряжением наличествует полная парадигма форм, включая и I лицо наст. вр. индикатива, в русском, например, угрожаю, обманываю, а модель предложения Я угрожаю тебе грамматически также правильна, как и Он угрожает мне, функционировать в высказывании формы I лица они не способны.

Наличие III, которые невозможно употребить в ПВ, отмечалось рядом авторов (Дж.Остин, П.Ф.Стросон). Специальное исследование данной группы впервые предпринял З.Вендлер в статье "Иллокутивное самоубийство" (1985). Показав черты семантического сходства с III, он назвал данную группу "аномальной" в отношении их функционирования. Невозможность экспликации такого рода глагола в перформативном высказывании З.Вендлер объяснил с точки зрения прагматического подхода, соотнеся их семантику с иллокутивной целью говорящего. По мнению З.Вендлера, в семантике данных "квазиперформативов" имеется элемент значения, который он назвал "подрывным фактором". При экспликации перформатива "подрывной фактор" приходит в противоречие с иллокутивной целью говорящего, и тем самым делает достижение иллокутивной цели невозможным. Так, нельзя обмануть, предваив сообщаемую информацию экспликацией намерения говорящего Я лгу тебе, что... . Поэтому З.Вендлер назвал данную группу глаголов "глаголами иллокутивного самоубийства".

Перформативность, как специфическую категорию прагматики, можно назвать "Я" - ориентированной. Она всегда предполагает наличие производящего речевое действие и принимающего сообщение. Речевой акт, таким образом, всегда преломляется через говорящего субъекта, т.е. имеет специфический модус представления и, следовательно, ему имплицитно присуща модальность персональности - "Я". В случаях, когда III не может самостоятельно функционировать в высказывании, необходимы дополнительные условия, дающие возможность реализовать значение глагола.

Группу глаголов-квазиперформативов можно назвать контекстно связанной. Функционирование такого глагола в качестве предиката, соотносящего действие с субъектом возможно только в определенных типах контекстов.

Целью данной работы собственно и является выявление контекстов-операторов с различной модальностью, позволяющих квазиперформативам русского, английского и китайского языков

функционировать на фоне первого лица ("я" - личности).

В качестве параметров были взяты : реальность М (р)/ ирреальность М(и) и утверждение (у)/отрицание (о). Сочетаемость этих параметров дала следующие операторы: утвердительная реальность М(р.у.) / отрицательная реальность М(р.о.), утвердительная ирреальность М(и.у.) / отрицательная ирреальность М(и.о.).

В качестве формул-контекстов использовались:

Русский язык:

1. М(р.у.) - Я + гл. (наст. вр. индик.)
2. М(р.о.) - Я не + гл.
3. М(и.у.) - Я бы хотел + У... (но)
Я должен + У ... (но)
4. М(и.о.) - Я бы не хотел + У ... (но)
Я не мог бы + У ... (но)

Английский язык:

1. М(р.у.) - I + V (наст. вр. индик.)
2. М(р.о.) - I don't + V
3. М(и.у.) - I would like to + V... (but)
I must + V ... (but)
4. М(и.о.) - I don't want to + V ... (but)
I might + V ... (but)

Китайский язык:

1. М(р.у.) - Wo + V (наст. вр.)
2. М(р.о.) - Wo bu shi + V
3. М(и.у.) - Wo dei + V ... (danshi)
Wo yinggai + V
4. М(и.о.) - Wo bu xiang + V ... (danshi)
Wo bu neng + V ... (yinwei)

Для анализа были взяты следующие группы глаголов:

Русский язык: лгать, угрожать, оскорблять, лстить, намекать;

Английский язык: lie, threaten, insult, flatter, hint;

Китайский язык: qipian, weixie, wuru, fengcheng, anshi.

Результаты анализа можно представить в следующей схеме:

Схема функционирования квазиперформативов в различных контекстах модальности

язык	русский	английский	китайский
контексты			
М(р.у.)	-	-	-
М(р.о.)	+	+	+
М(и.у.)	-	-	-
М(и.о.)	+	+	+

Как видно из схемы, квазиперформативные глаголы не могут функционировать по отношению к первому лицу в контекстах утвердительной реальной и ирреальной модальности. Контексты отрицательной реальной и ирреальной модальности допускают появление этой группы глаголов при первом лице. Причиной невозможности функционирования квазиперформативов в указанных контекстах является, по нашему мнению, наличие в их семантической структуре специфической семы, указывающей на социальную предосудительность называемого действия. Отрицание, взятое в качестве одного из параметров, до известной степени "сглаживает" эту предосудительность, что и позволяет глаголам этого класса функционировать в указанных контекстах.

Единообразие функционирования разноязычных квазиперформативов свидетельствует об универсальности свойств этих глаголов.

Н.Я.Губарь (Владивосток)

О СИНОНИМИИ СТРОЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время синтаксическая синонимия понимается как явление чрезвычайно сложное и многогранное, в котором органически переплетаются лексические, морфологические и синтаксические аспекты.

Синтаксические синонимы определяются как синтаксические конструкции, имеющие смысловую общность за счет одинакового состава семантико-синтаксических компонентов, сопряженных в общем типовом значении, характеризующиеся различием в синтаксическом способе представления данных семантико-синтаксических компонентов в пределах одного структурно-грамматического типа

или разных, различающиеся коммуникативной информацией о референте, смысловыми и стилистическими оттенками.

Рассматривая синонимичные средства в синтаксисе китайского языка (КЯ), можно выделить синонимию синтаксических конструкций (предложений) и синонимию строевых элементов конструкции.

Соотносимыми в плане синонимии строевых элементов конструкции могут оказаться придаточное предложение (предложение-подлежащее) и соответствующее словосочетание в составе соотносимых предложений (И.К. Румянцев, 1957). Основой синонимии данных частей предложения является единство позиций (функции), понимаемое как общность синтаксического значения, значения члена предложения (В.М. Солнцев, 1977).

Подобный тип синонимических связей в отношении дополнения, широко представленный в русском языке, ограничен в китайском менее развитой системой формообразования, а также конверсионными возможностями языка, хотя встречаются, например, синонимичные пары типа: Во тинцзянь жэнь цзяохань "Я слышал, как люди кричали"; Во тинцзянь жэнь-ды цзяохань "Я слышал крик людей".

Критериями синонимичности строевых элементов конструкций являются: разноструктурность; сходство семантико-синтаксической связи; позиционная идентичность по отношению к глаголу-сказуемому; взаимотрансформируемость.

К данному типу синонимии имеют отношение конструкции, различающиеся синтаксической формой компонентов предложений: Шэньмин чжичу // Шэньмин-чжун чжичу "... (В) заявлении говорится"; Во нянь шу, няньла сань нянь // Во няньла саньнянь-ды шу "Я проучился три года"; Тэндэ сяохоцзы чжи лю хань "Болело так, что у парня полился пот" // Сяохоцзы тэндэ чжи лю хань "У парня болело так, что полился пот".

Конструкции с препозитивным и постпозитивным определением (обстоятельством образа действия) можно определить как синтаксические синонимы, хотя их трансформационные возможности, как и большинства других синонимичных пар, ограничены. Определение трансформационных возможностей связано с рядом факторов, прежде всего, структурного и семантического характера, а также с лексической обусловленностью характера глаголов и наречий, употребляемых в данных конструкциях.

Конструкция с препозитивным обстоятельством образа действия употребляется чаще (из 784 примеров она составляет 2/3), что объясняется правилом синтаксиса китайского языка, по которому определение в основном предшествует определяемому. Такая конструкция является структурно обусловленной, например, необходимостью дублировать глагол при употреблении глагольно-объектной конструкции, а также лексически связанной из-за ряда наречий, употребляемых только в постпозиции к глаголу-сказуемому. Она имеет выделительный характер, передавая значение результативности; а употребление в научном стиле (А.М.Котов, 1982) резко ограничено.

Учитывая тесную связь строевых элементов со структурой предложения в КЯ и их обусловленность, можно говорить о синонимии предложений в целом.

С.П.Ефимова (Киев)

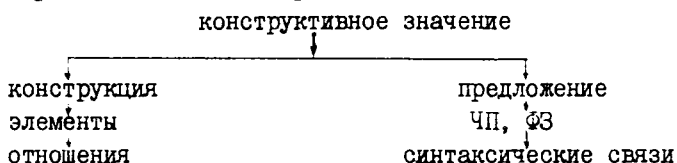
О РОЛИ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СЛОВСОЧЕТАНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Конструкция предложения есть грамматический каркас конкретного предложения, создаваемого в речи.

В конструкции заданы как элементы конструкции, так и связи между ними. Выбирая для нужд общения конструкции, мы, тем самым, выбираем и заложенные в ней связи.

В конкретном предложении конкретные слова как представители классов (подклассов), заполняя конструкцию, приобретают значение того компонента конструкции, чье место они занимают (субъекта, предиката и т.д.). Эти значения, по определению В.М.Солнцева, называются функциональными (ФЗ). Кроме того, слова также наделяются синтаксической функцией члена предложения (ЧП): подлежащего, сказуемого и т.д. (Солнцев, 1977).

Соотношение между конструкцией, ее элементами, их отношениями и предложением, его компонентами, их связями схематично можно изобразить следующим образом:

Переход от конструкции к предложению, т.е. от языка к речи, происходит путем реализации заложенных в конструкции правил. Это значит, что синтаксические правила определяют, какие именно слова как представители классов (подклассов) могут занять место того или иного элемента конструкции, а значит, приобрести то или иное ФЗ и функцию того или иного ЧП. Синтаксические правила определяют и те синтаксические связи, в которые могут вступать слова как представители классов (подклассов) в той или иной синтаксической функции. Таким образом, между конструкцией и набором синтаксических правил можно поставить знак равенства, т.е. все имеющиеся конструкции КЯ представляют собой свод синтаксических правил, а значит и все синтаксические отношения.

Соотношение конструкции и синтаксических связей можно проиллюстрировать на примере ядерных, наиболее широко употребляемых простых предложений КЯ:

- 1) субъект - предикативный признак (качество): П - С;
- 2) субъект - предметно-представленный предикативный признак: П - С;
- 3) субъект - предикативный признак (действие): П - С (при С - непереходном глаголе), П - С - Д (при С - переходном глаголе).

Все остальные конструкции являются производными ядерных конструкций.

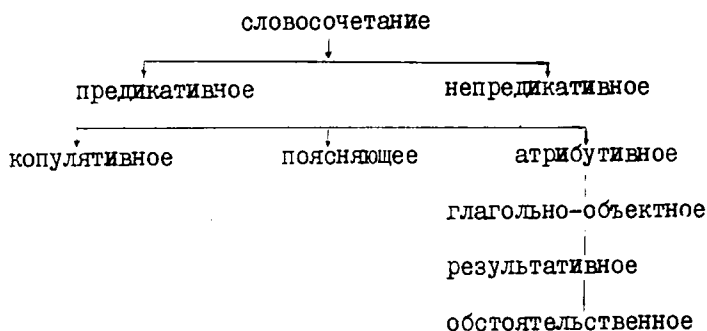
Компоненты конструкции называются конструирующими ЧП. Структурную основу двусоставных предложений образуют подлежащее и сказуемое. Ядерные конструкции, представляющие собой не распространенные типы простых предложений, могут быть распространены за счет обстоятельства, дополнения, определения, результата. Эти ЧП принято считать неконструируемыми. Но так как конструкция должна обладать не только грамматической, но и информативной достаточностью, то с этой целью в ее состав на правах отдельных компонентов могут включаться другие ЧП, обязательные для смысловой полноты высказывания. Например, в предложениях с постпозитивным подлежащим наличие обстоятельства в препозиции к сказуемому является необходимым условием реализации предикативной связи: *Zhuozhang fangzhe shu* "На столе лежат книги"; при сказуемом - переходном глаголе прямое дополнение обычно выступает в качестве конструирующего ЧП:

Wo zhaole daifu "Я посетил врача".

В тех случаях, когда неконструирующий ЧП выступает в качестве конструирующего ЧП, к числу конструктивно значимых могут относиться и другие связи: обстоятельственная, глагольно-объектная.

Все синтаксические связи КЯ, как конструирующие, так и неконструирующие, можно проследить на уровне словосочетания. Словосочетания КЯ сводятся к нескольким типам: 1) предикативный; 2) атрибутивный; 3) копулятивный; 4) глагольно-объектный; 5) результативный; 6) обстоятельный. Кроме вышеперечисленных, мы выделяем еще один тип словосочетания - 7) поясняющий.

Соотношение типов словосочетаний можно представить в виде следующей схемы:

Сумма всех конструкций словосочетаний (кроме предикативного и копулятивного) является сводом правил распространения **всех ядерных конструкций предложения**. Если в конструкциях предложений явно заданы ядерные синтаксические связи и потенциально - все остальные, что зависит от количества компонентов конструкций и их наполнения, то в каждой конструкции словосочетания (при нераспространенных компонентах) определена одна синтаксическая связь.

Слова как представители классов (подклассов) могут вступать между собой в связи либо сначала на уровне словосочетания в соответствии с конструкциями словосочетаний, а затем уже на уровне предложения в соответствии с конструкциями предложений,

либо могут, минуя уровень словосочетания, реализовать ядерные синтаксические связи, заданные в конструкциях предложения. Это всецело зависит от нужд коммуникации.

Таким образом, конструкции предложений и словосочетаний можно рассматривать как свод, концентрацию синтаксических правил соединения слов в словосочетания и предложения. В конструкциях предложений и словосочетаний сконцентрированы все правила китайского синтаксиса. Правила образования предложения – это правила образования конструкций предложений, правила образования словосочетания (кроме предикативных и копулятивных) – это правила распространения компонентов ядерных конструкций предложений. Конструкции определяют все возможные виды соединений слов как в словосочетаниях, так и в предложениях. Слова вступают в связи в словосочетаниях и в предложениях в соответствии с конструкциями, т.е. правилами, согласно своим грамматическим свойствам как представители классов (подклассов) (Драгунов, 1952). Конструкции предложений и словосочетаний можно рассматривать как связеопределяющий фактор.

И.В.Жданкин (Москва)

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЕ
ГЛАГОЛЬНОГО АТРИБУТИВНОГО ТИПА
"ПРИЗНАК – ДЕЙСТВИЕ"

Работа над учебными пособиями, предназначенными для обучения чтению газетных текстов на китайском языке (КН), а также практика преподавания убеждают в необходимости выявления и систематизации продуктивных словообразовательных моделей. При переходе к чтению оригинальных текстов после изучения нормативного курса речевой практики обучаемые сталкиваются с большим объемом совершенно нового для них иероглифического и лексического материала. В то же время попытки выбора статистически доминирующих вариантов номинации для многих важных, подчас ключевых понятий далеко не всегда заканчиваются успешно. К тому же газетные тексты на КЯ содержат явно больше многосложных слов, не фиксируемых словарями,

чем аналогичные тексты на русском языке. Для китайца и иностранца, хорошо владеющего КН, такие слова, как правило, вполне понятны. Однако для начинающего изучать язык отсутствие слова в словаре может оказаться непреодолимым препятствием для его понимания. Следовательно, в целях успешного овладения навыками чтения даже простых газетных текстов с первых же этапов обучения преподавателю необходимо закреплять у обучаемых не только слова, но и, в первую очередь, словообразовательные модели.

Попытаемся в развитие ранее высказанных положений рассмотреть словообразовательную подсистему глагольного атрибутивного типа "признак - действие"¹⁾ и соответствующие модели типа: чаочао "перепроизводство, произвести больше (чем запланировано, чем необходимо)", мэнцзинь "решительно ворваться)". Основу такой модели составляет не второй компонент, как это чаще всего бывает в моделях именного типа, а первый, место которого чаще занимают односложные качественные прилагательные, наречия и некоторые глагольные морфемы, обозначающие в данном случае признак другого действия. Оба компонента являются морфемами этой новой лексической единицы. Появление в рамках большинства маркированных моделей рассматриваемого типа слов, состоящих из трех и более слогов, либо исключено, либо происходит достаточно редко (например, отмечено некоторое количество единиц типа луань дин цзя "произвольно устанавливать цены", где атрибутивная связь возникает между признаком и действием, выраженным глаголом структуры "действие - объект действия"; но это тема другого исследования. Представлено некоторое количество многосложных единиц с первой морфемой сян "взаимно", например, сян цзехэ "соединяться между собой").

Глагольных моделей атрибутивного типа в исследованном

1) Группа именных атрибутивных моделей "относительный признак - предмет" изучена нами ранее (см. ВЯ, 1986, №1).

нами материале в целом отмечено немного²⁾. Однако продуктивность этих немногих структур достаточно высока. К тому же они весьма активно употребляются в речи. Слова типа синьдяо "прислать (на новое место работы, службы)", синьгай "построить (новый дом)", синьмай "только что купить"...; сянди "взаимно противостоять", сянфу "совпадать", сянгао "говорить друг другу"...; луаньфа "раздавать кому попало", луаньхуа "растрачивать (средства)"... составляют открытый список. В предложении такие единицы чаще всего выступают в качестве сказуемого и определения (возможности конкретных моделей в этом плане неодинаковы). Иногда слова модели "признак - действие" входят в состав более сложных образований четырехкомпонентной структуры (например, шэньбяо тунцин "выражать глубокое сочувствие"), но этот вопрос требует специального рассмотрения.

Ниже приводится таблица, позволяющая судить о продуктивности некоторых моделей сложных слов глагольного атрибутивного типа "признак - действие" в современном КЯ. Каждая модель характеризуется наличием особой первой морфемы. Кроме слов этих моделей употребляются также модели с частотностью от 5 до 15 слов.

Исследование показало, что в область регулярного словообразования входят словообразовательные элементы весьма ограниченного круга значений: 1) неоднократно, повторно (люй, чун, фу), 2) отдельно, раздельно, особо, специально (лу, фэнь, тэ, чжуань), 3) совместно, взаимно, параллельно (сян, ху, цзянь, хэ, тун, бин, гун), 4) дополнительно (бу), 5) заранее, временно (юй, цзань), 6) рано, поздно (цзао, вань), 7) ошибочно (цз, у), 8) слегка (люэ), 9) заново (синь), 10) прямо (чи), 11) чрезмерно (лань, чао), 12) произвольно (луань, хэн), 13) поспешно, быстро (гань, цзи), 14) высоко, глубоко (гао, шэнь), 15) яростно, резко, сильно (мэн, куан, тун, цян, хэнь), 16) радостно (хуань), 17) тесно,

2) На 300 страницах газеты "Жэньминь жибао" (свыше 3 млн. иероглифов) отмечено 40 с небольшим таких моделей. Проверка материала проводилась по "Китайско-русскому словарю" под ред. Б.Г.Мудрова.

№ п/п	Модель	Общая частота употреб- ления	Кол-во единиц, не от- меченных словарем ²⁾	Примеры употребле- ния модели
1.	ЛУАНЬ "произ- вольно" + П ^{5 3)}	27	26	луаньбао "очковтира- тельство (букв.: про- извольно доложить)", луаньчай "произвольно снести (напр., дом)"
2.	ИЙ "заранее" + П	22	8	ийкао "предварительно экзаменовать", ийпэй "предварительно подо- брать"
3.	СЯН "взаимно" + П	19	10	сянгао "говорить друг другу", сянъяй "встре- чаться (напр., в спор- тивной игре)"
4.	ЧУН "повтор- но" + П	18	11	чундэ "повторно об- рести", чунфа "повтор- но штрафовать"
5.	МЭН "резко, ярко" + П	17	11	мэнцзи "сильно уда- рить", мэнцзо "вце- питься"
6.	СИНЬ "новый" + П	16	15	синьбань "вновь от- крыть, учредить", синьбянь "заново составить"

3) Здесь и далее П обозначает переменный глагольный компонент модели.

плотно (цз^{инь}), 18) трудно (нан^ь). Как показывает перечисление, и без того узкий семантический спектр соответствующей области номинации, обслуживаемый регулярными словообразовательными моделями, еще более сужается из-за использования в качестве постоянного первого компонента слов синонимичных и близких по значению элементов. Следовательно, задачи номинации в данной области решаются в основном с помощью малопродуктивных, нерегулярных словообразовательных моделей и моделей синтаксических.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Узкий семантический спектр рассматриваемого типа номинативных образований служит доводом в пользу признания их единицами системы регулярного словообразования.

2. Единственными ограничениями, которые наложены на словообразовательные модели рассматриваемого типа, являются: а) односложный характер переменного глагольного компонента и б) его семантическая совместимость с постоянным компонентом. Для китайского глагола такого рода ограничения вполне естественны, поэтому сложные слова модели "признак - действие" создаются в речи практически свободно.

М.Х.Имазов (Фрунзе)

ОБ УДВОЕННЫХ ФОРМАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДУНГАНСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В дунганском языке (ДЯ) существуют разнообразные формы повторов. Удвоение служит как словообразовательным, так и семантико-грамматическим целям. В целом этот способ дал незначительное количество новых лексических единиц. При этом образованные путем редупликации слова чаще всего являются существительными. Прилагательные и слова других лексико-грамматических классов, образованные удвоением, встречаются довольно редко.

Особенно широкое применение получил этот способ при образовании прилагательных-интенсивов. Интенсивная форма прилагательных образуется путем удвоения односложной качественной морфемы с последующим присоединением к ней суффиксов -р и -ди, т.е. по формуле "об -р -ди": чинчирди "новенький", тянтярди "сладкий-пресладкий" и др. Такие

прилагательные преимущественно выражают значение усиления признака с известным оттенком ласкательности. Интересно, что в китайском языке (КЯ) эта форма может быть образована и по формуле "об-ды": хуан-хуанды "желтый", минминды "яркий" (М.К. Румянцев, 1958).

Интенсивная форма прилагательных образуется также путем присоединения к односложной качественной морфеме редуцированной "пустой" морфемы и суф. -ди, т.е. по формуле "а-об-ди": ганвавади "черствый", жанвавади "липкий" и др. Прилагательные конструкции "об-р-ди" и прилагательные типа "а-об-ди" отличаются друг от друга не только по форме, но и по семантике. Выражая значение усиления признака предмета, прилагательные этих групп имеют вместе с тем различные экспрессивные оттенки. Прилагательные конструкции "об-р-ди" употребляются в тех случаях, когда говорящий хочет выразить свое положительное отношение к качеству того или иного предмета. Интенсивная же форма "а-об-ди" используется преимущественно в тех случаях, когда говорящий хочет выразить свое отрицательное отношение к качеству того или иного предмета.

В ДЯ путем простого повтора качественной морфемы без последующего суффиксального оформления, т.е. по формуле "об", прилагательные образуются крайне редко (бянбян "плоский"), в то время как в китайском этот способ является весьма продуктивным: да "большой" – дада "большущий", сяо "маленький" – сяосяо "крохотный"; ганьцзин "чистый" – ганьганьцзинцзин "очень чистый" и т.п. (В.М. Солнцев, 1957).

Очень малочисленны также прилагательные, образованные путем удвоения односложной морфемы с последующим суф. -р или суф. -зы: дэдэр "продолговатый" (дэ "висеть"), чечезы "наклонный" (че "наклоняться").

Небольшую группу составляют прилагательные, образованные от двусложных прилагательных путем удвоения их второго компонента с последующим присоединением суф. -ди или суффиксов -р и -ди: сынза "жуткий" – сынзазади "очень жуткий", нянчин "молодой" – нянчинчирди "молоденький" и др. Внешне они напоминают прилагательные конструкции "а-об-ди", но в отличие от последних образованы не от односложной, а от двусложной основы. По этим моделям новые слова почти не создаются. Прилагательные, образованные по данным формулам, выражают

значение интенсивности признака. В КЯ аналогичная интенсивная форма может не иметь суффикса, т.е. по формуле "а-бб": няньцинцин (А.А. Драгунов, 1962).

В ДЯ прилагательные-интенсивы образуются также посредством удвоения каждого компонента двусложного прилагательного и присоединения суф. -ди: щётин "спокойный" - щёщё-тинтин-ди "спокойный-преспокойный" и др. Прилагательные такой структуры в КЯ могут быть образованы без суф. -ди: ганьцзин "чистый" - гань-ганьцинцин "очень чистый" (В.М. Солнцев, 1957).

Таким образом, в ДЯ имеются пять основных типов удвоенных прилагательных, образованных по формулам "бб" (бян-бян), "бб-р-ди" (бийбырди), "а-бб-ди" (ганваади), "аа-бб-ди" (чинчин-чэчэди) и "а-бб-/р-/ди" (нянчинчирди, сынзаади).

Самыми многочисленными, пожалуй, являются прилагательные конструкции "а-бб-ди". В составе таких сложных прилагательных первая морфема в подавляющем большинстве случаев является качественной. Количество прилагательных с первым компонентом-именной морфемой в ДЯ незначительно, а прилагательные с первым компонентом-глагольной морфемой вообще встречаются очень редко. Эта группа сложных прилагательных отличается от других не только структурой, но и затемненностью значения их второй, повторяющейся, морфемы.

Подобного рода сложные прилагательные образуются не только по модели "а-бб-ди", но и с помощью суффиксов -р и -ди, т.е. по формуле "а-бб-р-ди", например, чинзанзарди "прозрачный", молундурди "с длинными ресницами", филинлирди "сочный".

Прилагательные типа "а-бб-ди" заметно отличаются от прилагательных другого типа, обозначающих также интенсивную степень качества, но образованных путем удвоения качественной морфемы с последующим присоединением суффиксов -р и -ди, т.е. по формуле "бб-р-ди": чучурди "густой-густой" и др. Прилагательные, состоящие из удвоенной качественной морфемы и суффиксов -р и -ди, в отличие от рассматриваемых нами четырехсложных прилагательных обозначают только положительные качества предмета и в своих синтаксических функциях универсальны, т.е. в роли определения и сказуемого

они могут сочетаться с любым существительным (например: шу бинбирди "руки холодные-холодные", бинбирди фи "холодная-холодная вода"). Четырехсложные же прилагательные в качестве определения или сказуемого могут присоединяться только к одному или нескольким существительным. Например, прилагательное дуанжюжюди "очень короткий" употребляется только с существительными санзы "платье" и кузы "брюки". Следовательно, такие прилагательные имеют более узкую сферу применения. В отличие от других они не сочетаются с наречиями дин "самый" и тэ "слишком", ибо сами по себе уже содержат значение усиления признака или качества.

Одни и те же прилагательные типа "а-бб-ди" в КЯ могут иметь совершенно иное значение, чем в ДЯ. Например, кит. шу йлиньлиньды означает "мокрый-премокрый", а дунг. филин-линди "очень сочный". Многие четырехсложные прилагательные в этих языках, совпадая по своей первой морфеме, заметно отличаются друг от друга по второй, повторяющейся, морфеме, ср., например: кит. да-сусуди "горький-горький" - дунг. лахухуди; лян-сысыды "холодный" - лэнсусуди; люй-юды "зеленый-зеленый" - лозанзанди; лян-тантанды "светлый-пресветлый" - лэнхуонхуонди, жэ-лалады "горячий-горячий" - жэхухуди.

Отдельные из функционирующих в КЯ четырехсложный прилагательных (типа хуэй-момоды "пепельно-серый", лэнбинбинды "холодный-холодный" в ДЯ не употребляются.

Итак, рассмотренные материалы ДЯ и КЯ позволяют сделать следующие выводы:

1. Удвоенные формы дунганских и китайских прилагательных образуются в основном по сходным формулам ("бб", "бб-р-ди", "аа-бб-ди", "а-бб-(-р)-ди", "а-бб-ди").

2. Отдельные дунганские и китайские прилагательные, близкие по значению, имеют разные модели образования: дунг. "бб-р-ди" (хуон-хуорди "желтый") - кит. "бб-ды" (хуан-хуанды "желтый-желтый").

3. Одно и то же означающее в этих языках может иметь

разные означаемые (дунг. филлинлинди "очень сочный" – кит. шуйлиньлиньды "мокрый-премокрый") и, наоборот, одно и то же означаемое – разные означающие (дунг. лозанзан-ди "зеленый-зеленый" – кит. люй-ююды "зеленый-зеленый").

4. Прилагательные, функционирующие в одном языке, могут отсутствовать в другом (кит. хуэй-момоды "пепельно-серый" и др.).

И.Д.Кленин (Москва)

ПЯТИСЛОЖНЫЕ ТЕРМИНЫ ОБЪЕКТНО-ГЛАГОЛЬНОГО ТИПА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Пятисложные термины (ПТ) в КЯ обычно представляют собой определительные словосочетания. Например, цзинцзи вэйюаньхуй "экономический комитет" ПТ состоит из двух слов: цзинцзи "экономика" и вэйюаньхуй "комитет". Первое слово в этом сочетании обычно двусложно (двухморфемно), второе трехсложно (трехморфемно). Трехморфемное слово, в свою очередь, делится на две части: первая по позиции, состоящая из двух морфем, выступает в качестве конкретизатора, замыкающего одноморфемную часть. Эта одноморфемная часть имеет значение родового понятия и конкретизируется первой (двухморфемной) частью. Таким образом, в ПТ обнаруживаются три семантические автономные (относительно) части: два двуслога (две двуморфемные части) и конечный однослог (конечная морфема). Назовем их составляющими. Первые две составляющие, несмотря на разный статус в составе ПТ (первая составляющая – отдельное слово, вторая – части трехсложного слова), семантически связаны между собой. Каждая из них по отдельности, вне ПТ представляет собой слово, принадлежащее к той или иной части речи; так, например, в термине гаоду цэлинцзи "высотомер" – это существительное и глагол, в кунцзюнь чжэнчжибу "Политуправление ВВС" – существительное и прилагательное, в чжэнчжи чжидаюань "политрук" – прилагательное и глагол.

Обе двусложные составляющие, в ПТ образующие семантичес

кое единство (гаоду "высота", цэдин "измерить"), могут быть противопоставлены последней составляющей, которая является абстрактно-классифицирующей морфемой с родовым значением для всего комплекса (в вышеприведенном примере с термином "высотомер" — это морфема цзи "аппарат, прибор"). При образовании ПТ последняя морфема входит в состав трехсложного слова. Однако при терминологизации ПТ сложного комплекса он трансформируется таким образом, что замыкающая морфема начинает относиться уже ко всем предшествующим ей четырем морфемам, образующим две составляющие.

Интересно отметить, что двусложная глагольная составляющая в пятисловах всегда примыкает к заключающей односложной составляющей, причем глагол (первая составляющая) может быть как переходным (фэйцзи шэцзун "авиационная катапульта"), так и непереходным (чжэнчжи чжидаоуань "политрук").

В зависимости от того, какими частями речи выражены двусложные составляющие, определительные ПТ можно разделить на два типа: к первому из них относятся термины, у которых первая по позиции составляющая представлена именной основой (объект действия), а вторая — переходным глаголом. Образованные таким способом ПТ относятся к объектно-глагольному типу. Они обычно имеют значение "предмет, производящий действие, которое выражено второй составляющей и уточнено, конкретизировано первой составляющей". Все остальные термины принадлежат ко второму типу.

Объектно-глагольная конструкция распространяется и на шестисложные термины, которые обычно включают в себя три двусложные составляющие (даодань фэшэ чжунчжи "ракетная пусковая установка" мубяо иньдао даньтай "станция наведения на цель").

Правда, иногда первая составляющая бывает представлена тремя морфемами (хуньниту похуайдань "бетонобойный снаряд", чжанайу шэчжидуй "отряд постановки заграждений"). Следует подчеркнуть, что почти все ПТ могут быть преобразованы в шестисложные за счет введения в их состав атрибутивного (нингу циюдань и нингу цию чжадань "напалмовая бомба") или копулятивного (гаоди цэдинци и гаоду цэдин или "высотомер") компонента замыкающего однослога. Причем добавление этого компонента неизбежно ведет к расчленению трехсложного слова и превращению его в определительное словосочетание, состоящее из двух биномов.

Интересно отметить, что такая семантико-грамматическая структура свойственна обычно устойчивым лексическим комплексам объектно-глагольного типа. В свободных же словосочетаниях аналогичного типа именная основа следует за глагольной: И лян цзайюнь цию ды цичэ, цзай яньчжэ гуьлу шан фэйцжэ "автомашина, перевозящая бензин, стремительно мчалась по шоссе".

Свободные определительные сочетания представляют собой описательные термины, не обладающие такими свойствами, как краткость и систематичность. Постепенно, в зависимости от частоты употребления и семантической важности, они могут стать устойчивыми, систематичными и перейти в разряд официально принятых терминов.

Одним из признаков этого перехода является создание пяти- или шестисложных комплексов объектно-глагольного типа (сяоме саньбин ды чжилуй и саньбин сяомедуй "истребительный отряд").

ПТ объектно-глагольного типа по своей структуре напоминают производные термины, встречающиеся в других языках: пулеметчик, огнеметчик - в русском языке, minelayer "минный заградитель", flamethrower "огнемет" - в английском, mine-stryger "тральщик", minekaster "миномет" - в датском.

Тот факт, что эти термины имеют в своем составе суффикс и производящую основу типа "существительное + глагол", лишний раз подтверждает тенденцию КЯ к превращению конечного слога в словообразующий формант.

ПТ этих двух типов помимо семантико-морфологической структуры отличаются друг от друга характером их появления в языке.

Сложные определительные термины образуются в результате первичной, вторичной и более поздней конкретизации родовых понятий. Например, термин люданьпао "гаубица" отражает первичную, а термин цзясин люданьпао - вторичную конкретизацию родового понятия пао "огнестрельное оружие калибра свыше 20 мм".

Первый тип ПТ возникает, как правило, в результате первичной конкретизации, минуя промежуточную трехсложную форму - неперенный атрибут второго типа. В этих терминах первые две составляющие обозначают в совокупности один видовой признак родового понятия. Вследствие этого центр смысловой тяжести в них лежит не на первой или второй составляющей, а как бы распределяется равномерно, с небольшим уклоном в сторону первого бинорма.

Такая семантическая структура при морфемной контракции порождает тенденцию к сохранению представителей обоих двучленов, чтобы яснее передать внутреннюю мотивировку сокращенного термина.

Различие морфологической и семантической структуры ПТ обуславливает в известной степени специфику их контракции, определяет ее конкретную форму. В определительных терминах объектно-глагольного типа не наблюдается выпадение трех морфем, но имеет место такой вид упрощения их структуры, как морфемная контракция с инверсией, иначе говоря, стяжение, сопровождаемое инверсией компонентов двусложных составляющих: глагольная основа меняется местом с именной. При сокращении термина дилэй таньцэцзи "миноискатель", где первый двучлен означает "мина", второй - "искать", а заключающая морфема - "аппарат, прибор", возникает трехсложный термин таньлэйцзи.

Если в ПТ именная (двусложная) основа предшествовала глагольной (тоже двусложной) основе, то в трехсложном сложно-сокращенном слове они поменялись местами, превратившись при этом из двусложных в односложные. Контракция с инверсией вероятнее всего объясняется аналогией с широко распространенной в КЯ словообразовательной моделью трехсложного существительного: "глагольная основа + именная основа (определение) + именная основа (определяемое)". Эта словообразовательная модель уходит своими корнями в древнекитайский язык (вэньянь), который характеризовался односложной формой слов и твердым порядком их в предложении. Согласно законам синтаксиса в вэньяне дополнение обычно следовало за сказуемым, а определение предшествовало подлежащему или дополнению. Если глагольно-объектное словосочетание выступало в роли определения к третьему однослогу, то оно не отделялось от него служебными формантами. Частое употребление таких атрибутивных синтагм, обусловленное потребностями языкового общения, привело в конечном итоге к их лексикализации.

ПТ объектно-глагольного типа появились тогда, когда КЯ перешел от односложной к двусложной норме слова и когда стал набирать силу процесс формирования полусуффиксов и суффиксов.

По этой причине ПТ создавались сразу как единые лексические единицы по нормам морфологии, а не синтаксиса. Их активный компонент (суффикс, полусуффикс или морфема с родовым зна-

чением) присоединяется к глагольной основе, что, вероятно, является закономерностью для многих языков.

Следует отметить, что в японском языке также есть ПТ объектно-глагольного типа (бакудан токаи "бомбосбрасыватель", бакудансёрихан "команда по ликвидации неразорвавшихся бомб"). Однако при их сокращении не отмечается морфемная контракция с инверсией, что "связано, видимо, с меньшей, чем в КЯ, распространенностью глагольно-объектной модели имен, меньшим ее влиянием" (Е.Г.Пыриков, 1983).

ПТ объектно-глагольного типа находятся на границе между свободными словосочетаниями и сложными словами. По фонетическому признаку они примыкают к словосочетанию. В то же время им присущи почти все признаки цельнооформленного слова: они обладают семантической целостностью, выступают в качестве одного члена предложения, принимают грамматическое оформление как единая лексическая единица, в их состав нельзя внести служебное слово ды, в определенных условиях выражающее атрибутивные отношения между знаменательными словами.

Нгуен Ван Тхак (СРВ)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЧАСТЯХ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В китайском языкознании части речи традиционно обозначаются термином цытай "категория слов" и считаются основными грамматико-семантическими классами слов.

В исследованиях по китайскому языку (КЯ) нередко встречаются классификации словосочетаний по их категориальным характеристикам, в зависимости от отнесенности их главного или центрального слова к определенной части речи. В результате этого, часто встречаются такие термины, как миньцзин цыцу "словосочетание существительного характера", синрунцзин цыцу "словосочетание прилагательного характера", лунцзин цыцу "словосочетание глагольного характера". Таким образом, наличие категориальности признается и на уровне словосочетания.

При классификации типов образования сложных слов на основании отнесенности их компонентов к определенным частям речи, выделяются такие типы как: 1) существительное + существительное: йянь "язык", букв. "язык + речь"; дисю "земной шар, Земля" букв. "земля + шар"; 2) глагол + глагол: шэншань "произво-

дять" букв. "возникнуть + производить"; 3) глагол + существительное: сяохуа "шутка, анекдот" букв. "смеяться + слова"; 4) глагол + предлог: рэнъвэй "считать"; луйй "относиться к"; 5) частица + глагол: вэйлай "будущий" букв. "не + наступить"; 6) частица + существительное: уцзуй "невинный" букв. "нет + вина" и т.п. (Лу Чживэй, 1975 и др.). Тем самым, исследователи, предложившие эту классификацию, как бы признают наличие аналогов частей речи и в словообразовательных элементах сложных слов, т.е. в единицах морфемного уровня.

Исследования убедительно показали, что ряд морфем – компонентов сложных слов, до того как они попали в состав сложных слов, в подавляющем большинстве являлись знаменательными словами (Солнцев, 1977). Процесс превращения слов в морфемы в китайском языке, как показывают приведенные выше примеры, не связан с изменением значения и потерей категориальных характеристик.

Таким образом, такие категориальные характеристики, как субстанциональность, глагольность, адъективность (главным образом, именного характера) присущи не только словам, но и словосочетаниям и морфемам. Это позволит нам рассмотреть следующие вопросы.

а) Термин цзылэй для описания категориальных характеристик единиц больших или меньших, чем слово, оказывается неудачным поскольку связан только со словом. В ряде других языков этот термин не связан с понятием слова (ср. например, русск. "части речи", англ. *parts of speech*, франц. *parties of discours*, исп. *partes de la oracion*). Таким образом удобнее было бы использовать не термин цзылэй "категория слов", а какой-то другой семантически более емкий термин, например, лэй "категория" с его производными: миньлэй "существительное", дунлэй "глагольное", синлэй "прилагательное" (или в сокращенном виде: соотв. минь, дун, син).

б) При описании лексических единиц, особенно в толковых словарях КЯ или китайско-иностраных словарях либо полностью отсутствует категориальная характеристика, либо она представлена весьма неполно. Например, в "Сианьдай ханьйй цидзянь" (АН КНР, 1977) и "Китайско-русском словаре-минимуме" (А.В Котов, М., 1974) нет помет категориальной характеристики, а в четырехтомном "Большом китайско-русском словаре" под ред.

И.М.Ошанина (М., 1984) пометы о частях речи даются только при односложных словах. При простых (одноморфемных) многосложных словах, а также сложных словах, которые бесспорно являются предметом описания словарей, эти пометы отсутствуют, то само по себе непоследовательно и не удовлетворяет современным требованиям. Со всей последовательностью нужно и можно давать пометы о категориальности всем заглавным единицам словаря, не только словам, но и словосочетаниям и морфемам. Подобное предложение автора данной статьи было принято в новом "Толковом словаре вьетнамского языка", составленном в Институте языкознания СРВ и вышедшем в свет в начале 1988г.

в) Известно, что словам, словосочетаниям и морфемам присуща омонимичность. Для познания или различения этих омонимичных единиц во многих случаях важна и необходима их категориальность. Так например, глагольность элемента хуэй (и вместе с тем, его значение "собираться") первого и субстанциональность его омонимичного элемента (со значением "общество, союз") остальных слов – существительных в следующем ряде: хуэйчан "конференция, место собраний", хуэйгуань "помещение союза (общества)", хуэйчан "устав общества", чжихуэй "отделение, филиал (общества, союза)" помогают нам отличать первый элемент хуэй от других, хотя все они используются в составе существительных. В свою очередь, элемент чжи "ветка, ветвь, филиал" в словах чжихуэй, чжибу "ответвление", чжицзюй "филиал, отделение" и т.д. своей субстанциональностью отличается от элемента чжи в словах чжифу "платить, уплачивать" чжидань "чек, платежное письмо", обладающего глагольной категориальностью. Число таких омонимичных элементов в КЯ очень велико. Более того, не только омонимы, но и омографы, в ряде случаев различаются только категориальностью.

Ю.Я.Плам (Москва)

К ВОПРОСУ О ДВОЙНОЙ ФОРМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ СЛОВ В ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Особый вид варьирования слов, заключающийся в сосуществовании в языке "семантически тождественных или несколько различающихся по смысловому объему пар слов" типа, например, в китайском языке (КЯ): чэ ~ чэцзы "повозка", янь ~ яньцзин "глаз" и т.д., характерен для многих изолирующих языков исследуемого

региона. Двойной формой существования слов КЯ это явление было впервые (в 1958г.) названо и в ряде последующих работ более подробно исследовано В.М.Солнцевым. Н.Н.Коротков называет это же явление существованием в КЯ двусложных и односложных вариантов слов (1963).

Исследование языков Юго-Восточной Азии (ЮВА) показывает, что это явление в современных языках имеет достаточно широкое распространение, и в то же время двусложные слова, входящие в такие пары, различаются структурно-семантически, образуя ряд моделей, обладающих различными грамматическими свойствами. Несомненно, что само появление таких пар в историческом плане, в частности ^{для} КЯ, обусловлено "переходом от односложной нормы слова как статистически господствующей к двусложной норме" (В.М.Солнцев), однако в то же время широкому распространению функционирования двойной формы существования таких слов способствует и присущая изолирующим языкам современная морфосиллабическая структура слов. В этой связи при синхронном исследовании двойной формы слов к данному явлению можно подходить как к существованию в современном языке полной и редуцированной формы слова.

Здесь мы ограничимся лишь анализом структуры редуцируемых существительных, хотя, видимо, подобный же анализ может быть произведен и в сфере слов, относящихся к другим частям речи. Материалом для исследования, частично опубликованного в 1972 г. в книге "Лаосский язык", послужили в основном тайские языки, хотя полевые обследования языков народов Вьетнама, таких как хмонг, лаха, понг, пхонг, рух и др. во многом подтверждают наши наблюдения. Сопоставление же этих материалов с КЯ и наложение на него результатов, полученных при исследовании языков ЮВА показали идентичность (за некоторыми исключениями) выявленных моделей, естественно, в зеркальном отражении, поскольку для большинства языков ЮВА характерно постпозитивное расположение зависимых компонентов в слове, в то время как КЯ присуще препозитивное расположение этих компонентов.

Анализ функционирования сложных существительных в речи показывает, что с точки зрения возможности редукции в их составе выделяется две супермодели - одна, при которой редукция какого-либо компонента сложного существительного вообще невоз-

можно, и вторая, где один из компонентов при определенных условиях может быть редуцирован, а другой выступает в речи в качестве семантического заместителя всего сложного слова в целом. Однако в свою очередь редуцируемая супермодель не однородна. В ее составе также выделяется несколько моделей в зависимости от того, какой из компонентов может подвергаться редукации¹⁾.

Характеристика компонентов редуцируемых существительных может базироваться на двух различных принципах. С точки зрения формально-грамматической структуры сложного слова один из входящих в его состав компонентов является ядерным, а другой зависимым, причем при атрибутивных отношениях в составе сложного существительного зависимый компонент представлен как определение, при аппозитивных – как приложение.

С точки зрения семантической структуры сложного существительного один из его компонентов обычно является семантически главным, несущим основную смысловую информацию, а другой – семантически вспомогательным, уточняющим, конкретизирующим, выделяющим данный объект из ряда ему подобных. Семантически главный компонент мы называем смыслоформирующим, семантически вспомогательный – смыслоуточняющим. При этом характеристики компонентов с формально-грамматической и семантической точек зрения могут и не совпадать, т.е. ядерный компонент в одних сложных словах может быть смыслоформирующим, а в других – смыслоуточняющим, то же самое относится и к зависимому компоненту.

Как известно, порядок расположения компонентов зависит не от семантической, а от формально-грамматической структуры сложного слова, характерной для данного языка. В языках с постпозитивным расположением зависимых компонентов (например, в латинском) ядерный компонент, как правило, является первым, зависимый – вторым, в языках с препозитивным расположением зависимых компонентов (например, в китайском) ядерный компонент обычно является вторым, зависимый – первым.

Анализ функционирования редуцируемых существительных в исследуемых языках показывает, что в одном и том же языке в одних

¹⁾ Здесь мы не касаемся путей образования слов с двойной формой существования, так же как и особенностей их функционирования в языке, и рассматриваем чисто формальную семантическую структуру таких слов.

словах редуцируется первый компонент, в других – второй компонент, в третьих – редукции может подвергаться любой из компонентов. Поскольку, таким образом, редуцироваться может как ядерный, так и зависимый компонент, формально-грамматическая структура слова не позволяет выявить какой-либо четкой зависимости между ней и возможностями редукции того или иного компонента. Определяющим в данном случае является прежде всего семантическая структура слова.

Если обратиться к языкам с постпозитивным расположением зависимых компонентов, то с точки зрения семантической характеристики первого компонента в составе редуцируемых существительных (для языков препозитивного строя нумерация компонентов будет обратной), морфемы, выступающие в роли этого компонента обладают более или менее четко выраженным классифицирующим характером, т.е. входя в состав существительного они обычно относят его к определенной группе слов, например, связанных общей семантикой и обозначающих, в частности, лиц вообще, лиц, занимающихся каким-либо видом труда, здания, торговые заведения, средства транспорта, инструменты и т.п. Сюда же относятся морфемы со специализированным значением – так называемые родовые морфемы типа наименований птиц, рыб, насекомых, растений, их плодов, а также классификаторы. Для КЯ к их числу можно отнести и суффиксы в производных словах, поскольку они также относят данное слово к определенному, в данном случае грамматическому, классу слов.

С формальной точки зрения первые компоненты – классифицирующие морфемы отличаются от первых компонентов – неклассифицирующих морфем (которые также иногда могут образовывать ряды семантически сходных слов) самой возможностью редукции существительных, в состав которых они входят. Иными словами, редуцируемые существительные всегда характеризуются наличием в их составе классифицирующих морфем, причем сами эти классифицирующие морфемы могут быть двух типов: морфемы с общим значением и морфемы специализированные, т.е. родовые морфемы и классификаторы (а для КЯ и суффиксы существительных).

Как уже говорилось выше, редуцироваться может как второй, зависимый, так и первый, ядерный компонент, т.е. сама классифицирующая морфема. Все зависит в данном случае от наличия у того или иного компонента при словообразовательном действии особой смыслоформирующей функции, свидетельствующей о семантиче-

ски ведущей роли этого компонента в формировании значения всего слова в целом. Некоторую дополнительную роль играет и характер значения самой классифицирующей морфемы, а именно ее принадлежность к общим или специализированным морфемам.

Так, например, если сопоставить функционирование в речи таких лаосских сложных редуцируемых существительных как: хан-ахан "столовая, ресторан" (хан "лавка", ахан "пища"), мэнгван "муха" (мэнг "насекомое", ван "день"), мэнам "река" (мэ "мать", нам "вода"), мэнгнган "скорпион" (мэнг "насекомое", нган "скорпион"), дуангта "глаз" (дуанг "шар", классификатор для круглых предметов, та "глаз"), то окажется, что в словах ханахан и мэнгван может редуцироваться только второй компонент, в слове мэнам только первый компонент, а в словах мэнгнган и дуангта либо первый, либо второй компонент.

Аналогичным образом, но в зеркальном отражении, обстоит дело и в КЯ в таких например, словах, как: хочэ "поезд" (хо "огонь", чэ "повозка"), цинй "сельдь, селедка" (цин "молодой, зеленый", й "рыба"), где могут редуцироваться только первые компоненты; яньцзин "глаз" (янь "глаз, глазок", цин "глазное яблоко"), где возможна редукция только второго компонента; ший "сельдь-гильза" (ши "сельдь-гильза", й "рыба"), чжичжан "бумага" (чжи "бумага", чан "лист", классификатор для плоских предметов), где в зависимости от контекстных условий может редуцироваться или первый или второй компонент. В КЯ этот список может быть дополнен производными словами типа чжоцзы "стол", где суффикс существительных цзы можно рассматривать как классифицирующую морфему.

Как видим, классифицирующие морфемы (и с общим, и специализированным значением), обладающие смыслоформирующей функцией, типа хан "лавка" и мэнг "насекомое" (лаос.) или чэ "повозка" и й "рыба" (кит.) при том, что вторые компоненты – соотв. ахан "пища", ван "день", хо "огонь" и цин "молодой, зеленый" являются смыслоуточняющими морфемами, ни при каких условиях редуцироваться не могут. Здесь возможна редукция только смыслоуточняющих морфем. В словах же мэнам "река" (лаос.) или яньцзин "глаз" (кит.) классифицирующие морфемы с общим значением, обладающие смыслоуточняющей функцией типа мэ "мать" или цин "глазное яблоко" (при том, что второй компонент – соотв. нам "вода" или янь "глаз, глазок", является смыслоформирующей морфемой), при определенных условиях могут быть редуцированы.

Здесь уже невозможна редукция второй – смыслоформирующей морфемы. Наконец, в словах типа мэнгнган "скорпион" и дуангта "глаз" (лаос.) или шии "сельдь-гильза" и чжижан "бумага" (кит.), где классифицирующие морфемы со специализированным значением типа мэнг "насекомое", дуанг "шар, клф.", ий "рыба" и чан "лист, клф." обладают смыслоуточняющей функцией, а вторые компоненты (соотв. нган "скорпион", та "глаз", ши "сельдь-гильза" и чжи "бумага") несут на себе смыслоформирующую функцию, редуцироваться в зависимости от контекстных условий может любой из компонентов.

Заметим попутно, что одна и та же морфема со специализированным значением в одних случаях может выступать как классифицирующая смыслоформирующая морфема, например, мэнг "насекомое" в слове мэнгван "муха" и редуцироваться не может, а в других как классифицирующая смыслоуточняющая морфема, например, мэнг "насекомое" в слове мэнгнган "скорпион", где она может быть редуцирована. Объясняется это характером значения второго компонента, так, в первом случае морфема ван "день" не может в силу своей семантики выступать в качестве заместителя всего слова "муха", а во втором случае морфема нган "скорпион" эту функцию свободно выполняет.

Таким образом, в составе супермодели сложных редуцируемых существительных в исследуемых языках выделяется три структурно-семантических модели, различающиеся возможностями редукции тех или иных компонентов (нумерация компонентов дана для языков с постпозитивным строем):

а) модель с первым компонентом – классифицирующей смыслоформирующей морфемой с общим или специализированным значением и вторым компонентом – смыслоуточняющей морфемой, формальный признак – возможность редукции второго компонента, невозможность редукции первого компонента;

б) модель с первым компонентом – классифицирующей смыслоуточняющей морфемой с общим значением (а также, только для КЯ, и с аффиксальным значением) и вторым компонентом – смыслоформирующей морфемой, формальный признак – возможность редукции первого компонента, невозможность редукции второго компонента;

в) модель с первым компонентом – классифицирующей смыслоуточняющей морфемой со специализированным значением и вторым

компонентом – смыслоформирующей морфемой, формальный признак – возможность редукции любого из компонентов.

М.В.Рябская (Москва)

СРЕДСТВА ВЫДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРЕДИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Речь пойдет о двух представителях одного особого класса лексических единиц – цзю⁴ и цай², функция которых изучается на материале современной деловой и художественной прозы на общенациональном языке путунхуа (по-видимому, они не специфичны для путунхуа, так как прослеживаются во многих диалектах китайского языка, вплоть до южных).

Рассмотрим пример употребления цзю: Та шиба суй цзю чуцзя. Его возможный перевод: "В 18 лет она уже вышла замуж", а значение может быть "Рано она вышла замуж ...". Чтобы понять это предложение надо: 1) определить содержание семантического воздействия цзю (в данном случае – это "рано"); 2) найти такой фрагмент предложения, на который цзю оказывает свое семантическое воздействие (здесь это фрагмент (та) шиба суй "(ей) восемнадцать лет"); 3) выстроить шкалу возрастов, в которой "восемнадцать лет" оказалось меньше прочих возрастов для выхода замуж.

Заметим, что подобные примеры сооблазнительно интерпретировать, опираясь на понятие нормы. Однако ссылка на норму не позволяет объяснить, почему такое предложение, как Та цини суй цзю чуцзя, вопреки естественному представлению о том, что выйти замуж в 70 лет скорее поздно, тем не менее, все равно понимается как "рано она вышла замуж", вынуждая адресата сообщения подыскивать оправдания для столь странного заявления.

При замене цзю лексической единицей цай высказыванию в приведенном примере будет отвечать такой перевод: "Только в возрасте 18 лет она вышла замуж", т.е. "замуж она вышла поздно...". Соответственно, и шкала возраста в этом случае должна быть организована по-другому: "18 лет" не будет наименьшим возрастом, относительно которого имеет смысл делать заявления о замужестве.

То, что непосредственно подвергается семантическому воздействию цзю (или цай), условно назовем ключевым актантом цзю (или цай). Уже простейшие примеры позволяют заметить, что ключевой актант (КА) может быть заглублен в фрагментах несущего

предложения, расположенных как справа, так и слева от цзю (или цай). Ср.: Во и кань цзю чжидао "Я с первого взгляда сразу догадался" ("Мне было достаточно всего раз взглянуть, чтобы..."); Жан во цзю кань иянь "Позволь мне только разок взглянуть" ("...един-единственный разок и все"); Во чи иянь яо цай хао "Лишь приняв таблетку, я почувствовал облегчение" ("Не раньше, чем принял таблетку, я..."); Та цзяли цай ицзянь фанцзянь "Дома у них всего одна комната" ("В какой тесноте они живут...").

Фрагмент, содержащий КА, подчеркнут.

Встает вопрос, как организованы правила, обеспечивающие обнаружение КА? Оказывается, что правила действительно существуют и образуют упорядоченную систему предписаний, учитывающих, с одной стороны, чисто поверхностные условия (как, например, наличие или отсутствие придаточного предложения или второстепенного сказуемого), а с другой стороны – возможность построения семантической конструкции, согласованной одновременно с данным семантическим действием цзю (или цай) и данным кандидатом на роль его КА.

Покажем на последнем из приведенных примеров, как осуществляется поиск КА. Не обнаружив в контексте справа цай ни придаточного предложения, ни какого бы то ни было обстоятельства, переходим к анализу правого контекста. Здесь мы находим количественную группу ицзянь фанцзянь "одна комната", которую можно считать весьма вероятным кандидатом на роль КА цай ("мало"), при этом составляющая тамэнь цзяли "у них дома", в принципе способная быть несущей для КА цай ("именно"), не выдерживает конкуренции с ицзянь фанцзянь, так как в отличие от последнего не дает возможности построить каноническую (шкалярную) семантическую конструкцию, которой, по рассматриваемым правилам, при прочих равных условиях отдается предпочтение перед неканонической (нешкалярной).

Интересно, что поиск КА изучаемой лексической единицы не может быть отделен от определения того, какое семантическое воздействие она оказывает на смысл высказывания в анализируемом примере. Ведь невозможность подобрать в поверхностном контексте такой КА, который подходил бы для построения семантической конструкции, содержащей шкалируемую величину, приводит к тому, что результирующее смысловое воздействие интерпретируется как выделение данного предмета из числа других, возможных

на его месте. Ср.: Та цай ши во маймай "Это она моя сестра (а не...)"

В заключение рассмотрим пример, который вне контекста и устного произнесения, фиксирующего интонацией одно определенное осмысление, в принципе допускает две альтернативные интерпретации: Лао Чжоу цзю цзянла бань сяоши "Один Лао Чжоу говорил полчаса" ("Лао Чжоу не был единственным выступающим (и поэтому другие не успели выступить)"); "Лао Чжоу говорил только полчаса" ("Лао Чжоу говорил не более получаса"). При первом КА в этом предложении цзю располагается слева, а при втором – справа от цзю.

Коммуникативная функция изучаемых единиц сводится к выделению семантического центра предикации и заданию семантической конструкции некоторого специального вида (видов конструкций столько же, сколько разных типов семантического воздействия). Виды конструкций различаются для разных лексических единиц этого класса, при этом одной и той же единице может отвечать несколько разных видов конструкций, соответственно позиции КА относительно этой единицы.

Разумеется, каждому из выделенных видов можно сопоставить достаточно большое число "разновидностей", однако разница между этими последними определяется целиком конкретным лексическим составом соответствующего предложения.

Отметим, что изучаемые нами единицы являются ярким примером естественно-языкового феномена, описание которого не укладывается в рамки классического семантического анализа, но требует привлечения более мощных средств типа тех, которые связывают с разработками в области так называемой процедурной семантики.

Н.В.Солнцева (Москва)

СООТНОШЕНИЕ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СВЯЗИ
С ПРОБЛЕМОЙ СУБСТАНТИВАЦИИ (В КИТАЙСКОМ И ЯЗЫКАХ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ)

Давно уже признано, что в китайском языке (КЯ) и других изолирующих языках Дальнего Востока (ДВ) и Юго-Восточной Азии (ЮВА) имеются части речи (классы слов), что разные части речи характеризуются преимущественным употреблением в роли определенных членов предложения. В китайском языкознании это

отражено в таких терминах, как бэнь син "основная принадлежность" и хо ин "свободное употребление". Повидимому, такое понимание частей речи возводится к идеям Г. фон Габеленца об основном и неосновном значениях слов (как представителей классов). Такое представление о свойствах частей речи отчасти отражено в работах А.А. Драгунова по китайскому языку и Ле Ван Ли по вьетнамскому языку. В теории частей речи А.А. Драгунова "различная способность определенных разрядов слов выступать в роли того или иного члена предложения" (1952) используется в качестве одного из критериев для выделения частей речи. Поскольку не всякая часть речи может свободно употребляться в любой синтаксической функции, в языках объективно существует потребность изменения функциональных свойств слов, придания словам определенного класса свойств иного класса. Процессы, которые разрушают старые свойства и создают новые, получили названия вербализации, субстантивации, адъективизации и т.п.

Действие этих процессов в языках и сама необходимость в них служат подтверждением того факта, что в языках имеется деление слов на классы, обладающие определенными общеграмматическими, в том числе функциональными свойствами. Анализ этих процессов и способов субстантивации и вербализации способствует дальнейшему углублению наших знаний о соотношении членов предложения и частей речи во всех языках вообще и в изолирующих языках в частности. Во всяком случае эти процессы убедительно свидетельствуют, что между членами предложения и частями речи нет однозначного соответствия в любом языке.

Изолирующие языки КВА и ДВ можно считать языками вербальными, поскольку преимущественное развитие форм слов в этих языках отмечено у глаголов. Вместе с тем в этих языках большее развитие получили процессы субстантивации. КЯ, как и другие языки ДВ и КВА обладает целым набором средств субстантивации, которые в равной мере служат целям подравнивания свойств именных слов к свойствам именных слов.

Субстантивация может быть парадигматической (постоянной) и синтагматической (временной). Субстантивирующие средства могут обслуживать как синтагматику, так и парадигматику. В большинстве случаев эти средства распределены между двумя данными сферами, однако, в некоторых языках наблюдается равное

использование одних и тех же средств в двух целях (ср., в частности, употребление субстантиватора ды в КЯ). Субстантивирующие средства могут обладать разным потенциалом употребления.

В качестве парадигматических субстантиваторов в изолирующих языках выступают классификаторы, словообразовательные аффиксы, служебные элементы генетивного типа и показатели генетива, напоминающие падежные показатели (в языке таойх). Во ВЯ парадигматическими субстантиваторами являются словообразовательные элементы, а также классификаторы. Классификаторы обладают наибольшим потенциалом субстантивации, поскольку с их помощью могут образовываться просубстантивы практически от слов всех основных частей речи. В языке таойх таким потенциалом обладает показатель генетива. В КЯ субстантивная функция в равной мере обслуживается словообразовательными аффиксами, классификаторами и служебным элементом ды.

Следует иметь в виду, что субстантивация в изолирующих языках не только служит для "перевода" слова одного класса в другой, но и используется для образования особых предметных форм у слов в рамках одной категории. Так, у числительных и указательных местоимений с помощью субстантиваторов образуются особые предметные формы, которые способны реализовать свои предметные функции наиболее полно. В отличие от предметных форм на употребление непредметных форм тех же местоимений и числительных наложены определенные ограничения. Известно, например, что числительные непредметной формы могут реализовать свои функции подлежащего и дополнения только при арифметическом счете, причем только в значении числа. В остальных случаях для обозначения предмета и числа используется лишь предметная форма. (Ср. рус. дай мне два). Что касается непредметной формы указательного местоимения, например, в КЯ, то она не употребляется в роли послеглагольного дополнения.

Субстантиваторы используются в изолирующих языках также для образования предметной формы у вопросительных местоимений. О различии предметной и непредметной форм вопросительных местоимений можно говорить, например, применительно к ВЯ, а также к языкам мьянг и лаха. Предметные формы вопросительных местоимений отмечены также в среднекитайском языке. Сравните, в частности, формы шэммэ "что?" и шэммер "что?", а также шуй "кто?" и ашуй "кто?". В роли субстантиваторов в КЯ выступают

аффиксы, тогда как в ВЯ, мюнт и лаха — классификаторы.

Субстантиваторы, которые образуют особые предметные (субстантивные) формы слов в изолирующих языках, повидимому, можно считать некоторыми маркерами синтаксических функций, собственных именам. В изолирующих языках, где у слов вообще отсутствует какое-либо указание на их грамматические связи, в принципе, возможны слова, наделенные просубстантивными маркерами, с помощью которых эти слова манифестируют все свои возможные функции (но не одну определенную!).

М. В. Софронов (Москва)

СМЫСЛ И РИТМ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантические основы сочетания слов в языке достаточно глубоко исследованы в современном языкознании. Менее исследованными оказались другие его аспекты, среди которых важное место занимает ритмический. Наиболее типичная ритмическая структура состоит в том, чтобы число слогов в сочетании слов соответствовало определенному ритмическому размеру. В большинстве языков ритмические правила сочетания слов встречаются прежде всего в сфере поэтической функции языка. В китайском языке (КЯ) по ритмическим правилам сочетаются морфемы и слова. В устной непринужденной речи ритмические правила сочетания слов выдерживаются не всегда, но на письме и особенно при образовании устойчивых сочетаний они выполняются достаточно строго.

Основной ритмической единицей китайской речи является слоговая морфема. Но самостоятельно в качестве односоставного предложения слоговые морфемы современного китайского языка (КЯ) могут выступать лишь в специальном контексте. Для образования минимальной синтаксически стабильной единицы языка, которая может быть предложением — составным или двусоставным, — необходимо сочетание двух или более морфем. Эти парные сочетания Е. Д. Поливанов называл инкорпорациями, А. А. Драгунов — биномами.

Пара слоговых морфем, образующих бином современного КЯ связана между собой тремя видами отношений. Семантические отношения внутри бинома формируют его как лингвистическую единицу, значение которой прямо или косвенно выводится из значения ее составных частей. Грамматические отношения между составными частями бинома обозначают способ их взаимодействия:

одна и та же пара морфем, связанная разными грамматическими отношениями, образует биномы с различным значением. Просодические отношения морфем, входящих в состав бинома, образуют его фонетическое единство. Оно проявляется в закономерном чередовании их тонов, в результате которого тоны слоговых морфем в составе бинома отличаются от тонов тех же морфем, произнесенных изолированно. Таким образом, бином – это лингвистическая единица, которая характеризуется семантическим, синтаксическим и просодическим единством.

Бином образуется также в результате сочетания знаменательной морфемы со служебной. В этом случае знаменательное значение одной морфемы взаимодействует с служебным значением другой. В таком биноме образуется грамматическая форма знаменательной морфемы. Порядок морфем в составе бинома зависит от правил морфосинтактики современного КЯ. В основном грамматические формы образуются с помощью суффиксации служебных морфем, но возможна также и префиксация. Образование бинома из чисто знаменательной морфемы и знаменательной морфемы в служебном употреблении происходит по правилам образования биномов из двух знаменательных морфем.

Биномы представляют собой минимальные синтаксические единицы КЯ. На глубинном уровне биномам соответствуют члены актантной ситуации или сами ситуации. Биномы могут передавать актантные отношения субъект–предикат и предикат – объект, сирконстантные отношения предикат–сирконстант, а также синтаксическое отношение определение–определяемое. Синтаксические связи между единицами глубинно–семантического уровня реализуются в поверхностной структуре бинома с помощью грамматически релевантного порядка слоговых морфем. Количество возможных связей на глубинном уровне больше, чем можно выразить с помощью порядка этих морфем, поэтому порядок морфем в биномах многозначен: с помощью одного и того же порядка морфем в биноме выражается, как правило, не одно, а несколько грамматических отношений. Поэтому для декодирования грамматического отношения между членами бинома обычно требуются дополнительные сведения о значении его составных частей и о его синтаксических свойствах.

На уровне поверхностной синтаксической структуры биномы выступают в функции слов или словосочетаний. Биномы–слова не-

делимы, биномы-словосочетания легко делятся служебными или знаменательными морфемами. В свою очередь принадлежность бинома к слову или словосочетанию зависит не только от морфологического признака делимости, но также и от его функции в предложении. От этого может зависеть также и значение грамматической связи между членами бинома.

Биномы современного КЯ способны к расширению. Расширенным называется бином, один или оба члена которого представлен не одной слоговой морфемой, а биномом. Непосредственные составляющие расширенных трехсложных биномов могут располагаться в последовательности 2+1 или 1+2, последовательность 1+1+1 невозможна. Непосредственные составляющие четырехсложных биномов могут располагаться в последовательности 2+2, 3+1, 1+3, из которых основным типом является 2+2. Расширенные биномы представляют собой смысловое и просодическое единство. Последнее проявляется в специальном чередовании тонов слоговых морфем, входящих в расширенный бином. Трехсложные биномы характеризуются преимущественно подчинительной связью "определение-определяемое" или "глагол-объект". Определительная связь встречается преимущественно в биномах 2+1: дуньусэ "зоология", бяньчжэн-фа "диалектический метод". Глагольно-объектная связь - в биномах 1+2: май дунси "покупать вещи"; се ваньчжан "писать статьи".

Трехсложные и четырехсложные биномы современного КЯ способны к сжатию до состава бинома. Чаще всего сжимаются трехсложные биномы. Так, да сюэсяо "высшая школа" - дасяо "университет", дохуашэн - хуашэн "арахис" и т.п. Некоторые биномы колеблются между трехсложным и двусложным составом: вайгопй - вайпй "иностранный язык". Четырехсложные биномы также могут быть сжаты до двуслога: дасао цзедао "подметать проезжую часть" - сао цзе - "мести улицу". Сжатие трехсложных и четырехсложных биномов широко используется в современной общественно-политической, научно-технической терминологии. В результате сжатия громоздкие термины преобразуются в удобные для произношения и подчиняющиеся ритму речи современного КЯ биномы двусложного, трехсложного и четырехсложного состава.

Ритмические правила образования сложных биномов состоят в том, что их первый член требует определенной количественной характеристики другого. Если первый член бинома односложен, он может сочетаться как с односложной морфемой, так и с биномом, в результате чего образуется двусложный или трехсложный бином.

Если первый член бинома двусложен, то требование двусложности его второго члена зависит от синтаксической связи между ними.

Ритмические тенденции современного КЯ проявляются в группировке слоговых морфем в двусложную стопу, элементарную структурную единицу ритма. Сочетание двух грамматически связанных биномов в просодическом отношении представляет собой сочетание двух стоп – метр речевого ритма. Трехсложные биномы 1+2 и 2+1 представляют собой усеченный метр. В прозе в качестве основных ритмических единиц выступает двусложная стопа – бином. Четырехсложный бином образует полный; трехсложный бином – усеченный. В поэзии группировка речевых стоп и метров создает все размеры китайского традиционного стиха: четырехсложный – менометр, пятисложный – стопа и усеченный метр, семисложный – диметр, состоящий из одного полного и одного усеченного метра.

Тань Аошун (Москва)

ПРИРОДА МОРФЕМЫ *le* КАК ГРАММАТИЧЕСКОГО ПОКАЗАТЕЛЯ

(к проблеме семиотики китайского языка)

В грамматиках и учебниках китайского языка (КЯ) обычно различаются две формы морфемы *le*: 1) суф. *le* – показатель вида (Люй Шусян 1980, Ван Ли 1954, Н.В. Солнцева, 1963) или видо-временного значения (с преимуществом времени над видом, А.А. Драгунов 1952, С.Е. Яхонтов 1957, либо с превалирующим видовым значением – Н.Н. Коротков 1968) и 2) *le* – фразовая модальная частица со значением уже происходящего или скорого изменения ситуации (Люй Шусян 1980). Морфема *le* рассматривается нами в данном случае безотносительно ее употреблений как суффикса или фразовой частицы, поскольку за ними признается некоторое общее значение.

Морфема *le* функционирует как грамматический маркер перехода в новое состояние. Это представление связано с логикой взаимодействия изменения и состояния, где изменение точно.

В КЯ грамматическая система видо-временных форм отсутствует и на уровне лексем (в отличие от русского языка), и на синтаксическом уровне (в отличие от английского языка). Поэтому при выражении аспектуально-темпоральной категории доминирующее значение имеет семантика глагола и ее взаимодействие со служебными морфемами. Выделение семантических классов производится по ряду признаков, среди которых признак предельности, характеризующий способ действия (СД), непосредственно связан

с аспектуальной семантикой. Поскольку для КЯ этот признак в полной мере может быть применен только на синтаксическом уровне, на лексическом уровне мы будем считать его ингерентным. К ингерентно предельным относятся действия, которые: а) не обладают протяженностью во времени (*si* "умереть", *zou*₂ "уходить"); б) воспринимаются как точечные или как минимальный акт (*tiao* "прыгнуть" *dao* "падать"); в) могут рассматриваться как достигнувшие результата (*jin qu* "войти", *dedao* "получить"). Эти виды действий противопоставляются действиям, которые, обладая протяженностью или внутренней перспективой, воспринимаются как процесс (*zou*₁ "ходить", *tan* "разговаривать", *shuijiao* "спать"). Глагольные денотаты, которые обладают свойством статичности и не изменяются во времени, воспринимаются как состояния (*dong* "понимать", *bing* "болеть", *xing* "бодрствовать"). Глаголы последних двух типов можно характеризовать как ингерентно неопределенные. Глаголы *mai* "купить/покупать", *chang* "петь/спеть" и *xie* "писать/написать" в зависимости от их употребления в речи могут интерпретироваться либо как обозначающие процесс, либо событие. В первом случае можно говорить о направленности на достижение предела, во втором – о его достижении (Тань Аошун, 1987).

Показателем аспектуального или временного значения будем называть такой знак, который способен сигнализировать о времени сообщаемой ситуации относительно момента речи или другой точки отсчета времени (темпоральное значение) и о продолжительности или завершенности сообщаемой ситуации относительно других ситуаций (аспектуальное значение).

Известно, что аспектуально-темпоральные значения типа локализованность/нелокализованность действия во времени, перфектность, значения объективной и субъективной модальности содержат такие характеристики речи, как ситуативная актуализированность или неактуализированность (А.В.Бондарко, 1984). Для КЯ неактуализированность может ослаблять необходимость оформления глагола показателем *le*, поскольку здесь не участвуют такие факторы, как время произнесения речи говорящим, знание говорящего об адресате и его личная заинтересованность в происходящем. Ниже функционирование *le* как грамматического показателя будет рассматриваться исключительно в ситуативно актуализированной речи.

Признак предельности глагола мы рассматриваем не только в

плане осмысления данного СД, как имеющего предел. В нем можно усмотреть потенциальное значение аспектуальности (событие/процесс, процесс/состояние и т.д.), реализуемое на синтаксическом уровне. При этом глагол либо сохраняет свое исходное значение, либо приобретает новое. Последнее обычно происходит только с глаголами, определяемыми нами как ингерентно неопределенные.

Для определения функции *le* как показателя определенного аспектуально-темпорального значения необходимо моделировать условия порождения предиката, содержащего *le* в анализируемом тексте. Помимо ингерентного глагольного признака предельности (ПП), существенными для порождения предиката с *le* являются признаки статичности (ПС), локализованности (ПЛ) действия во времени, итеративности (ПИ), делимитативности (ПД), а также дейкситическое время, выражающееся в представлениях о времени речи, времени события, точке отсчета времени и времени говорящего (H.Reichenbach, 1947).

1. *le* передает значение прош. времени при выражении конкретно-фактического значения - П (+)ПП (-)ПС (+)ПЛ (-)ПИ: Та wu dian zou (*le*) "Он уедет (уехал) в пять часов"; 2) (+)ПП (-)ПС (+)ПЛ (-)ПИ (+)ПД: Wo chang (*le*)chang "Я попробую (попробовал)"; Wo men tan (*le*) yihuir "Мы немного поговорим (поговорили)".

2. *le* передает значение аспектуальности и выступает как ограничитель неопределенного действия - (-)ПП (+)ПС (+)ПЛ (-)ПИ: Ni gen wo jieshi wo jiu (*cai*) dong (*le*) "Я пойму (понял только) после твоих объяснений". Ср. Ni bu yong jieshi, wo dong "Не нужно объяснений, я понимаю".

3. *le* передает аспектуально-временное значение, выступая как ограничитель неопределенного СД: 1) при выражении начинательного СД - (-)ПП (+)ПЛ (-)ПИ (-)ПС: Xiao Wang zai ku (*ku le*) "Сяо Ван плачет (расплакался)"; 2) при выражении одноактного (семельфактивного) СД - (-)ПП (+)ПЛ (-)ПИ (-)ПС: - Xiao Wang jiao *le* qilai "Сяо Ван закричал"; 3) при выражении значения факта осуществления действия, не локализованного во времени - (+)ПП (-)ПЛ (-)ПИ (-)ПС: Wo mei mai (*mai le*) na ben shu "Я не купил (купил) эту книгу; Wo xiaowu mei shuijiao (*shui le jiao*) "Я не спал (спал) после обеда".

Значения признаков показывают, что функция *le* действительно может быть соотнесена с функцией грамматического показателя аспектуально-временной категории. Однако можно привести приме-

140

ры, ставящие под сомнение подобную точку зрения: *Ta wu dian yao zou le* "Он уедет в пять часов"; *Ta yao ku le* "Он заплачет"; *Ta bu zou le* "Он передумал, он не поедет"; *Ta bu ku le* "Он перестал плакать"; *Ni bie zou le* "Лучше останься"; *Ni bie ku le* "Перестань плакать".

В приведенных парах, за исключением одной, мы имеем дело с ирреальной ситуацией. Тем не менее, во всех них присутствует показатель *le*. Стало быть, трактовка *le* как актуализатора темпорального значения не покрывает все его употребления. Аналогичная ситуация возникает и при трактовке *le* как актуализатора аспектуально-временного значения. Однако во всех указанных высказываниях можно усмотреть общее свойство *le* — быть носителем признака реализации ситуации или свойства, обозначенных предикатом. Если предложения, содержащие *le*, не маркированы показателями нефактивности *yao*, *xiang*, *kuai*, *jiu* указаниями условий или побудительными формами, они всегда воспринимаются как фактивные. Такая трактовка позволяет объяснить и появление этого показателя при предикатах, выраженных другими частями речи: *Tian hei le* "Стемнело"; *Pingguo hong le* "Яблоки покраснели"; *Deng bu liang le* "Лампа перестала гореть"; *Suan - le* "В расчете (бог с ним)"; *Gou le* "Хватит"; *Ni nianqing le* "Ты помолодел".

Показатель *le* выступает как модальный оператор оценки. Это выражается в его способности самостоятельно или вместе с другими частицами сигнализировать наступление отклонения обозначенной предикатом ситуации (свойства) от нормы или соответствия норме, устанавливаемого говорящим в момент речи: *Ta zai Beijing zhu le liang nian le* "Он уже два года живет в Пекине" (оценка два года как "долго"); *Wo ba dian jiu dao le* "Я пришел уже в восемь" (оценка восьми часов как "рано"), *Bu hao le* "Дело плохо", *Tai duo le* "Слишком много".

Конкретное значение *le* как сигнала перехода в новое состояние зависит от двух переменных: *P* (пропозиция, обозначающая некую ситуацию) и состояние этого *P*, выраженное в виде "*P*" или "*не P*". Вторая переменная характеризует знание слушателя с точки зрения говорящего в момент речи. Переход в новое состояние имеет направление и *не P* → *P* и *P* → *не P*. Такое уточнение значения и функции *le* позволяет говорить о нем как 1) об актуализаторе аспектуально-темпорального значения, 2) о маркере изменения намерения субъекта действия реализовать обозначенную

предикатом ситуацию или изменения состояния субъекта (при наличии отрицания), 3) об индикаторе приобретения субъектом нового свойства, 4) о модальном операторе каузации (в предложениях с универсально-коммуникативной категорией "отговаривание"; 5) о модальном операторе оценки. Употребление *le* не связано непосредственно с выражением определенной грамматической категории, а отражает картину мира носителя КЯ, где реализация обозначенной предикатом ситуации (свойства) *yi ran* "уже" противопоставляется ее не-реализации *wei ran* "еще не" безотносительно степени реализации, сведения о которой заключены в семантике предиката. При этом применение *le* отражает прагматический фактор знания слушателя. Употребление *le* является обязательным в тех случаях, когда говорящий предполагает противопоставление другому члену минимальной пары. Широкая сфера функционирования показателя *le*, способного совмещать множество значений, которые в других языках передаются разными средствами: префиксами (приставками), суффиксальным видо-временным оформлением, наречиями, дополнительными глаголами и т.д., отражает специфику китайского языкового строя - стремление к максимальному снятию избыточности.

В.А.Хабибулин (Владивосток)

ВЫРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Важность сопоставительно-типологического исследования разносистемных языков определяется практическим значением его результатов для тех, кто по роду своей деятельности связан с переработкой информации на разных языках. Исследование английского (АЯ) и китайского языков (КЯ) путем сопоставления явлений одного языка с фактами другого существенно для развития языковедческой науки проявлением общего и специфического в изучаемых языках.

Язык является средством передачи информации. Говорящий передает информацию в грамматически правильной форме. Грамматическая правильность может быть обеспечена различными средствами, в том числе морфологическими и синтаксическими, с помощью которых устанавливаются отношения между словами.

В простом предложении АЯ и КЯ существует постоянный порядок слов, наряду с которым возможны некоторые регулярные отклонения: слово в одной и той же грамматической позиции в зависи-

мости от коммуникативной задачи занимает разное место в предложении. Порядок "подлежащее - сказуемое - дополнение" является в них основным грамматическим порядком. Он характеризуется тем, что подлежащее предшествует сказуемому, а дополнение ставится после сказуемого. Данный порядок применяется в повествовательном предложении, где исходной точкой коммуникации является предмет, известный по предшествующему контексту, и отличающихся от него по цели высказывания (вопрос, восклицание, повеление) предложениях.

Подлежащее и сказуемое - основные структурные элементы предложения. Их присутствие в предложении может быть явным или неявным. В особых языковых условиях один из этих элементов может опускаться. Опущенный элемент восполняется наличием соответствующего контекста. Дополнение является второстепенным членом предложения, употребление которого зависит от характера и способа выражения предикации. Ср., например: *They did not succeed; good will prevailed.* - Тамэнь мэю чэнгун, шаньи шэн-лида; *You mistake me.* - Ни цоэнь во ла.

Порядок "сказуемое - подлежащее" - в АЯ форме "there - сказуемое - подлежащее - обстоятельство места", в КЯ в форме "обстоятельство места - сказуемое - подлежащее" - является альтернативой основному грамматическому порядку. Данный порядок, при котором подлежащее ставится после сказуемого, применяется в предложении наличия, где исходной точкой коммуникации является место бытия предмета, в АЯ - абстрактное, в КЯ - конкретное, а подлежащее отступает на второй план и ставится после сказуемого, всегда выраженного непереходным глаголом. Ср., например: *There died another man in the village.* - Цуньцзы ли ю сыла гэ-жэнь.

Противопоставление порядка главных членов предложения: "подлежащее - сказуемое" и "сказуемое - подлежащее" связано с глубокими типологическими характеристиками языка, и в этом смысле позиция подлежащего и сказуемого в английском и китайском предложениях, отличающихся по цели высказывания, также существенна.

Порядок членов предложения зависит от грамматических связей слов в предложении и логических связей между ними, проявляющихся в форме актуального членения предложения. В зависимости от коммуникативной задачи, которую ставит перед собой говорящий, члены одного и того же предложения располагаются в разной после-

довательности, что обуславливает соответствующее значение предложения.

Изменение порядка слов в предложении в соответствии с коммуникативной задачей не изменяет синтаксические связи между словами в предложении. Для выражения синтаксических связей между словами в предложении в условиях измененного порядка слов применяются либо грамматические формы, либо такие просодические средства как пауза и интонация, с помощью которых можно выделить грамматические связи.

Инверсия выступает в двух формах: частичной и полной. Частичная инверсия заключается в изменении положения вспомогательного глагола (например, при выражении вопроса в АЯ), при этом грамматический порядок членов предложения не изменяется. При полной инверсии изменяется грамматический порядок членов предложения.

Инверсия выступает также в двух функциях: синтаксической и эмотивной. При синтаксической инверсии, обусловленной выражением объективного отношения к действительности речевого общения, в языке с постоянным порядком слов изменяется грамматический порядок членов предложения, и при этом образуется другое предложение, отличающееся по цели высказывания. При эмотивной инверсии, обусловленной выражением субъективного отношения к действительности речевого общения, грамматический порядок членов предложения тоже изменяется, но это не ведет к образованию нового вида предложения по цели высказывания.

Установление критерия функции инверсии в такой форме обусловлено тем, что вопросительное, восклицательное, повелительное предложение отличается от повествовательного показателем вопроса, восклицания, повеления.

В современных АЯ и КЯ полная синтаксическая инверсия основного грамматического порядка имеет место в предложении наличия, и заключается она в изменении грамматического порядка главных членов предложения от последовательности "подлежащее — сказуемое" к последовательности "сказуемое—подлежащее". В АЯ частичная инверсия имеет место в вопросительном, восклицательном, повелительном предложениях; в КЯ вспомогательные глаголы отсутствуют, и может существовать только полная инверсия. Эмотивная инверсия в АЯ и КЯ обуславливается актуальной коммуникативной задачей сообщения и осуществляется в соответствии с грамматическими особенностями каждого языка и факторами куль-

туры, в которой осуществляется функционирование и развитие языка.

Здесь уместно отметить, что АЯ и КЯ относятся к разным языковым семьям. В древнем АЯ существовало словоизменение, связи между словами можно было выражать изменением их формы, существовали синтаксические служебные морфемы, отношения между словами выражались не полностью, а соответствующим порядком слов. Подлежащее употреблялось в именительном, дополнение – винительном, дательном падеже, использовался родительный падеж. Существовали разные формы слова, подлежащее и дополнение могли занимать любое место в предложении. Имя существительное утратило винительный, дательный падежи. Существующие именительный и объектный падежи неформально не тождественны. Утрата английских падежей обусловила грамматическую значимость порядка слов в предложении. Современный АЯ развивается из флективного в аналитический. Современный КЯ является классическим примером аналитических языков, в древнем КЯ существовало формоизменение языковых единиц.

В современном КЯ, а также, как правило, в АЯ изменение отношений между предметами не сопровождается изменением формы слов, обозначающих эти предметы. Поэтому способом выражения синтаксических связей между словами в предложении в этих языках является порядок слов и синтаксические служебные морфемы, что обуславливает возможность сравнительного исследования данных языков.

А.А.Хаматова (Владивосток)

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЖЭНЬ СЮЭЛЯНА

Взгляды китайского лингвиста Жэнь Сюэляна на словообразовательную систему китайского языка (КЯ) изложены в его монографии "Ханьюй цзаоцифа" (Пекин, 1981). Эта работа является одним из трех монографических исследований по словообразованию КЯ, опубликованных за последние два десятилетия и свидетельствует о дальнейшем развитии словообразования как раздела китайского языкознания.

Жэнь Сюэлян называет две основные проблемы словообразования: 1) с помощью каких средств и 2) какими способами образуются новые слова.

Но прежде, чем решать эти проблемы Жэнь Сюэлян считает необходимым разграничить два китайских термина, обозначающих

словообразование: "гоуцзыфа", традиционно используемый в китайской лингвистике, и "цзаоцзыфа", используемый в работе Жэнь Сюэляна, а до него – в исследовании по китайской лексикологии Сунь Чансюя. Жэнь Сюэлян отмечает, что под термином "гоуцзыфа" подразумевается внутренняя структура слова, понятие же "цзаоцзыфа" более широкое, включающее не только структуру слова, но и способ его образования. Жэнь Сюэлян как и Сунь Чансюй признает, что словообразовательные средства и способ могут определить структуру слова, но структура слова не может полностью отразить способ словообразования, так как разными словообразовательными способами могут быть созданы слова с одинаковой структурой.

Описание словообразовательных средств и способов словообразования Жэнь Сюэлян предваряет определением слова и характеристикой структуры слова. Он считает, что слово является средством образования предложения, наименьшей единицей предложения. Такое определение, по его мнению, дает возможность отграничить слово от словосочетания.

Жэнь Сюэлян отмечает, что особенность словообразования китайского языка заключается в том, что слова в нем образуются из слов, создавая сложную структуру, поэтому не имеет смысла делить слова на односложные, двусложные и т.д. Он делит слова по структуре на четыре типа: 1) имеющие структуру слова (жэнь "человек", фэн "ветер", лаоху "тигр", чжичжу "паук"); 2) имеющие структуру словосочетания (телу "железная дорога", шуйту "климат", тяогао "прыжок в высоту"); 3) имеющие структуру предложения (синьтэн "болеть душой, не чаять души"); 4) имеющие комплексную (синтетическую) структуру (жэньцзаогэ "дермантин, искусственная кожа").

К словообразовательным средствам Жэнь Сюэлян относит слоги, морфологические показатели, слова и устаревшие слова. По мнению Жэнь Сюэляна, слоги, не выражающие значение, являются словообразовательным средством для слов типа чжичжу "паук". К морфологическим показателям он относит префиксы, суффиксы, инфиксы, редупликацию и фонетические изменения, к устаревшим словам – односложные слова древнекитайского языка (ДКЯ), которые в современном языке утратили синтаксическую самостоятельность.

В работе Жэнь Сюэлян выделяет пять основных способов словообразования: морфологический, синтаксический, стилистичес-

кий, фонетический, синтетический (комплексный).

К морфологическому способу им относятся такие конкретные способы как: аффиксация, редупликация, фонетические изменения и конверсия. Аффиксальное словообразование в свою очередь подразделяется на префиксальное, суффиксальное и инфиксальное, а также образование слов с помощью нескольких суффиксов и счетных слов.

Синтаксическим способом Жэнь Сюэлян называет образование новых слов путем сложения слов или устаревших слов по синтаксическим моделям. Отмечается им пять основных и пять дополнительных моделей; основные модели (субъектно-предикативная, глагольно-объектная, дополнительная, сочинительная и подчинительная) соответствуют по структуре частям предложения или предложению, дополнительные – особым синтаксическим конструкциям КЯ.

Под стилистическим словообразованием понимается образование новых слов с помощью стилистических приемов. В КЯ их восемь: сравнение, метафора; заимствование, метонимия; гипербола; почтительное обращение; уничижительное обращение, название; тактичное название; сопоставление, параллелизм; подражание, имитация.

Фонетическим Жэнь Сюэлян называет способ образования слов, различающихся звучанием. К словам, образованным этим способом, он относит три вида звукоподражаний.

Под синтетическим, или комплексным словообразованием Жэнь Сюэлян понимает образование слов двумя или более словообразовательными способами. Как и предыдущие способы, синтетическое словообразование подразделяется автором на несколько типов.

Главное достоинство классификации способов словообразования Жэнь Сюэляна заключается в том, что она показывает богатство словообразовательной системы китайского языка, ее сложность и многообразие. Однако не во всем с этой классификацией можно согласиться. Так, автор выносит за рамки способов словообразования аббревиацию, хотя и отмечает это явление в КЯ. Выделяя отдельно стилистическое словообразование, он включает в него такие слова как почтительное обращение, уничижительное название, тактичное обращение. Анализ приведенных примеров показывает, что часть лексики, образованной, с точки зрения

Жэнь Сюэляна, стилистическим способом, вообще является непроемной, а другая часть – образованной, например, путем словосложения. Метафора является одним из путей развития лексического значения слова, необязательно вызывающих распад слова на омонимы. Таким образом, выделяя стилистический способ словообразования в КЯ, необходимо ограничивать его от стилистических приемов и выразительных средств КЯ.

Жэнь Сюэлян не пользуется в своей работе понятием деривационного шага, что позволило ему необоснованно расширить понятие синтетического словообразования, на что справедливо указывает Чжан Шоукан (1983).

Вместе с тем следует отметить, что Жэнь Сюэлян предпринял попытку последовательно описать словообразовательную систему КЯ. Ему удалось показать, что, хотя словосложение и аффиксация являются основными способами словообразования в КЯ, другие способы также заслуживают пристального внимания и изучения.

Е.И.Шутова (Москва)

СООТНОШЕНИЕ ПРОСТОГО И СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Характер соотношения простого предложения (ПП) и сложного (СП) – одна из важных проблем системного синтаксиса. Адекватное освещение этого вопроса во многом зависит от самого понимания сущности СП как языковой категории.

В китайском языкознании представление о СП прошло непростой путь развития, в результате чего в работах последних лет нашло свое выражение довольно узкое понимание СП – как некоторого целого, состоящего из двух или более ПП, расположенных в определенной линейной последовательности, отделяемых друг от друга паузой и в случае необходимости соединяемых друг с другом посредством союза.

Это понимание структуры СП закрепило в китайском языкознании ту линию поиска в области разграничения ПП и СП, которая восходит к работе Люй Шусяна и Чжу Дэси (1952), поставивших под сомнение правомерность выделения сложных, включающих предложений (*baoyun fujì*), ранее установленных Ли Цзиньси (1920).

Представляется, что такое понимание СП затрудняет поиск путей адекватного освещения синтаксической системы КЯ в целом.

С нашей точки зрения, СП – это предложение определенного способа структурной организации, при котором одна или несколько его структурно-функциональных частей, или членов предложения (ЧП) выражаются предикативным сочетанием слов. В основе такого взгляда лежит теоретический постулат об изначальном единстве предложения, независимо от характера внутреннего строения его структурных сегментов (Е.И. Шутова, 1984). III и СП формируются на базе трех типов синтаксической связи – предикативной, подчинительной и сочинительной, а также того расчленения на типы и виды, которое они получают в определенном языке. Наше изучение китайского синтаксиса позволило определить следующую систему ЧП в КЯ:

Главными ЧП – подлежащее и сказуемое, – формирующиеся на базе предикативной связи и организующие (представляющие) основной состав предложения.

Второстепенные ЧП, формирующиеся на базе подчинительной связи и распространяющие основной состав предложения: 1) ЧП, относящиеся в предложении к слову как элементу класса слов (дополнение – приглагольный приаждективный или постпозитивный член предложения; определение – приименной препозитивный член предложения; приложение – приименной постпозитивный член предложения); 2) ЧП, относящийся в предложении к сказуемому как к члену предложения (обстоятельство, занимающее в структуре китайского предложения позицию перед сказуемым – бессвязочным или связочным); 3) детерминантные ЧП, поясняющие, распространяющие основной состав предложения (ситуативное обстоятельство – распространяющий основной состав препозитивный, паузально отчlenяемый ЧП; обособленное дополнение – распространяющий основной состав постпозитивный, паузально отчlenяемый ЧП).

Соотношение III и СП в КЯ определяют два основных фактора: изоморфизм принципов построения этих типов предложений, с одной стороны, а с другой – проявление тех или иных особенностей построения, характерных именно для СП, в отличие от III.

Специфика изоморфизма III и СП в КЯ состоит в способности предикативного сочетания слов входить в состав предложения на правах того или иного ЧП, не требуя при этом каких-либо преобразований ни со стороны формы соответствующего ЧП, ни со стороны внутреннего строения предикативного сочетания.

ЧП, выражаемые словом (словосочетанием) или предикативным сочетанием слов, получают общность формальной организации, что находит свое проявление в характере использования порядка слов и служебных слов, а также соотношения между ними. Например, характерной особенностью подлежащего как ЧП является отсутствие или возможность отсутствия в его составе таких служебных слов, как предлог. Эта формальная особенность присуща как подлежащему, выражаемому отдельным словом (словосочетанием), так и подлежащему, выражаемому предикативным сочетанием слов.

И простое, и сложное сказуемое может присоединяться к подлежащему либо непосредственно, либо посредством служебного слова *shi*.

В оформлении простых и сложных ЧП используется один и тот же набор служебных слов: атрибутивная частица *de*, глагольный суф. - *de*, союзы (в сфере сочинения), предлоги - союзы. Характерным проявлением (и следствием) изоморфизма принципов построения ШП и СП является слабая дифференцированность в КЯ подчинительных предлогов и союзов, частое совмещение в одном служебном слове предложной (обслуживание отдельного слова) и союзной функции (обслуживание предикативного сочетания слов). Ср., например: *Gongren yong zhangsheng zancheng tade yijian* "Рабочие аплодисментами одобрили его мнение"; *Bu, buneng yong jixing bu huo yuanliang ziji* "Нет, нельзя оправдывать себя тем, что память плохая".

При формировании простых и сложных ЧП служебные слова реализуют свойственную им грамматическую роль на фоне определенного словопорядка.

В основе построения ШП и СП лежит единая система синтаксических значений. Выступая в функции ЧП, предикативное сочетание слов воспроизводит закономерности функционирования определенных классов слов в роли тех или иных ЧП.

Одним из наиболее распространенных случаев является функциональная эквивалентность предикативных сочетаний слов и имени существительного. Воспроизводя функционирование имени, что может быть подтверждено соответствующими местоименными субституциями, предикативная конструкция может употребляться в функции подлежащего, дополнения, притяжательного определения, обозначая некоторый факт, явление, событие, играющее роль синтаксического "предмета".

Наблюдается также функциональная эквивалентность предикативных сочетаний слов и качественных наречий, а также другие случаи синтаксической эквивалентности простых и сложных ЧП.

Используя общий набор синтаксических средств, конкретные разновидности сложных предложений характеризуются определенной спецификой синтаксической организации. Наибольшее число грамматических черт, специфических именно для СП в отличие от ПП дают обстоятельственные СП (именно этот случай китайские ученые квалифицируют как СП).

В сфере выражения обстоятельственных отношений, наряду с использованием на фоне определенного словопорядка (препозиция зависимого компонента по отношению к главному) синтаксических средств, общих для ПП и СП (предлогов – союзов, послелогов) получают свое развитие и применение подчинительные союзы (*ruguo*, *yaoshi* "если, если бы"; *jiran* "поскольку, раз уже"; *suigan* "хотя, несмотря на" и др.) – сегментные синтаксические средства, предназначенные для введения в предложение в качестве его структурно-функциональных компонентов сочетаний слов предикативного характера.

При выражении обстоятельного компонента предикативным сочетанием слов происходит контаминация собственно обстоятельного и ситуативно-обстоятельного значений в сторону поглощения первого вторым, что получает определенное формальное проявление. Во-первых, в отдельном (манифестируемом посредством паузы), линейно-последовательном (от зависимого – обстоятельного – компонента к главному; в традиционных терминах: от придаточного предложения – к главному) расположении структурных компонентов СП. Во-вторых, в месте расположения союза в составе придаточного (обстоятельства). Союз занимает позицию или перед придаточным предложением как целым (влияние ситуативного обстоятельства), или перед сказуемым придаточного предложения (влияние собственно обстоятельства). Например: *Ru tamen yuanyi he wo tongxin, wo shi hen huanxi=de* "Если они хотят со мной переписываться, я буду очень рад" и: *Tamen ru yuanyi he wo tongxin, wo shi hen huanxi=de*. В-третьих, в СП обстоятельные отношения выступают как отношения между двумя событиями – сопутствующим и основным, в связи с чем приобретает значение характер представленности в обеих частях предложения субъекта процессуального признака. Наблюдаются два основных случая.

1. Соответствующие процессуальные признаки характеризуются разнособъектной направленностью, в связи с чем каждая из частей СП имеет свое подлежащее, представляемое эксплицитно или имплицитно.

2. Процессуальные признаки характеризуются односубъектной направленностью, в связи с чем СП имеет единое подлежащее, которое, как правило, представлено в зависимой части, открывая собой СП в целом.

А.А. Щукин (Владивосток)

СВЕРХФРАЗОВЫЕ СТРУКТУРЫ В КИТАЙСКОМ ТЕКСТЕ

В последние годы в КНР все большее развитие получает сравнительно новая область языкознания "лингвистика текста", для обозначения которой китайские филологи используют термины "хуаюй юйяньсюэ" (Ван Фусян), "вэньчжансюэ" (Чжан Шоукан) и "пяньчжансюэ" (Ляо Цюжун). Считая текст объектом своих исследований, сторонники этого направления зачастую по-разному определяют структурные и содержательные характеристики и само понятие "текст".

Понимание того, что предложение не может быть базовой единицей лингвистики текста, привело китайских лингвистов к попыткам проанализировать формальные и содержательные характеристики различных выделяемых в китайском тексте сверхфразовых единств -- "цзюйцунь", "цзюйцзу", "юйдуань", "дуаньло" и др. Каждой из этих единиц (за исключением имеющих разные обозначения, но тождественных по смыслу и содержанию) соответствует определенный уровень структурной организации текста. Наибольшее внимание синологов привлекает сверхфразовая единица "юйдуань", занимающая промежуточный (сверхфразовый) уровень в структуре текста, ее смысловые, синтаксические и другие характеристики. Отмечается, что она определенным образом соотносена с понятием "компонента текста", "сложного синтаксического целого" и других подобных сверхфразовых структур. "Юйдуань" рассматривается прежде всего как самостоятельная семантическая единица, способная трансформироваться в сложное предложение или в сложное синтаксическое единство. Сопоставление "юйдуань" и "дуаньло" (письменного абзаца) приводит к выводу о трехкомпонентности его структуры и позволяет выделить три части в раскрытии его "микротемы". В целом же исследования сверхфразовых структур в китайском тексте находятся еще на начальном уровне.

IV. ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

В.И.ГОРЕЛОВ (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Китайский язык (КЯ) как один из древнейших языков мира обладает богатейшим фразеологическим фондом (см. работы А.П.Рогачева, Э.И.Барановой, М.Т.Прядохина, И.В.Войцехович). Многие фразеологизмы, возникнув в глубокой древности, дошли до наших дней. Современный КЯ продолжает пополняться новыми фразеологизмами.

Фразеологизм (фразеологическая единица, фразеологический оборот) – это устойчивое словосочетание (иногда предложение), воспроизводимое в речи в готовом виде.

Рассматривая фразеологию как самостоятельную лингвистическую дисциплину, имеющую свой предмет, содержание и задачи, нужно прежде всего определить ее объем и границы. Это один из важных и трудных вопросов, так как фразеологизмы КЯ характеризуются генетическим, структурным, семантическим и функциональным разнообразием. В единицах китайской фразеологии причудливо и многообразно переплетаются и перекрещиваются различные свойства и особенности структурно-семантического и функционально-стилистического характера.

Чтобы показать богатство фразеологического фонда КЯ, разнообразие и самобытно-национальные особенности бытующих в нем фразеологических единиц, целесообразно предпринять описание всех основных видов фразеологических оборотов. К ним следует отнести: фразеологические выражения, фразеологические сочетания, чэньюй (идиомы), отточенные фразы (крылатые слова), поучительные речения (пословицы), привычные речения (ходячие фразы), особый вид народных речений (недоговорки-иносказания).

Не менее важный вопрос – о классификации китайских фразеологизмов. Понятие системности фразеологического фонда призвано показать наличие определенных, достаточно упорядоченных связей и отношений между фразеологизмами отдельных видов. Для уяснения особенностей китайских фразеологизмов целесообразно дать классификацию по происхождению (генети-

ческую), по строению (структурно-синтаксическую), по значению (лексико-семантическую) и, наконец, по употреблению (функционально-стилистическую).

Классификация фразеологизмов, которой придерживаются китайские филологи, в отдельных частях не совпадает с классификацией, характерной для русской филологической традиции. Так, например, такие фразеологизмы, как парадокс и оксиморон, они обычно относят к одному классу фразеологических единиц, называемому "цзю" ("странные суждения"). Это, видимо, объясняется тем, что парадокс и оксиморон в силу своих семантических особенностей относятся к одной и той же более общей стилистической категории так называемых алогизмов.

Описание отдельных видов фразеологических оборотов должно содержать сведения, касающиеся их лексико-семантических, структурно-синтаксических и функционально-стилистических свойств и особенностей.

С точки зрения генетических отношений, существующих между фразеологизмами отдельных видов, значительный интерес представляет такое явление, как превращение пословицы в чаньшуй. Вань Дуаньчжэн, автор монографии о пословицах КН, считает, что это довольно часто встречающееся явление.

Особо следует рассмотреть вопрос о фразеологизмах, традиционно именуемых "сехоушуй", по-русски обозначаемых термином "недоговорки-иносказания". Дело в том, что в последнее время китайские ученые в результате проведенных исследований фактического языкового материала коренным образом изменили ранее существовавший взгляд на структуру и функционально-стилистические особенности фразеологизмов этого класса. Традиционно считалось, что сехоушуй бытует в речи в двух формах — полной и усеченной. Однако Ли Даом не соглашается с мнением о том, что основная особенность народных речений этого вида заключается в их способности опускать постпозитивную часть.

В подтверждение своей точки зрения он приводит статистические данные, согласно которым, по меньшей мере 90% от общего числа почти десяти тыс. собранных им фразеологических единиц не допускают усечения концовки. Те фразеологизмы, которые допускают усечение концовки, представляют со-

бой лишь особый случай их речевого использования.

Шэнь Шуанси полагает, если сказана только препозитивная часть фразеологизма, а его постпозитивная часть опущена, то в этом случае фразеологическая единица не будет более представлять собой сехоуэй, а превратится в иную форму языкового выражения, станет либо чэньем (идиомой), либо яньем (пословицей).

Вэнь Дуаньчжэн полагает, что в сехоуэй концовка вообще не усекается и даже не может быть усечена; поэтому название "сехоуэй" (речение с усекаемой концовкой) не соответствует их сущности. Он предлагает фразеологизмы данного вида называть "яньчжун" (речение, содержащее вступление и его истолкование).

Результаты обстоятельных исследований, проведенных китайскими учеными, убеждают в необходимости изменить ранее существовавший взгляд на структурно-семантическую природу этих фразеологизмов. К категории народных речений, обозначаемых термином "яньчжун", надлежит, таким образом, отнести только двухкомпонентные фразеологические единицы, между частями которых существует соотношение вступления в форме иносказания и раскрытия этого иносказания.

В сфере китайской фразеологии можно также наблюдать такие явления, как синонимия и вариатность. В соответствии с добавочными значениями и функциональными особенностями фразеологические синонимы КИ можно подразделить на две разновидности: экспрессивно-стилистические и функционально-стилистические синонимы. Наличие большого числа фразеологических синонимов свидетельствует о богатстве КИ, жизненном опыте китайского народа.

В КИ существуют лексические варианты фразеологизмов, допускающие разного рода лексические замены компонентов, а также синтаксические варианты фразеологических единиц, для которых характерна модификация исходной синтаксической структуры. В отдельных, правда, немногочисленных случаях можно наблюдать также полный и усеченный варианты одного и того же фразеологизма.

Б.Ю.Городецкий (Москва)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СИНОНИМИИ

(на материале дунганского языка)

Методы семантики, лексикологии, лексикографии все более активно обретают экспериментальную ориентацию. Это означает, что к существовавшим ранее источникам эмпирических данных (тексты, имеющиеся словари и интроспекция) добавляется еще один – корпус экспериментальных результатов. Такой подход повышает эффективность и надежность лексикографической работы, а также обеспечивает сопоставимость семантических фактов при выходе на типологический уровень. Нами разработана система экспериментов, обеспечивающих получение необходимой информации для словаря с комплексным семантическим описанием слова. Принципы и методика исследований отрабатывались в ходе проведения Среднеазиатских лингвистических экспедиций филологического факультета МГУ (с участием студентов отделения структурной и прикладной лингвистики). Общая характеристика данной программы содержится в предыдущих публикациях автора, а также в работах Т.С.Зевахиной.

Экспериментальное изучение синонимии – часть цикла работ, нацеленных на полное выявление ядра семантической структуры языка через экономно организованные и достаточно эффективные эксперименты с участием носителей языка – информантов. Эти эксперименты пополняют корпус употреблений единиц в контексте и дают важный "отрицательный материал" (Л.В.Щерба). Обобщение полученных данных позволит получить полную картину синонимических отношений в дунганском языке (ДЯ). В настоящее время заполняется зона синонимов в комплексном дунганско-русском словаре, который готовится к печати совместно с Отделом дунгановедения АН КиргССР. Есть основания полагать, что применение методов экспериментальной полевой семантики уместно не только в случае малоописанного языка без длительной письменной традиции, но и в ходе лексикографических работ по развитым литературным языкам с многовековой письменной традицией. Тщательно подготовленные семантические эксперименты – это способ обследования компетенции в действии, способ экспликации современного языкового

чутья. По нашему убеждению, экспериментальный подход может в ограниченные сроки резко повысить качество, адекватность словарей типа тезауруса, специальных синонимических словарей и, что особенно важно, русско-национальных и русско-иностраных словарей. Кроме того, семантические механизмы лексической синонимии — необходимое дополнение к активной функциональной грамматике.

Синонимические корреляции понимаются нами как особый класс семантических корреляций между членами семантического поля. Этот тип отношений можно определить следующим образом. Два узуальных значения (разных лексем) m_1 и m_2 связаны корреляцией синонимического типа, если их семантическая близость такова, что взаимная замена этих значений в некотором множестве контекстов не приводит к существенному (с точки зрения говорящих) изменению смысла речевых произведений (при этом замена может сопровождаться грамматическими или второстепенными лексическими видоизменениями контекста). Как видим, в определении участвует фактор говорящих (носителей языка). Заметим также, что упомянутое множество может содержать любое количество контекстов: с одной стороны, в него может входить ровно один контекст, а могут входить все контексты рассматриваемых единиц (случай тотальной синонимичности). Вообще же говоря, число контекстов, поддерживающих синонимичность данных единиц (так же как и его процентное отношение к их полной дистрибуции), может быть очень разным. В зависимости от этого можно говорить о степени синонимичности. Но, что более важно, каждая конкретная синонимическая корреляция может быть охарактеризована и с качественной стороны: с учетом конкретного соотношения различающихся семантических компонентов рассматриваемых единиц. (Разумеется, мы допускаем и случаи, когда различающихся компонентов нет совсем, т.е. случаи полной, или точной, синонимичности). Таким образом, можно говорить о содержательных видах синонимических корреляций (принимая во внимание все словесные значения, в том числе и экспрессивный).

Для полевого исследования синонимии могут применяться разные типы экспериментов. Наиболее последовательно и полно нами была применена методика, перед которой ставилась следующая

чая задача: получить исчерпывающие данные о всех синонимах каждого слова в каждом значении, т.е. о субституции изучаемых единиц в различных контекстах. Проведенное экспериментальное исследование опиралось на полученный ранее в рамках нашей программы "Основной представительный корпус употреблений предикаторов" (глаголов и прилагательных) ДЯ. Этот массив предложений образован в результате проведения экспериментов по полисемии дунганской лексики и хранится в трех видах: в протоколах полевых экспериментов, в картотеке семантического словаря и (отчасти) на магнитных носителях в памяти компьютера. Этот массив является своего рода конкордансом, содержащим для каждого узусального значения типовые примеры его употребления. В 1980-1988 гг. было проведено экспериментальное изучение синонимии предикаторов и получен "Корпус экспериментальных данных по синонимам" ДЯ. Объектами лексикографического описания служили две тыс. наиболее употребительных предикаторов; в экспериментах в качестве исходного стимула для каждого предикатора бралось несколько ранее проверенных фраз (в среднем - 5); всего проведено, таким образом, более девяти тыс. микроэкспериментов, каждый из которых дал сведения о взаимозаменах в фиксированном контексте и их семантических особенностях. В проведении экспериментов приняли активное участие Т.В.Ивченко, Е.Г.Кильдева, И.А.Кулик, А.А.Сущон, Т.В.Уткина и другие участники экспедиций.

Благодаря проведенным экспериментам картотека дунганского семантического словаря содержит такие данные по синонимии, которые зачастую отсутствуют в имеющихся русско-дунганских словарях. Так, во фразе: Та П ба I хи I хуэ I ганхали III-III-I "Он совершил подлый (аморальный) поступок" прилагательное хи I может быть заменено ха I и малянли I-II-I (при каждом дунганском слове римскими цифрами указываются тоны его слогов, как это принято в дунганистике). Три указанных синонима характеризуются, соответственно, ассоциативными компонентами "черный", "плохой", "бессовестный". Другой пример: в сочетании зуэ II хаян I-I "левый берег реки" могут быть употреблены синонимы зуэбонди II-I-I (от слова бон I "сторона, бок") и зуэмярди II-I-I (от слова мян II "лицо, поверхность"). Подобная информация в имеющихся словарях отсутствует.

Методика проведения каждого микроэксперимента состоит в следующем. Перед началом работы с информантом исследователь отбирает из картотеки разнообразные характерные примеры на употребление изучаемого предикатора. Микроэксперимент начинается с того, что исследователь зачитывает информанту некоторую дунганскую фразу из числа отобранных примеров. Специальными пометами отмечается реакция информанта на эту фразу (степень ее одобрения). В любом случае далее задается вопрос: "Как можно сказать это же по-другому, используя не слово ... (называется предикатор, записанный на первой строке иллюстративной карточки), а какое-нибудь другое слово или выражение?" На обороте карточки записывается полученный синоним, а если при этом во фразе происходят некоторые грамматические или попутные лексические изменения, то этот факт отмечается на карточке специальными пометами, а полный вид модифицированной фразы заносится в протокол эксперимента. На обороте карточки может появляться также ряд других помет: указания на степень употребительности каждого синонима, отличительные семантические компоненты, которые обсуждаются вместе с информантом, и др. Если не обнаруживается никаких синонимов, то на обороте карточки пишется знак пустого множества.

Полученный "Корпус экспериментальных данных по синонимии" позволяет не только уверенно заполнять зону синонимов в готовящемся словаре, но и описывать семантические структурные закономерности, касающиеся отдельных групп слов и лексической системы ДД в целом. При этом исследование ведется с учетом таких аспектов, как степень синонимичности конкретных пар, взаимозависимость синонимии и дистрибуции (в частности, релевантный размер контекста), содержательные виды и разновидности синонимических корреляций, взаимоотношения синонимии и полисемии, индивидуальные различия информантов и уровень нормативной активности тех или иных корреляций. Особое внимание уделяется специфике синонимической системы именно ДД. В этом плане представляет интерес изучение соотношения (среди синонимов) однослогов и двуслогов, разных двуслогов между собой, однокоренных пар, глагольных и адъективных корней, грамматических форм синонимов.

Так, степень развитости полисемической структуры слова

прямо влияет на совокупное число его синонимических корреляций. В ДЯ это число достигает 30. Например, у слова чин I (прямое значение - "легкий") обнаружено 27 синонимов-коррелятов к различным его значениям. Приведем некоторые данные по синонимам глагола фе I в его разных значениях, задаваемых типовыми контекстами. Во фразе: Ва П фели I-I канхадн Ш-I-I дянйинзлы Ш-I-I-I "Я рассказал просмотренный фильм", кроме глагола фе I (с компонентом "говорить"), могут быть употреблены бё П (с компонентом "произносить") и бёфе П-I (с компонентом "объяснять"). В предложении: Кыге Ш-I жын I ги П ва П фели I-I тади П-I пёфанли I-I-I "Этот человек рассказал мне с своей печалью" возможна замена фе I на хэшуэ I-II (с компонентом "жаловаться"), а в контексте: Вава I-II ба I хуа Ш шүеди I-I феди I-I хо П "Ребенок слова научился говорить хорошо" синонимов обнаружить не удастся.

Характерным для дунганской синонимики явлением следует считать подкрепляющие ее морфо-семантические механизмы, основанные на моделях употребления так называемых глагольных модификаторов. В примере: Нн П ба I тугу I-II фанчү I-I! "Привяжи скотину!" можно осуществить замену глагола на бончү П-I (с компонентом "связывать") и на кучү Ш-I (с компонентом "зацеплять").

М.И.Задорожный (Фрунзе)

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Та или иная форма контактирования языков нашей многонациональной Родины неизбежно приводит к их взаимодействию и взаимообогащению. Объективно наибольшую роль в развитии языков народов СССР играет русский язык, который, по словам акад. В.В.Виноградова, стал неиссякаемым источником обогащения языков всех народов Советского Союза. Не составляет исключения в этом отношении и дунганский язык (ДЯ), впитавший в себя немало элементов, прежде всего лексических, из русского языка.

Наиболее оперативно любые изменения в жизни языка регистрируют средства массовой информации, в частности газета. В то же время, будучи массовым и общедоступным источником, газета, как и другие аналогичные средства, способствует распространению и закреплению инноваций в повседневной

речи носителей того или иного языка. Именно поэтому в качестве источника обследования функционирования русизмов в ДД и были избраны материалы межреспубликанской газеты "Шыңыради Чи" ("Знамя Октября").

Обследование носит предварительный характер. Поэтому для анализа было отобрано десять номеров (материал вполне достаточный для отработки техники исследования и формулирования предварительных выводов). Из этого материала путем сплошного расписывания были извлечены все встретившиеся лексические русизмы и проанализированы с учетом их конкретного функционирования в письменных (в частности, в газетных) текстах в количественном, структурно-классификационном, лексико-семантическом, стилистическом, морфологическом, морфемно-словообразовательном и синтаксическом плане, а также в других аспектах.

Анализ газетного материала, который был разбит на тысячи и сотни словоупотреблений (с учетом также количества текстов), показал, что нет такого текста на ДД, в котором не встретилось хотя бы одно лексическое заимствование из русского языка (или через русский язык).

Общая длина обследованных текстов составила 53 600 словоупотреблений (т.е. более пяти тыс. на каждый из десяти номеров – газета малоформатная), 3898 из них – это различные словоформы 361 русизма (разных лексических единиц, не считая имен собственных). Доля русизмов в дунганском газетном тексте составляет, следовательно, 0,073 (3898: 53 600), или не менее семи на каждые сто словоупотреблений. Иначе говоря, каждое 14-е словоупотребление в дунганском газетном тексте – русизм. При этом нередки случаи, когда насыщенность русизмами составляет 10 и более на каждые 100 словоупотреблений. 38 лексем из 361, встретившихся от 20 до 262 раз (Совет, колхоз, район, партия, съезд, гектар, комбайн, сенаж и др.), образуют зону высокочастотных слов: они составляют 2937, или три четверти (75,3%) всех употреблений русизмов.

Высокая частота употребления именно этих и подобных слов объясняется тем, что газета, материал которой обследовался, рассказывает в основном о советской колхозной деревне.

В обследованном материале зафиксированы следующие струк-

турные типы заимствований из русского языка или через русский язык: 1) явные лексические чистые заимствования (автобус, кружок, миномет, слет и др.); 2) явные лексические гибридные заимствования – лексические полукальки (соцшпинин "соцсоревнование", комсомол-чиннян "комсомольско-молодежный", щёнсовет "сельсовет", щёнпярхроника "фотохроника" и др.); 3) явные фразеологические чистые заимствования (Коммунист партия "Коммунистическая партия", СССРди Министру Совет "Совет Министров СССР" и др.); 4) явные фразеологические гибридные заимствования – фразеологические полукальки (Совет Лянбон "Советский Союз", Зуйго Совет "Верховный Совет", Кулён программа "Продовольственная программа" и др.); 5) скрытые лексические заимствования – лексические кальки (хафиджия "водолаз", вунянди "пятилетка" и др.); 6) скрытые фразеологические заимствования – фразеологические кальки (хун гэ-лор "красный угол", Ший,эди Чи "Знамя Октября", Гинбын Фалу "Основной закон" и др.); 7) лексические семантические кальки, расширение значений – тип скрытых, неявных заимствований (чонзы: 1) "площадка возле дома с хозяйственными постройками", 2) "площадь в селе, городе" в сочетании Хун чон-зы "Красная площадь", 3) "часть плоскости, ограниченная замкнутой кривой или ломаной линией" в сочетании санж,эзиди чонзы "площадь треугольника", 4) "специально оборудованный участок для определенной цели" в сочетании футболди чонзы "футбольное поле" и др.); 5) фразеологические семантические кальки – расширение значений исконных фразеологизмов под влиянием воздействующего языка (в принципе такой структурный тип заимствований вполне возможен, но в обследованном материале он не обнаружен).

Разнообразна тематическая принадлежность русизмов, которые представляют различные разряды лексики, в частности лексику, относящуюся к социально-экономической структуре общества, общественно-политическому устройству, административному управлению, общественным организациям, промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, средствам связи, радио и телевидению, печати, образованию, культуре, литературе, изобразительному искусству, музыке, здравоохранению, физической культуре и спорту, вооруженным силам, единицам измерения и др.

Наблюдения показывают, что ДЯ (как, впрочем, и другие языки) заимствует в основном имена существительные. При этом, став дунганским, русское слово теряет свои специфические (прежде всего грамматические и фонетические) признаки и становится опрощенным. Поэтому в ДЯ при образовании нового слова или формы слова к заимствованию добавляются соответствующие словообразовательные и словоизменительные элементы как к целому слову, а не как к основе (партияди "партийный", правлениешон "в правлении" и др.).

Русские слова заимствуются, как правило, в одном, а именно в основном значении. Некоторые слова употребляются в двух и более значениях. Так, слово комсомол выступает в трех значениях: 1) "комсомол", 2) "комсомольский", 3) "комсомолец". Следует отметить при этом, что формально существительные и прилагательные в ДЯ различаются не всегда, что вызывает определенные затруднения в отнесении словоформы к той иной части речи, а следовательно, и в ее дефиниционной атрибуции. Не всегда в данном случае помогает и контекст.

В обследованном материале русизмы не образуют собственных синонимических рядов, хотя, будучи освоенными ДЯ, вступают в синонимические отношения с исконными словами (завод//гунчон; автор// жузуэя и др.). Русизмы-омонимы и антонимы, в том числе и к исконным словам, в обследованном материале не обнаружены. Отсутствие омонимов объясняется, по-видимому, тем, что в ДЯ и своих омонимов предостаточно. Поэтому здесь на пути заимствования омонимов ставится (сознательно или бессознательно) заслон. Отсутствие же антонимов обусловлено, вероятно, категориально-семантическими и стилистическими особенностями заимствуемой лексики: в основном это субстантивная конкретная или абстрактная специальная – как правило, общественно-политическая и официально-деловая лексика.

В функционально-генетическом плане русизмы в ДЯ с точки зрения самого русского языка распадаются на четыре группы: 1) интернациональная собственно русская лексика, 2) интернациональная заимствованная лексика, 3) неинтернациональная собственно русская лексика и 4) неинтернациональная заимствованная лексика. Интернационализмы составляют три четверти всех выявленных заимствований, а именно: 270 слов из 361, причем около 20 слов из них – это советизмы, являющиеся частью собственно русской лексики (совет, комсомол, ударник, колхоз, совхоз, БАМ, ТАСС, НПСС и др.). Необходимо подчеркнуть, что

собственно русская лексика (как интернациональная, так и, в основном, неинтернациональная) также составляет довольно ощутимую долю зарегистрированных русизмов – около одной четверти, а именно: 83 слова из 361. Мы специально подчеркиваем этот факт, чтобы не сложилось впечатление, будто бы относительно языков типа дунганского русский язык является всего лишь посредником, проводником иноязычной интернациональной лексики, хотя соотношение 3 (иноязычная) к 1 (собственно русская лексика) и свидетельствует о существенном преобладании данного пласта слов среди лексических заимствований, обусловленных взаимодействием ДЯ с русским языком.

Таким образом, можно утверждать, что русский язык действительно является мощным источником, из которого ДЯ в его письменной и разговорной формах черпает слова и устойчивые словосочетания, необходимые для обозначения новых понятий и реалий. Русский язык является также посредником, через который заимствуется интернациональная лексика. Подтверждается, следовательно, неоднократно высказываемая мысль о том, что русский язык действительно благотворно влияет на языки народов СССР, в том числе и на дунганский, способствуя, в частности, обогащению его словарного состава.

Т.С. Зевахина (Москва)

НА ПУТИ К МЕТАФОРЕ: семантика уподобления

В последнее время проблема метафоричности и образности привлекает большое внимание теоретиков семантики, логиков, психологов, философов, не говоря уже о важности данного явления для функционального описания конкретных языков. При этом особый интерес представляют механизмы метафоры, в которых отражается специфика когнитивной деятельности человека (G. Lakoff, M. Johnson, 1980; E. Weiner, 1984). Эти механизмы во многом основаны на когнитивной операции уподобления одного объекта другому. В отличие от собственно метафорических употреблений имен существительных, когда основание уподобления скрыто от непосредственного наблюдения, в языке существуют конструкции, эксплицирующие признак сопоставления, в частности, с помощью прилагательного. Именно такие сравнительные адъективные конструкции с семантикой уподобления и исследуются в настоящей работе на материале дунганского языка (ДЯ) с применением экспериментального и типологического подходов

(привлекается также материал русского, английского, французского языков). Рассматриваются обороты типа: Дыга Ш-І гуа-зы П-І цышди І-П-І лян І шыту І-П йиён І-Ш "Это яблоко твердое как камень" (последовательность римских цифр обозначает тонировку предшествующего дунганского слова). Исследование направлено на выявление с т а н д а р т н ы х для данного прилагательного способов уподобления (образного сравнения). Ясно, что такие конструкции близки к метафорам в узком смысле слова: ср. русск. Это яблоко настоящий камень. Когнитивную операцию уподобления можно рассматривать одновременно и как особый речевой акт (ср. Дж. Серл, 1982). Интересно, что стандартный характер уподобления, закрепляемый в устойчивых адъективных оборотах, в русском языке формально отражается в правилах пунктуации: в таких оборотах запятая перед как не ставится; кроме того, они широко, хотя и не всегда последовательно, отражаются в словарях (И.И. Убин, 1987).

Задача описания указанных конструкций в ДЯ связана, во-первых, с осуществляемой нами лексикографической программой (в плане исчисления типовой сочетаемости дунганской лексики), а во-вторых, с исследованиями по семантической типологии языков. В последнем случае выявляются общечеловеческие закономерности осмысления действительности и специфические черты национально-языковой картины мира (о комплексе проводимых исследований см. работы Б.Ю. Городецкого, 1984 и Т.С. Зевахиной, 1984). Образные адъективные конструкции можно рассматривать в нескольких аспектах. Отталкиваясь от семантики прилагательного, мы можем сказать, что подобная конструкция служит для подчеркивания особых компонентов прилагательного, таких, как: 1) чистота (типичность) проявления признака, 2) высокая степень, 3) образ характерного носителя данного признака, 4) комплекс факторов экспрессивного слоя (субъективное отношение говорящего, например уничижительное или почтительное, стилистическая принадлежность, чаще сниженная, и др.). Концентрируя внимание на "образном существительном", мы можем говорить о его коннотации (т.е. связи с таким-то признаком в данной культуре), которая и составляет потенциальную основу его будущего собственно метафорического употребления. Тем самым с типологической точки зрения мы можем говорить либо об универсальных и специфических образных сравнениях для данного прилагательного, либо об универсальных и специфических коннотациях для данного существительного. И, наконец, в аспекте синтагматической семантики

можно рассматривать отношение между двумя существительными (отношение уподобления) и отношение между прилагательным и "образным существительным" (приблизительно определяемое И.И. Убиным как "усиление").

В плане выражения ДЯ представлены следующие основные виды конструкций:

- N₁ А-ди I лян I N₂ йиён I-Ш
- N₁ А-ди I лян I N₂ йимур-йиён I-П-I-Ш
- N₁ А-ди I зулян Ш-I N₂ йиён I-Ш
- N₁ А-ди I зулян Ш-I N₂ йимур-йиён I-П-I-Ш
- N₁ А-ди I зуён Ш-Ш N₂ йиён I-Ш

В эксперименте участвовали семь носителей ганьсуйского диалекта ДЯ - информанты разного возраста и с различными говорами (пять информантов из села Ирдык и два информанта из села Александровка Кирг. ССР); обследовалось более 60 адъективных лексем.

Работа с носителями языка протекала следующим образом. Вначале им предъявлялся типовой пример: Та П дянди I-I лян I хур I йиён I-Ш "Он умный (и хитрый) как обезьяна", в котором затем прилагательное дянди I-I заменялось на первое прилагательное из заготовленного списка дунганских лексем и спрашивалось, что следует поставить на место существительного. Если выяснялось, что изучаемое прилагательное можно употребить в подобном сравнительном обороте, то соответствующий пример со слов информанта заносился в протокол полевой работы. Записывались также другие возможные модификации сравнения с данным прилагательным. Частично проводился и обратный тест, а именно: когда в качестве стимула выступало существительное (из семантического класса "Животные") и спрашивалось о свойствах референта, обозначаемого данным существительным. Однако этот ассоциативный тест, являющийся более сложным и для информанта, и для исследователя, оказался с методической точки зрения менее эффективным, чем первый.

Результаты эксперимента были представлены в сопоставительной таблице, куда, кроме данных по ДЯ, были включены образные сравнения русского, английского и французского языков, полученные в результате анализа словарей. Отметим, что для ДЯ в таблицу включались, главным образом, результаты пересечения ответов всех семи информантов. Таким образом, можно утверждать, что и в ДЯ анализу подвергались именно языковые, а не индиви-

дуально-авторские образные сравнения. Например: Ту I пиди I-I лян I цыви I-III йиён I-III "Голова лохматая как ёж"; Жыгэ III-I ятуди I-I-I лян II бэди I-I лян I зы II йиён I-III букв. "У этой девочки лицо тонкое как бумага" (так говорят о застенчивом человеке); Та II нуди I-I лян I ню I йиён I-III "Он упрямый и капризный как корова".

Из составленной таблицы видно, что ряд адъективных значений не наблюдается в составе образных сравнительных оборотов ни в одном из рассмотренных языков. Это такие значения, как: "зеленый", "соленый", "теплый", "сытый", "высокий", "широкий", "умный" и др. Такие значения можно назвать немаркированными в отношении образного уподобления. Значения же, дающие типовые образные обороты, являются с этой точки зрения маркированными. Лексемы-антонимы могут по-разному вести себя в сравнительных оборотах (ср. русск. голодный как волк (зверь), но сытый как?). В ДЯ адъективное значение "сытый" также попадает в число немаркированных.

Одна и та же лексема, употребляясь в разных своих значениях, может участвовать, соответственно, и в разных сравнительных оборотах. Прилагательное умный (и его аналоги в других языках) не является маркированным в своем обычном употреблении, но при выражении иронии оно приобретает свойство маркированности: ср. обороты умный как бегемот, красивый как Квазимодо и т.п. В ДЯ встретился один случай плеонастического выражения в сравнительном обороте: мын III лян I гуазы I-I йиён I-III "глупый как дурак".

Покажем зависимость выбора "образного существительного" от значения прилагательного на примере дунганского хи I "черный". Когда оно берется в его прямом, цветовом значении, то в сравнительном обороте употребляется существительное "сажа": Жыгэ III-I жынди I-I жу III хиди I-I лян I гуамызы I-II-I йиён I-III "Тело этого человека черное как сажа"; в значении же "темный, необразованный" сравнение осуществляется с включением в оборот существительного "дымоход, дымовая труба": Жыгэ III-I нұжын I-I хиди I-I лян I яндун I-I йиён I-III "Эта женщина темная (невежественная) как дымовая труба". Особое значение прилагательного реализуется в предложении: Жыгэ III-I жынди I-I шин I хиди I-I лян I яндун I-I йиён I-III букв. "Сердце этого человека черное как дымовая труба" (так говорят о злом, жестоком, нехорошем человеке).

Отдельному изучению подвергались особые формальные типы образных сравнений, не нашедшие отражения в таблице стандартных оборотов. Например: Тади П-І лян П хунди І-І лян І дяли Ш-І данди Ш-І мули П-І йиён І-Ш "У него лицо такое красное, как будто у курицы, которая только что снесла яйцо".

Анализ образных сравнений ДЯ с привлечением материала русского, английского и французского языков позволяет сделать следующие выводы.

1) Отдельные типы уподобления характерны для всех рассмотренных языков (например, во всех четырех языках имеются сравнительные обороты "белый как снег", "черный как сажа", "сладкий как мед" и др.).

2) ДЯ присущи специфические уподобления (например: жундади Ш-Ш-І лян І хў П йиён І-Ш "сильный как тигр"; зуйди Ш-І лян І гу П йиён І-Ш "пьяный как собака"; понди Ш-І лян І цахўр І-І йиён І-Ш "толстый как чайник" и др.).

3) Последовательное отражение семантики уподобления в словаре позволяет повысить адекватность лексикографического описания по отношению к речевой реальности.

Ряд проблем ждет своего решения (исчерпывающее описание класса маркированных прилагательных, проблема вариативности образных сравнений, степени "естественности" того или иного уподобления и др.).

И.А. Зуев (Киев)

К ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (на примере чэньюев)

Известно, что гимны, песни и оды "Шицзина" ("Канона стихов") исполнялись во время ритуальных и народных песнопений и танцев. Стихотворная, песенная и танцевальная ритмика "Шицзина" выражена, как правило, в четырехсложном размере. Отступлений от правила так мало, что мы имеем право говорить о безукоризненно правильном четырехсложном размере, которым написан "Канон стихов". Этот четырехсложный размер отражает, на наш взгляд, как физиологические процессы в человеке во время танца, песнопения и декламации стихов, так и всеобщую древнекитайскую космогоническую концепцию "у-син" (пяти первоэлементов: дерева, огня, земли, металла и воды) и оппозицию "инь-ян".

После "Шицзина" четырехсложный размер стал сознательно использоваться для создания особого разряда китайских фразеологизмов – чэньюев (ЧЮ). В современном китайском языке (КЯ) на-

считывается более 50 ЧЮ, непосредственно восходящих к "Шипшину". Главной отличительной чертой ЧЮ и стала их четырехсложность. Эта жесткая композиция отражает, на наш взгляд, следующие философские и речевые процессы.

О п п о з и ц и я "инь-ян" . ЧЮ представляет из себя синтагму (З.И. Баранова, 1969) - интонационно, мелодически и семантически цельную единицу речи. Внутри этой синтагмы и осуществляется движение слов-слогов ЧЮ от одной противоположности к другой. Геометрический образ этого движения может быть выражен на графике, где слоги ЧЮ "растворены" в синусоиде, которая идет от одной противоположности к другой, проходя в середине пути через нулевую точку на пересечении двух осей - абсциссы и ординаты. Причем числовые показатели плюса и минуса в этом случае равны ввиду изначальной уравновешенности слогов ЧЮ по обе стороны от нулевой точки, или другими словами - от цезуры. Здесь необходимо отметить, что в подавляющем большинстве ЧЮ преобладает движение от ян к инь, от плюса к минусу. Дихотомия выражается на двух уровнях - на семантическом и акустическом.

Семантическая оппозиция в ЧЮ выражается за счет противопоставления двух пар слогов, одна из которых относится к сфере Неба, другая - к сфере Земли. Пары, например, могут быть такими: юг-север, восток-запад, ветер-тучи, высокий-низкий, большой-малый и т.д. Причем в подавляющем большинстве случаев (более 80%) на первом месте стоит пара, относящаяся к сфере ян. Этим еще раз подтверждается преимущественно нисходящее движение слогов ЧЮ, от + к -.

Нисходящее движение слогов ЧЮ отмечается и на акустическом уровне. Как показали исследования Т.П. Задоненко, для синтагмы наиболее характерен нисходящий тип мелодики с вершиной на начальном знаменательном слоге синтагмы. Однако ЧЮ сам не что иное, как синтагма, обладающий всеми ее параметрами.

Кроме того, слуховой эксперимент показывает, что слоги ЧЮ характеризуются выделенностью каждого составляющего слога, т.е. в них сохраняется д в у у д а р н а я акцентная структура, свойственная в целом двусложному слову в потоке речи со всеми его ритмическими характеристиками (Т.П. Задоненко, 1980). Добавим еще, что в ЧЮ, как правило, полностью проявляется тоналная характеристика как начального слога, так и конечного, представляющих собой два противоположных максимума - инь и ян, выраженных в этом случае с наибольшей силой. Процесс перехода от одной противоположности к другой виден во втором и третьем

слоге ЧЮ, которые обладают внутренним стяжением и менее четко выражены тонально. Тем самым они демонстрируют взаимопроникновение инь и ян.

Оппозиция в ЧЮ выражается и за счет чисто стихотворных приемов:

- удвоенной формы слогов, например: чжань-чжань цзин-цзин "трястись от страха";
- аллитерации: фа-фень ван-ши "самозабвенно заниматься чем-л.";
- редупликации рифмы: чэн-фэн по-дан "иметь грандиозные цели";
- различных вариантов взаимодействия тонов, принадлежащих к группам ровных (1 и 2) и ломаных (3 и 4) тонов:
спаренные ровные и ломаные тоны: цйнь-тун чоу-куай "на горе близким и на радость врагам";
ломаный-ровный, ломаный-ровный: ян-цзунь чў-ю "утопать в роскоши";
ровный-ровный, ломаный-ломаный: чй-сйнь ван-сйнь "бредовые мечты";
ломаный-ломаный, ровный-ровный: хай-шй шань-мэн "неушимый союз в любви".

К о н ц е п ц и я "у - син". Кругооборот пяти первоэлементов находит отображение и в ЧЮ. Как известно, слоги ЧЮ в целом воспринимаются акустически равноуделенными (Т.П. Задоенко, 1980), но каждый из пяти первоэлементов сам по себе также равнозначен. Тогда центральный элемент - "земля" - займет место в центре структуры ЧЮ. Это место соответствует цезуре, центру оси, вокруг которой вращаются остальные четыре элемента-слога. Каждый слог ЧЮ - минимальный ритмический и фонетический элемент речи, и здесь мы еще раз можем сравнить его с первоэлементом. Для ЧЮ характерен четкий слогосчитающий характер ритма, который отождествляется с четким ритмом процессов, происходящих в мироздании (смена времен года, суток и т.д.), отражением которых и является концепция "у-син". Итак, в ЧЮ, как в кругообороте "у-син", выражен полный цикл ритма, где каждый слог занимает место первоэлемента.

Таким образом, акустически, семантически и ритмически ЧЮ представляет собой единый цикл в русле традиционных древнекитайских концепций "инь-ян" и "у-син". С этой точки зрения он является непосредственным отражением традиционной парадигмы и может рассматриваться в тесной привязке к магическому кресту Хэ-ту, пятиричному кресту У-фан, а также в привязке к расположению триграммы по Фу-си и Вэнь-вану.

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДУНГАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Пословицу мы рассматриваем как высказывание, устанавливающее существование/не существование какого-либо факта или отношения между фактами. В настоящее время утвердилось контекстуальное понимание антонимии (т.е. возможность замещения антонимами друг друга в определенном контексте), в качестве методики выявления антонимических отношений предлагается разработка системы так называемых диагностических контекстов (Б.Ю.Городецкий, 1986). Дунганские пословицы, в основном состоящие из двух параллельных по своей структуре частей, представляют собой именно такие контексты. Причем, если в пословице между несколькими фактами устанавливаются антонимические отношения, то чаще всего эти отношения понимаются в абсолютном смысле, т.е. как принципиальная противоположность. Ясно, что в таком случае речь идет не о чисто языковой антонимии, а об антонимии в широком смысле как отношении, которое устанавливается культурным сознанием данного языкового коллектива и фиксируется в пословицах. Для большей наглядности здесь анализируются пословицы, имеющие двучленную структуру¹). Предварительно можно выделить пять типов пословиц, построенных на основе антонимических отношений.

1. Пословицы, в которых антонимические отношения задаются антонимическими парами, члены пар входят в состав двух соотнесенных простых частей. Чаще всего это две антонимические пары (одна пара бывает очень редко), первая из которых создает антонимический контекст и является как бы данным, акцент же ставится на второй, которая есть как бы новое. Если антонимический контекст создается в определенных случаях постановкой отрицательных частиц бу или ма, то акцентируемая пара никогда не содержит отрицания. Например: Бэ па шын ло ё па шин ло "Не бойся старости тела, а бойся старости сердца" (перевод здесь и ниже букв.). Здесь акцентируется пара "дух - тело", причем первый член пары (шын) - отрицательный, а второй (шин) -

1) Здесь использован материал пословиц а) собранных во время Среднеазиатской лингвистической экспедиции МГУ, б) вошедших в сборник "Хуэйзю кугэр, кулор лян цэхуар" (Фрунзе, 1984) и проверенных с информантами. Все они относятся, если пользоваться китайской лингвистической терминологией, к разряду "яньюй".

положительный; Шян сун, ху жин "Сначала свободно, а потом тесно". Если пары шын - шин, сун - жин представляют собой обычные языковые антонимы, то в таких контекстах могут встречаться и пары, не являющиеся языковыми антонимами, при этом антонимический контекст (т.е. первая антонимическая пара) сохраняется. Например: Ю сы бу ю жин "Есть дело, нет человека". В данном случае человек противопоставляется своим делам; Ю жын зы ён, ма жын зы дэ "Человек рождается сам, но не может сам себя воспитать". Здесь рождение противопоставляется не смерти, а процессу воспитания. Противопоставление рождения смерти встречается реже противопоставления рождения воспитанию. Интересно, что в таком контексте могут встречаться видо-временные показатели. Например, показатель перфективности ли может противопоставляться показателю неперфективности ни: Да хэни пли, Шё хэни юни "Большая река уже есть, а маленькая еще будет (большой)". Очевиден акцент на противопоставлении ли и ни.

2. Пословицы, в которых одна часть целиком противопоставляется другой. В этом случае мы имеем дело с оппозицией двух ситуаций. Например, часто встречается противопоставление принципов существования человека принципам существования дикой природы (что можно считать метафорическим выражением оппозиции: человек - дикая природа): Жын хуэди лян, Фу хуэди пи "Человек живет совестью, а дерево - корой".

В то же время каждая из частей пословиц этого типа может представлять собой сложную структуру, например, импликацию. В таком случае оппозиция посылок влечет за собой оппозицию заключений: Жын чы тўдэ, няннян ю, тў чэ жын, йүн бу зун "Человек питается за счет земли - каждый год имеет (урожай). Земля съедает человека (человек умирает) - это навечно". Заметим, что оппозиция посылок создается путем постановки во второй части пациенса в позицию агенса, а агенса - в позицию пациенса, что встречается довольно редко.

3. Пословицы, в которых каждая из двух частей содержит антонимическую пару, а между частями устанавливается отношение уподобления: Жын лоли бэ фэ шонян, чунли бэ фэ фухан "Когда человек состарится, нельзя сказать, что он молод, когда обеднеет, что он богат". Очевидно, что в этом случае каждая из частей представляет собой сложную структуру. Кроме отношения уподобления между двумя частями встречается также отношение экспликации, когда вторая часть объясняет первую: Чиди луэтуэ, ёди жи, годи

голе, диди ди "Сидит на верблюде, погоняет курицу: высокому-высоко сидеть, а низкому - низко".

4. Пословицы, в которых антонимические корреляции соседствуют с синонимическими: Жын мян - фэ жын хуа, Гуй мян - фэ гуй хуа "Перед лицом человеческим говорить человеческие слова, а перед лицом черта - бесовские". Ситуации жын мян, гуй мян диаметрально противоположны и, естественно, требуют абсолютно различного поведения. Однако смысл пословицы заключается в том, чтобы выявить как раз единый принцип поведения. Данный тип пословиц отличается от предыдущего, где ситуации доли и чунди никак не противопоставляются, и следовательно, не содержит явных антонимических корреляций.

5. Пословицы, в которых в каждой из частей устанавливаются противоположные гипонимические отношения, которые в совокупности дают эквиваленцию: Хуэйди бу нан, нанди бу хуэй "Умелому - не трудно, тот, кому трудно - не умеет". Здесь устанавливается отношение эквивалентности между хуэй и бу нан, т.е. отношение оппозиции (антонимии) между нан и хуэй, которые в разговорном языке не вступают в прямые антонимические отношения.

Наиболее часто встречаются пословицы первого, второго и третьего типа. Пословицы четвертого и пятого типов встречаются крайне редко. Дальнейшей задачей предстоит выявление по возможности всех антонимических корреляций лексем; так, например, человек (жын) в дунганских пословицах противопоставляется природе, животным, черту, небу, земле. Интересны случаи, когда антонимические корреляции выступают в роли синонимических: Чыкэли - чыбо, зүхуэ - зүлэ "Когда ешь - ешь досыта, когда что-то делаешь - делай до конца". Здесь ситуации чы фан и зүхуэ оказываются в принципе тождественными, хотя в дунганских пословицах они обычно образуют антонимическую корреляцию. Жын шоли - хо чы фан, жын дуэ ли - хо зүхуэ "Людей мало - хорошо есть, людей много - хорошо работать".

А.М. Карапетьянц, А.А. Поликарпов,
Н.В. Обухова (Москва)

СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА "СЯНЬДАЙ ХАНЬОУ
ЦЯДАНЬ" (1979) КАК ИСТОЧНИК ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ

Специфика отображений толковыми словарями лексической системы того или иного языка ни в одной лексикографической тради-

ции практически не изучались; попытки такого рода немногочисленны (Н.В. Обухова, 1986). Ниже предлагается типолого-квантитативный анализ нормативного словаря современного китайского языка (КЯ) по морфологическим, функционально-стилистическим, полисемическим и омонимическим характеристикам его единиц.

В словаре общим объемом около 56 тыс. единиц содержится 9281 иероглифический однослог и 43 625 их сочетаний; 1480 однослогов не способны к свободному функционированию в языке, имеется 405 односложных имен собственных. Таким образом, в этом словаре односложные единицы (за исключением несвободных однослогов) составляют 14,3%, многосложные - 85,7% (из них двусложные - 67,46%, трехсложные - 9,36%, четырехсложные - 7,6%, пяти - и более сложные - 1,28%).

Явное преобладание в словаре многослогов еще не свидетельствует о том, что лексический состав КЯ содержит единицы разной длины в таких же пропорциях. Во-первых, данный словарь отражает еще не все богатство лексических ресурсов современного КЯ, ибо должен быть отнесен скорее к числу кратких, т.е. содержащих, по типологии С.И. Ожегова, "ядро современного словоупотребления". Об этом свидетельствует, в частности, то, что в области односложных и двусложных единиц доля лексики с функционально-стилистическими пометами, характеризующими выход за это "ядро", весьма незначительна (8,9% и 15,5%). Во-вторых, многосложные единицы КЯ в большинстве случаев могут быть признаны как сложным словом, так и словосочетанием. В-третьих, в реальном языковом употреблении многосложные единицы (преимущественно двусложные) могут быть представлены в своими односложными вариантами.

Учитывая трудность выделения слова в КЯ, видимо, нужно вслед за И.И. Мещаниновым идти по пути выделения лексических сочетаний слогоморфем среди всех встречающихся (в том числе синтаксических) сочетаний, т.е. становиться на позиции выделения лексем по В.М. Павлову (1982) - единицы лексикологической, а не морфологической. Критерием для отделения лексических сочетаний слогоморфем от синтаксических может служить приведение в рассматриваемом словаре некоторых со слитным, а других - с раздельным написанием в транскрипции. Как видно из табл. I, число раздельно записанных сочетаний слогоморфем последовательно растет, начиная с трехчленных. Для четырехчленных оно

174

уже становится преобладающим; слитные написания вовсе отсутствуют среди 7-, 8- и 9-членных сочетаний.

Данные, приведенные в табл. 1 и 2, показывают неодинаковый семантический объем одночленных и многочленных сочетаний. Если для однослогов максимальный семантический объем доходит до 26 значений (а средний равен 1,79 значений), то для двуслогов - 7 (в среднем 1,19), слитно транскрибированных трехслов - 3 (в среднем 1,08), слитно транскрибированных четырехслов - 2 (в среднем - 1,05), пятислов и далее - 1. Как видно, сочетание слогомorfем эффективно снижает потенциальную неоднозначность однослога в его изолированном употреблении.

Для КН характерны существенные структурные различия единиц его письменной и устной форм. В показанных на табл. 2 распределениях однослогов по семантическому объему разительные различия наблюдаются по всему распределению. Фонетические однослоги могут иметь до 120 значений, а среднее число значений на фонетический однослог - 12,6 (на графический - 1,79). Согласно нашим подсчетам, за счет графического разграничения групп значений, связанных с тем или иным фонетическим слогом, снимается до 80% присущей фонетическим слогам омонимии.

Существенные отличия характеристик многозначности единиц устной и письменной форм языка должны приводить к существенным различиям в способах их употребления. В частности, раз в самостоятельном употреблении фонетические однослоги обладают столь широкой потенциальной сферой отнесенности, то в устной речи для однозначного выражения данного содержания они должны чаще, чем в письменной, входить в сочетания с другими однослогами.

Столь важные различия в способах организации лексического материала должны закрепляться в неодинаковом наборе сложных единиц номинации, формирующемся в каждой из сфер общения (устной и письменной). Естественно, это должно отражаться и в дифференциации словарей, ориентированных на преимущественное отображение лексических ресурсов одной из этой сфер. Пока такой дифференциации не производится.

Таблица 1

Распределение многосложных единиц КЯ в
зависимости от количества словарных значений

Кол- во знач.	Кол-во слогов в многосложных единицах словаря								
	2	3	4	5	6	7	8	9	всего
1	<u>28493</u> 0	<u>4380</u> 33	<u>234</u> 3624	<u>6</u> 201	<u>3</u> 99	<u>0</u> 15	<u>0</u> 3	<u>0</u> 3	<u>33116</u> 4278
2	<u>4909</u> 0	<u>393</u> 27	<u>12</u> 90						<u>5314</u> 117
3	<u>635</u> 0	<u>3</u> 12							<u>638</u> 12
4	98	0 3							<u>98</u> 3
5	31								31
6	6								6
7	2								2
всего	<u>34174</u> 0	<u>4776</u> 375	<u>246</u> 3724	<u>6</u> 201	<u>3</u> 99	<u>0</u> 15	<u>0</u> 3	<u>0</u> 3	<u>39205</u> 4410

Примечание:

1. В числителе – слитно написанные в транскрипционной записи многослоги, в знаменателе – раздельно написанные.
2. Начиная с трехсложных единиц, подсчет производился за счет оценки по выборке в размере 1/3 объема словаря.

Таблица 2

Распределение многозначности фонетических (Ф)
и иероглифических (И) однослогов КЯ

Кол-во знач.	Ф		Кол-во знач.	Ф		Кол-во знач.	Ф	
	2	3		4	5		7	8
1	2	3	4	5	6	7	8	9
120	1		39	6		19	25	2
103	1		38	3		18	30	
90	1		37	4		17	27	1
85	1		36	5		16	35	4
74	1		35	3		15	33	10
72	1		34	3		14	40	7

1	2	3	4	5	6	7	8	9
71	2		33	7		13	35	5
68	1		32	3		12	34	9
66	1		31	11		11	44	17
63	1		30	8		10	50	34
59	1		29	8		9	54	38
53	1		28	15		8	54	57
51	1		27	9		7	69	86
50	2		26	5	I	6	71	165
48	1		25	14	I	5	60	206
47	3		24	12		4	87	394
46	2		23	22	I	3	90	649
44	3		22	18		2	95	1492
42	1		21	18		1	91	3808
41	2		20	15	I	0	23	1228
40	5					всего:	1273	8320

Т.И. Кузнецова (Владивосток)

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В общем языкознании под синонимами принято понимать слова разные по звучанию, но одинаковые или близкие по значению. Однако, по мнению некоторых лингвистов, применительно к китайскому языку (КН) такое определение недостаточно точно характеризует данную лексическую категорию. В КН к лексическим синонимам относятся семантически тождественные и близкие слова как разного, так и одинакового звукового состава (А.Д. Семенов, 1984). По ее мнению в синонимические ряды должны включаться полностью омофоничные слова типа 十足 шícзү "совершенный, полный" и 实足 шícзү "полный, абсолютный", 苦工 кǔгун "тяжелая, каторжная работа" и 苦功 кǔгун "большие усилия, упорный труд" за исключением разнописей и графических вариантов одного и того же слова. Подобная точка зрения высказывалась китайским лингвистом Чжан Чжи (1980), по мнению которого традиционное определение синонимов не учитывает конкретных особенностей синонимии китайского языка. Чжан Чжи предлагает включить в современные китайские словари синонимов такие слова, как 界线 цзёсянь "граница" и 界限 цзёсянь "граница, рубеж", но отличать их от разновидностей или вариантов одного и того же слова типа 合适 хэши "подходящий, надлежащий" и 合适 хэши "подходящий, соответствующий", 烦琐 фаньсǒ "перегруженный мелочами"

и фаньсо 繁瑣 "изобилие мелочей" (эти слова он также называет разнописями). Однако четких критериев для определения того, в каком случае мы имеем дело с одним и тем же словом в разных его вариантах, а в каком – со словами-синонимами, лингвист не дает.

Наличие в современном китайском языке слов, одинаково звучащих и имеющих близкие значения, ставит проблему выяснения причин синхронного существования таких слов в языке. Очевидно, что данный вопрос в определенной степени связан с идеографическим характером китайской письменности, поскольку при отсутствии различий в звучании слов и абсолютных различий в значении (иначе это были бы слова-омонимы) существенными являются только различия в их графическом изображении. Действительно, для говорящего проблемы выбора нужного слова из двух одинаково звучащих синонимичных по значению слов, по-видимому, не существует. Характер же китайского идеографического письма позволяет в некоторых случаях видеть смысловые различия у таких полностью омофоничных синонимичных слов.

Поскольку речь идет о синонимии двусложных слов, то необходимо отметить, что у синонимов рассматриваемого типа имеется один общий словообразовательный компонент, а вторые компоненты имеют одно и то же чтение. Нас интересуют отношения графически различающихся, но одинаково звучащих вторых компонентов. Обобщение материала "Словаря синонимов" (1986), составленного Чжан Чжун, позволило синонимичные слова, рассматриваемого типа, разделить на две большие группы: в состав первой входят слова, вторые компоненты которых графически различаются ключом, имея общий фонетик (暴发 *bàofā*/爆发 *bàofā*, 度过 *dùgō*/渡过 *dùgò*); во вторую входят слова, имеющие графически совершенно разные компоненты. Компоненты, различающиеся ключом и имеющие общий фонетик, также можно разделить на две подгруппы. В первую войдут компоненты, которые первоначально имели разное чтение и, таким образом, представляли собой графические изображения разных по звучанию слов. Например, иероглифом 暴 в среднекитайском записывалось слово *bau*³ "стремительный, быстрый", а иероглифом 爆 – слово *rau*³ "лопаться, трескаться на огне"¹⁾. Таким образом, первоначально в языке существовало два разных слова, которые впоследствии изменили

1) Произношение слов устанавливалось по: "Фонетическому словарю китайских иероглифов" С.Ф. Кима (1983) и дается в той же транскрипции, которая принята для среднекитайского языка.

свой звуковой состав и оказались омофоничными, а в сочетании с морфемой 发 fā "проявляться, делаться" они образовали слова, семантически близкие в значении "вспыхнуть, разразиться". Во вторую подгруппу войдут компоненты, которые первоначально представляли собой графические изображения слов, имеющих одинаковый звуковой состав, но разные значения, т.е. слов-омонимов. Например, иероглифом 度 в среднекитайском обозначали слово do³ "проводить время, переживать", а иероглифом 渡 - слово do³ со значением "переправляться через реку". В дальнейшем у слова, изображаемого иероглифом 渡, появилось значение "преодолевать, переживать", и в сочетании с морфемой 过 gò "проходить" оно образовало двусложное слово 渡过 dùgò синонимичное 度过 dùgò в значении "пережить".

Вторые компоненты синонимичных двусложных слов, которые в современном языке записываются совершенно разными иероглифами, имея одинаковый звуковой состав, первоначально, как правило, представляли собой разные по звучанию слова. Так, например, в словах 制定 chídìng "определять, разрабатывать" и 制订 chídìng "вырабатывать, намечать" вторые компоненты, которые в современном языке имеют одинаковый звуковой состав, в среднекитайском читались по-разному: 定 dèng³ и 訂 tèn³; в словах 省悟 shěngwù "понять, осознать" и 醒悟 xǐngwù "очнуться, понять, осознать" вторые компоненты в среднекитайском читались 省 xiǎng² и 醒 xǐng²; в словах 界限 jièxiàn "граница, рубеж" и 界线 jièxiàn "граница, демаркационная линия" вторые компоненты в среднекитайском читались 限 xiàn² и 线 xiàn³; слова 作 zuò "делать, заниматься" и 做 zuò "делать" в среднекитайском читались соотв. tsak⁴ и tso⁴.

Таким образом, компоненты полностью омофоничных в современном языке двусложных слов с близким значением первоначально в большинстве имели разный звуковой состав. В результате внутриязыковых процессов звуковой состав этих компонентов изменился, и они оказались омофоничными.

Очевидно, что для звуковой речи нет проблемы выбора подходящего слова из двух одинаково звучащих и имеющих близкое значение слов. В силу же идеографического характера китайской иероглифической письменности смысловые различия близких по значению слов рассматриваемого типа выражаются в различном графическом изображении компонентов этих слов, т.е. на письме иероглифы "расшифровывают" те тонкие смысловые различия, которые не выражаются в звуковой речи.

СЛОВО В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: полисемия и омонимия

В древнекитайском языке (ДКЯ) почти все слова односложны, а среди устойчивых словосочетаний четко выделяются определенные типы. Эта структурная особенность ДКЯ ставит проблему, как узнать, имеем ли мы дело с разными значениями одного слова или с разными словами общего происхождения, т.е. как провести грань между полисемией и омонимией.

Все китайские словари, включая русско-китайские, — это словари иероглифов, а не слов. Под иероглифом помещены значения омографов, омонимов и все значения одного слова.

Предположим, что мы умеем различать омографы (хотя для такого допущения и нет достаточных оснований), тогда можно утверждать, что если, например, для иероглифа 如 в словаре даются значения "отправиться; если; похож", то речь идет о трех разных словах, отображенных в омографах.

Однако какими критериями можно руководствоваться, чтобы решить, разным словам или одному слову принадлежат значения лексем 重 "тяжелый" и "важный", 誠 "искренний" и "действительный", 利 "острый" и "выгодный", 实 "полный" и "существенный". Зачастую у разных значений — разные антонимы. Так, у значения 实 "полный" антоним 空 "пустой", а у значения 实 "суть, существенный" — антоним 名 "имя, номинальный". Достаточно ли этого признака, чтобы считать, что здесь два слова?

В общем языкознании предписывается строго и принципиально различать явления омонимии и полисемии (Ю.С. Маслов), но чаще всего не указываются достаточно объективные критерии для такого различия. Один из принятых критериев — принадлежность к части речи: если близкие значения принадлежат разным частям речи — это разные слова (течь — существительное и течь — глагол); разные переносные значения слова, имеющие неодинаковые синтаксические употребления, обычно считаются значениями одного слова.

Рассмотрим два значения лексемы 苦 "горький; страдать от чего-л.". В значении признака — "горький" эта лексема выступает в сравнительной конструкции, в каузативной конструкции — "сделать горьким (свое существование)", в конструкции с предлогом 於 — "горький (для рта, на вкус)"; именное значение — "горькое" (антоним — "сладкое"). Значение "страдать от чего-л." проявляется в конструкции с предлогом 於 (страдать от войны,

законов, разбойников). Каузативное значение - "заставить страдать (народ, страну)", именное - "страдание" (антоним - "радость").

Согласно вышеизложенной точке зрения, здесь два разных слова, но не потому, что у них различные синтаксические парадигмы, а потому, что это разные части речи. Однако утверждение о том, что разные категориальные значения соответствуют в ДКЯ разным частям речи не абсолютно и зависит от выбора исходной теории.

Если стоять на позициях теории конверсии, то следует признать, что иероглиф 利 обозначает три слова: существительное "выгода, польза", прилагательное - "выгодный, полезный" и глагол с большим набором значений - "быть выгодным (кому-л. для чего-л.); способствовать, принести пользу; использовать, присвоить выгоду; считать выгодным".

Если считать, что слово, выступая в необычной для своего категориального значения функции, не переходит в другую часть речи, то эти "глагольные" значения легко объясняются как вторичные значения (функции) существительного и прилагательного.

От значения признака - "полезный, выгодный" образуется значение "считать выгодным" или "сделать для себя выгодным, извлечь выгоду из чего-л.": 大國惡有天子。小國利之
"Большим княжествам ненавистно существование императора, малые видят в этом для себя выгоду".

Прилагательное "выгодный" выступает также в конструкции без дополнения: 事果利 "дело это действительно выгодное", в конструкции с предлогом - "выгодный для семьи, для народа", в сравнительной конструкции.

Существительному "выгода" больше всего свойственны именные употребления, но, как и всякое существительное, оно может быть сказуемым без связки в значении "быть с выгодой": 齊實利
"Тогда княжество Ци будет с выгодой" (вариант с необязательным дополнением: 則國得利焉 "Какой стране будет выгода от этого?"), может управлять дополнением: 安身利家
"устроить себе спокойную жизнь и принести выгоду семье" (ср. 衣之 "одеть его") (вариант: 重家以利之 "дать ему выгоду в виде большого жалованья").

Итак, все "глагольные" значения, приписанные в словаре иероглифу 利, можно объяснить как вторичные функции прилагательного и существительного. Допустимо ли утверждать, что этим мы доказали, что иероглиф 利 соответствует двум словам - "выгода"

и "выгодный"? Все равно ~~нельзя~~, ибо возможно еще одно толкование. Именные употребления 利 это функции собственно существительного "выгода", но это могут быть и вторичные функции прилагательного "выгодный". Все именные употребления можно считать функцией прилагательного. Тогда все значения, производные от именного – это вторичные функции от вторичной функции – такое явление имеет место и в ДКЯ, и в других языках. При такой интерпретации иероглиф 利 соответствует одному слову – прилагательному 利 "выгодный, полезный", а все остальные значения во всех конструкциях можно вывести из этого основного по известным правилам грамматики.

В вопросе "одно слово или разные слова" есть еще одна дополнительная трудность. Некоторые слова в ряде вторичных функций меняют свое чтение. Это изменение фиксируется в словарях (иногда и в текстах), и может трактоваться как особый случай словообразования. (Этой проблеме посвящен том "Морфология" в большой грамматике ДКЯ Чжоу Фагао, изданной в 1959-1963 гг.). Однако изменение произношения, связанное с изменением функции в ДКЯ не было ни регулярным, ни просто частым. В большинстве случаев изменение категориального значения не вело к изменению произношения. Синтаксические же парадигмы слов одного класса или подкласса были совершенно одинаковы и для слов, меняющих свое произношение, и для слов, произношение которых не менялось. Среди слов с совершенно одинаковыми парадигмами одни меняли свое чтение в некоторых функциях, другие – не меняли. Так, слово "одежда" меняло чтение в конструкции с дополнением 衣帶 "одеваться в шелк", а слово 帶 "пояс" в аналогичном сочетании 帶索 "подпоясываться веревкой" – не меняло.

У одного и того же слова одни вторичные функции сопровождались изменением чтения, другие – нет. Это же слово 衣 "одежда" меняло чтение в конструкции с дополнением – "одеваться в шелк" и в каузативной конструкции – "одеть его в шелк", но не меняло в функции сказуемого без дополнения, как в предложении:

衛文公大布之衣 "На вэйском Вэнь-гуне была одежда из грубого полотна", где сочетание "грубое полотно" выступает как определение, а не дополнение к слову "одежда".

Локатив в функции сказуемого мог иметь значение местоположения (обычная функция) или указывать на движение в заданном направлении (вторичная функция). Некоторые локативы в этом втором значении меняли свое произношение (например, локатив 下 в значении "двинуться вниз").

Материал словарей по этому вопросу содержит много ошибок и противоречий. Изменение произношения одного и того же слова в разных словарях может связываться с разными функциями. В любом случае остается вопрос, рассматривать ли описанное выше явление как явление словообразования или - словоизменения.

Из всего вышеизложенного видно, что грамматика ДКЯ направляет свои усилия на различения и приведение в определенную систему различных значений словарных единиц, но ей приходится пока обходиться без точного научного определения понятия слова, ибо общее языкознание в этом вопросе, как, впрочем, и в других недостаточно учитывает факты изолирующих языков.

М.Г. Прядохин (Москва)

ПРОБЛЕМА ОМОНИМИИ И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ НОРМА СЛОВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Многие исследователи, отмечая чрезвычайно развитую омонимию среди однослогов китайского языка (КЯ), ставят это явление в причинно-следственную связь с количественной нормой слова, указывая, что статистически доминирующая двухсложная норма китайского слова исторически сложилась как средство преодоления омонимии однослогов, особенно заметно возросшей в новый и новейший периоды развития языка. Это отмечено А.А. Драгуновым в его лекциях по грамматической системе китайского разговорного языка (1962): "Объединение однослогов в двуслоги (биномы), естественно, резко сокращает число омофонов, и поэтому двуслог, или бином, и является в китайском языке тем статистически доминирующим количественным минимумом, который, как правило, понятен на слух и может функционировать в изолированной позиции". Этот вывод цитируется или повторяется как сам собой разумеющийся и другими исследователями, в частности, в диссертации А.А. Хаматовой "Лексическая омонимия в современном китайском языке" (1978).

Настоящее сообщение представляет собой попытку выяснить, насколько этот вывод, полученный умозрительным путем, соответствует фактам КЯ.

Основанием для этого вывода, возможно, явились несложные выкладки, которые, на первый взгляд, подтверждают его логичность. В самом деле, в современном КЯ насчитывается 1262 слога, различающихся материально (т.е. не только по сегментному составу, но и по тональной характеристике); употребительных же - в большей или меньшей степени - слогоморфем насчитывается око-

ло 8500 (Иероглифический словарь "Синьхуа", 1985). Таким образом, в среднем каждые шесть-семь слогоморфем являются омонимичными. По отдельным слогам выявляется еще более разительная картина. Так, по слогу xī омонимия достигает 60 слогоморфем, по слогу jī - около 44, по слогу jué - около 30 и т.д. Легко подсчитать, что двухчленные комбинации из 1262 слогов дают около 1 600 тыс. единиц. Если язык в связи с разного рода ограничениями в сочетаемости реализует из этого количества лишь 5%, то и в этом случае число двухсложных сочетаний, отличающихся материально, составит около 80 тыс. единиц. Это вполне обеспечивает уменьшение омонимии до уровня, не мешающего целям коммуникации. Действительно, как показывают статистические данные, уровень омонимии среди двухсложных слов КН не превышает величин, характерных для большинства индо-европейских языков. Таким образом, простейший математический анализ свидетельствует в пользу рассматриваемого вывода.

Продолжим анализ в плане выяснения процентного содержания двухсложной лексики в основных функциональных стилях современного КН, сделав прежде следующее существенное уточнение. Принятый для обозначения рассматриваемого явления термин "омонимия" применительно к КН не совсем точен, так как в иероглифической записи подавляющее большинство слогоморфем, именуемых омонимичными, четко дифференцированы (по данным А.А. Хаматовой, около 85,5%), ибо китайская идеографическая письменность записывает слогоморфему со стороны значения, а не звукового состава, как фонетическая или слоговая. Поэтому, строго говоря, речь должна идти об омофонах. Именно так их и называет А.А. Драгунов в приведенной выше цитате из его лекций. Но это значит, что проблема омонимии в нынешнем ее виде захватывает лишь сферу устной речи, а не письменной, где графическая дифференциация почти полностью ее снимает.

Рассмотрим соотношение двухсложной и односложной лексики в основных функциональных стилях современного КН. Согласно имеющимся данным, в официально-деловом, газетно-журнальном, научном стилях, в авторской речи художественных произведений двухсложная лексика составляет около 80%, односложная - около 20%. В разговорном же стиле соотношение обратное. При этом наиболее употребительная лексика здесь является, как правило, односложной (см. "800 слов современного китайского языка", 1984).

Таким образом, тенденция биномизации китайской лексики наиболее заметно проявляется в письменных стилях речи, рассчитанных в первую очередь на зрительное восприятие, и менее всего захватила разговорный стиль, используемый, как правило, в устной форме и потому рассчитанный на слуховое восприятие. Иными словами, биномизация развивалась в тех стилях речи, где омоимия практически снимается графической дифференциацией, и почти совсем не затронула разговорный стиль, в котором проблема омонимов (омофонов) стоит значительно острее. Но из этого следует, что трактовать тенденцию биномизации китайской лексики как средство, выработанное языком в ходе его развития в целях преодоления омоимии, нет реальных оснований.

Поскольку, однако, такая тенденция в письменных стилях китайского языка – факт несомненный, она должна найти соответствующее объяснение.

А.А. Драгунов, давая цитированное выше объяснение этой тенденции (биномизация как средство преодоления омоимии), не считал этот фактор единственным и даже главным. Он полагал, что основное заключается в том, что "двуслог, или бином, представляет собою тот необходимый и достаточный речевой количественный минимум, внутри которого могут проявиться: а) те или иные синтаксические отношения (равноправные и неравноправные) и б) отношения ритмико-акцентуационные (ударенности и неударенности)". Однако указанные А.А. Драгуновым факторы оставляют без объяснения вопрос о том, почему биномизация проследивается в письменных стилях и не проявляется или проявляется в заметно меньшей мере в разговорном.

Представляется, что объяснение феномена биномизации китайской лексики следует искать в иных типологических особенностях КЯ и связанных с ними типах деривации.

На протяжении обозримой истории своего развития КЯ был и остается языком аморфным в смысле отсутствия в нем флексии и агглютинации. Существующие в нем два словообразовательных суффикса лишь подчеркивают скудость морфологических словообразовательных средств. Таким образом, из трех возможных типов деривации – семантической, морфологической и синтаксической – КЯ в силу его типологических особенностей мог использовать только два – семантическую деривацию, т.е. развитие в слове новых значений путем метафорического или метонимического переноса, и синтаксическую, т.е. словооложение (биномизация) и образование устойчивых сочетаний слов.

Поскольку синтаксическая деривация обладает наиболее широкими возможностями в плане номинации, так как позволяет проводить более тонкое различие между понятиями, уточнять понятия в нужном направлении и т.д., именно она с течением времени заняла ведущее место в тех стилях КН, в которых потребности номинации в силу логики вещей развивались более широко и которые требовали более изощренных средств словообразования, чем простой метафорический или метонимический перенос.

Употребление в основном односложной лексики в разговорном стиле речи объясняется тем, что этот стиль обслуживает потребности общения в повседневном обиходе, круг понятий которого более консервативен и менее подвижен. Поэтому потребности номинации здесь менее значительны, чем в других стилях, и вполне покрываются средствами семантической и отчасти морфологической деривации, в значительно меньшей степени – синтаксической. Хотя уровень омонимии остается здесь более высоким, чем в индоевропейских языках, существующая функциональная дифференциация омонимов, точнее омофонов, в известной мере обеспечивает его снижение до приемлемых величин. И если язык не спешит с биномизацией лексики разговорного стиля, то это как раз свидетельство в пользу того, что тенденция биномизации вызвана к жизни отнюдь не потребностями преодоления омонимии.

А.Л. Семенас (Москва)

О ПРИМЕНЕНИИ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА ПРИ ОПИСАНИИ КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

В лексикологии китайского языка (КН) метод компонентного анализа еще не используется достаточно активно как один из эффективных способов исследования словарного состава. Однако этот метод в последние годы успешно применяется многими лингвистами для построения теоретической модели семантики языка (Дж. Катц, У. Вейнрейх, М. Бирвиш, Н.И. Толстой, Д.Н. Шмелев, О.Н. Селиверстова и др.). Систематизация подходов к компонентному анализу была предпринята, в частности, в работах Т.С. Зевахиной (1983).

Данный метод дает хорошие результаты при выявлении семантической структуры слова. При компонентном анализе происходит представление значения слова через посредство конечного набора элементарных семантических единиц, или семантических компонентов. Каким должен быть минимальный набор семантических компонентов для описания значения, иными словами, какие из них явля-

ются важными, необходимыми для выведения значения слова, а какие дополнительными, которые находятся на периферии семантической структуры? Эти и другие вопросы требуют особого внимания.

Объекты внешнего мира можно характеризовать с разных сторон. Знание об исследуемом объекте включает всю совокупность его признаков и свойств, причем, не только отличительных, существенных, но и все многообразие второстепенных признаков. В стихотворении Су Ши "Образ солнца" описывается такой эпизод: "Слепой не знал, что такое солнце и пошел спросить у другого человека. Тот ответил ему, что солнце по внешнему виду похоже на медную тарелку. Слепой постучал о медную тарелку и запомнил звук. Через некоторое время снаружи раздался звон колокола. Слепой, услышав его решил, что это звук, издаваемый солнцем". Несомненно, что признак формы, внешнего сходства солнца с медной тарелкой является второстепенным, несущественным. В целостном образе солнца синтезируются его существенные признаки, свойства. Если познать объект только с одной стороны, то создаваемый образ может не совпасть с действительностью. Значение слова солнце, кроме компонента, указывающего на форму объекта, имеет ряд других существенных компонентов, таких как "способность излучать свет и тепло" и "принадлежность к планетам". Без них нельзя определить значение данного слова.

В основе компонентного анализа, применяемого в лексикологии, лежит представление о значении слова как комплексе семантических компонентов. Каждое значение содержит не менее двух компонентов. Один и тот же компонент входит в значения разных слов. Семантический компонент является более абстрактным по сравнению с лексическим значением.

Для выявления компонентов значения можно использовать словарные дефиниции толковых словарей, в первую очередь, такого нормативного словаря как "Сяньдай ханьюй цидянь" ("Словарь современного китайского языка", 1977), а также словари синонимов. В качестве примера приведем два семантически близких слова: ицзы "стул" и дэнцзы "табуретка". В словаре им даются следующие пояснения: ю каобэй ды цзоцзюй, чжуню юн мутоу, чжуцзы, тэнцзы дэн чжицэн ды "имеющий спинку предмет мебели, на котором сидят, изготавливаемый обычно из дерева, бамбука, лозы"; мэй ю каобэй ды гун жэнь цзо ды цзяцзюй "не имеющий спинки предмет мебели, на котором сидят". Сравним оба толкования. Из первого толкования можно сразу исключить часть, в которой сообщается, что стулья из-

готовавливаются из дерева, бамбука, лозы, т.е. признаки не являющиеся существенными для разграничения сравниваемых слов. Из этих толкований извлекаем те компоненты, которые достаточны и необходимы для описания значений ицзы и дэнцзы. Таким же образом выявляем компоненты слов: 躺椅 танъи "мезлонг", 长凳 чандэн "скамейка", 沙发 "кресло", 长沙发 чаншафа "диван". Схематически их можно представить в табл. I.

Семантический компонент Слово		Таблица I				
		мебель	для сиде- ния	для лежания	наличие спинки	для одного человека
ицзы		+	+	-	+	+
дэнцзы		+	+	-	-	+
танъи		+	+	+	+	+
чандэн		+	+	-	-	-
шафа		+	+	-	+	+
чаншафа		+	+	+	+	+

Значения шести слов объясняются с помощью пяти компонентов. Сравнивая их, обнаруживаем, например, у слова "стул" и "табуретка" два общих компонента, указывающих на назначение, использование предмета; различающиеся компоненты относятся к форме: наличие/отсутствие спинки. В целом же в семантическом поле мебели с помощью этих пяти компонентов можно описать более 20 слов.

Роль компонентного анализа особенно велика в случаях описания близких значений (синонимов и квазисинонимов). Так, например, в семантической структуре глаголов 凝视 нинши "установиться, смотреть в упор" и 注视 чжуши "пристально смотреть, зорко следить" выделяется общий компонент - целенаправленное зрительное восприятие, а также различающиеся компоненты, связанные с характером протекания действия, временем и объектом.

Семантический компонент Слово		Таблица 2			
		действие, связанное со зрением	внимательно	длительно	объект действия подвижный
нинши		+	+	+	-
чжуши		+	+	+	+

Как видно из табл. 2, оба глагола обозначают зрительное восприятие, протекающее целенаправленно и с особым вниманием. Они различаются компонентами, связанными с определенным отрезком времени и объектом восприятия: нинши обозначает такое целенаправленное зрительное восприятие, которое протекает сосредоточенно, длительное время и направлено на неподвижный объект. При этом часто с оттенком почтения, уважения (например, когда слушатели следят за оратором), чжуши обозначает такое действие, которое может протекать как длительное, так и недлительное время и направлено на подвижный и неподвижный объекты.

Примечательно, что китайские лингвисты подчеркивают своеобразие и национальную специфику компонентного анализа, связывая его с особенностями словообразовательной структуры китайского слова, что выражается в часто встречающемся явлении прозрачности внутренней формы (Цзя Яньдэ, 1986; Янь Шэнчу, 1982). Отмечается также, что при выявлении семантических компонентов определенную помощь оказывает идеографический характер национального письма. Информация о предметах и событиях передается посредством особых графических элементов и их сочетаемости. Они являются своеобразными семантическими маркерами, указывающими на родовое понятие или на ту семантическую область, к которой относится значение слова в данном контексте. Так, знаки с ключом 竹 чжу "бамбук" указывают на предметы, сделанные из бамбука или относящиеся к бамбуку. Знаки с ключом 火 хо "огонь" передают понятия, связанные с огнем, жаром. Знак 心 синь "сердце" присутствует в знаках, обозначающих любые внутренние состояния.

Конечно, китайские идеограммы содержат определенные указания на понятийные признаки. Однако, достаточно определенной процедуру выведения компонентов с помощью графических элементов сделать нельзя, хотя некоторое приближение к искомому результату имеется, и нельзя не согласиться с тем, что оно облегчает путь исследования семантической структуры слова в китайском языке.

Множество примеров свидетельствует о том, что неопределенность семантической интерпретации снимается с помощью анализа графической структуры. Ср.: 1) 步 бу "шаг; шагать"; 2) 陆 чжи "взбираться, подниматься, восходить"; 3) 涉 шэ "переходить вброд (речку)".

Графема 步 бу определяет связь знака со способом передвижения и ее можно считать общим компонентом значения во всех при-

веденных выше примерах. В таком случае графемы 足 "вал, холм" и 水 "вода" определяют диагностические компоненты, указывающие на сферу совершения действия, т.е. 涉 чжи имеет значение "передвигаться с помощью ног по холму", а 涉水 ша шэ - "передвигаться с помощью ног по воде".

Анализ значения слова с помощью разложения его на компоненты в КЯ, как и в других языках, чаще всего ассоциируется с сигнификативным слоем. Но некоторые компоненты выводят на экспрессивный слой (о качественном разнообразии информации, отражаемой той или иной семантической единицей см. концепцию семантических слоев Б.П. Городецкого, 1986). Например, глагол 看 кань "смотреть" имеет синонимы - слова с тем же набором компонентов, связанных с сигнификативным слоем, но различающихся стилистическими компонентами: 瞧 цзяо "смотреть, глядеть" (разг.), 瞅 чоу "смотреть" (диал.), 觀 гуан "смотреть, взирать" (книжн., из древнекитайского).

О.П. Фролова (Новосибирск)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: системные отношения

Актуальным аспектом исследования семантических категорий является изучение отдельных слов или различных групп слов, находящихся в определенных отношениях. Заметное место в таких семантических группах принадлежит категории цветообозначений, которая в разных языках отражается по-разному и в каждом из них образует сложную систему.

Система цветообозначений в современном китайском языке (КЯ), характеризуясь достаточно высокой степенью внутренней организации, заслуживает рассмотрения прежде всего как один из аспектов проблемы номинации, поскольку названия цветов представляют собой особый микромир, где находит отражение реальная действительность. В КЯ существует индивидуальная модель "мира цвета" и набора цветообозначений.

Тема цветообозначений в КЯ - это обширная проблема, которая может быть рассмотрена с различных позиций (историко-культурных, этнографических и др.), в том числе и лингвистических. Мы коснемся лишь некоторых лингвистических аспектов цветообозначений.

Считается, что число цветовых оттенков, различаемых глазом, составляет около семи тыс. При этом все языки сильно отличаются по составу лексических средств выражения цвета и оттенков. В КЯ оттенки цветоименований выражаются различными

морфологическими и лексическими средствами и, как правило, через основные цвета, но иногда особыми словами или морфемами. Цветообозначения мотивированы внутри самих названий цвета. Фактически любое слово может стать цветообозначением. Большинство цветообозначений возникло на основе имен существительных, называющих конкретные предметы.

Китайские цветообозначения представляются членами единой системы цветообозначений, где для каждого члена системы имеется свое место. Вместо с тем встречаются и такие факты, когда семантика цветообозначения бывает "размыта", названия цветов пересекаются и накладываются друг на друга, оттенки цветов называются по-разному.

В КЯ большую роль играют не только сами цветообозначения, но и широкое использование переносных значений цветообозначений, осложненных специфически национальным осмыслением. Иначе говоря, в них как бы взаимодействуют оба значения слова - абсолютное и переносное. При этом цветовые значения оказываются как бы доминирующими над переносными. Здесь мы сознательно ограничиваемся рассмотрением только тех из переносных значений, которые а) относятся к экспрессивной лексике и служат характеристикой человека и б) связаны с общественно-политической лексикой. Материал цветообозначений показывает, что оценочные значения первых достаточно устойчивы, связаны с определенными реалиями. Следует также отметить, что поиск экспрессивных выражений в свою очередь как бы служит толчком для образования переносных значений. Возникновение переносного значения не всегда связано с прямой цветовой ассоциацией, но зависит от системных отношений, в которых находится слово.

Основные цвета системы цветообозначений

В современном КЯ существует устойчивое понятие *wuse* "пять цветов", куда входят *hong* "красный", *hei* "черный", *bai* "белый", *lü* "зеленый" и *huang* "желтый". Согласно китайской астрологии каждый из них соотносится с тем или иным сектором неба. Все эти пять цветов характеризуются отсутствием внутренней формы и представляют собой древние исконно китайские слова. Основные цвета системы цветообозначений связаны со словами других лексико-семантических групп, приобретают различные ассоциативные связи и развивают переносные значения.

1. Hong "красный; праздничный; популярный"; полит. "крас-

ный" (например, о коммунистах). hong в древнекитайском (ДКЯ) имел три варианта: shi, dan и zhu; совр. hong является как бы их "промежуточным цветом"¹⁾. В современном КЯ все три варианта hong сохраняются, но сферы их использования незначительны. hong имеет множество оттенков (feihong "багровый", dahong "алый", shenhong "темнокрасный", zihong "багровый" и т.л.). Среди переносных значений выделяются те, которые характеризуют человека с положительной стороны (hongren "любимец публики" в театре; hongniang "красавица"). Выделяются и переносные значения, связанные с политической терминологией (hongguobo "лжекоммунист" букв. "сверху красный, а внутри белый"; hongzhuann "красный специалист", т.е. идеологически и профессионально подготовленный специалист).

2. Hei "черный; мрачный; преступный", полит. "реакционный". Имеет достаточное количество оттенков (wuhai "черный-пречерный", heishui "иссиня-черный", huishui "светлочерный"). По отношению к человеку hei используется в основном для отрицательной оценки (haigou "надсмотрщик", heilian "хитрюга"). Hei связано и с политической терминологией (heiban "черная банда", heilaohu "черный тигр" букв. "плохой помещик").

3. Bai "белый; чистый; доступный"; полит. "реакционный; несправедливый". Число оттенков у этого цветообозначения невелико. Bai входит в состав многих слов, характеризующих человека с экспрессивной точки зрения (baigouzi "прихвостень", baishi "бедолага", baipang "крепьш", baibizi "плут", baichihou "дармоед"); bai выступает в составе политического термина (baidan "реакционная клика", baihua "белые китайцы", т.е. китайцы, живущие за границей). Антонимичный ряд bai и hei символизирует противоположные точки зрения на что-то, независимо от существа, объекта спора: heibai "черное и белое", а переносно "правда и ложь"; bai mao hei mao lun "Пусть будет белая или черная кошка, лишь бы она ловила мышей" (Теория, провозглашенная Дэн Сяопином в 1962 г., когда был выдвинут принцип любыми средствами увеличить производство).

4. Qing - особое цветообразование: одновременно оно обозначает "зеленый; синий; голубой; черный; темный". Из переносных

1) Здесь и далее данные по ДКЯ взяты из книги Жэнь Сюэяня "Гудай Ханьюй. Чаньюнцзы" (1987).

значений выделяются "молодой, неопытный"; является компонентом политического термина соврем. *qingnian* "молодежь". *Qing* – цветообозначение, существовавшее с древних времен; считалось, что оно произошло от *lan* "синий; голубой" – наименования красителя. Отсюда до наших дней дошел чэньюй: *qing chu yu lan* "ученик, превзошедший своего учителя" букв. "*qing* вышел из *lan*". *Qing* имеет множество оттенков (*zangqing* "темно-синий", *qingluse* "темно-зеленый", *qingtongse* "бронзовый", *danqing* "опаловый цвет"). В переносном значении: *qingpi* "бродяга". Переносные значения у *qing* развиты слабо, очевидно, потому, что *qing* одновременно передает несколько цветов.

5. Huang "желтый; золотистый". Основные переносные значения "неудачный", полит. "упаднический; низкопробный; штрейкбрехерский". *Huang* богато оттенками (*jiaohuang* "смугло-желтый", *ehuang* "кремовый цвет", *mihuangse* "бежевый цвет", *dahuangse* "густо-желтый цвет", *juhuan* "оранжевый цвет"). Среди переносных значений, относящихся к экспрессивной характеристике человека: *huanggou* "приспешник", *huangxiaor* "сопляк", *huangyatou* "соплячка", *huangrer* "молокососы"; полит. *huangxinwen* "желтая пресса", *huangwenxue* "желтая литература", *huangse gonghui* "штрейкбрехерские профсоюзы".

К пяти основным цветообразованиям примыкают и в определенной мере повторяют их семантические закономерности многие другие цветообозначения (*xi* "фиолетовый; сиреневый; лиловый; коричневый; бордо"; *lan* "голубой; синий; лазурный; зеленый", *hui* "серый", *gau* "фиолетовый; пурпурный", *chengse* "оранжевый", *hese* "коричневый" и др.).

В КЯ имеются сотни других цветообозначений, семантические и системные отношения которых представляются интересными. Основным путем передачи оттенков цветообозначений являются модификации названий основных цветов. Для уточнения цветообозначений используются морфемы интенсивности *an* "темный", *shen* "глубокий; густой", *dan* "бледный; светлый", *qian* в том же значении.

Подсистема метафорических цветообозначений

Известно, что метафоризации подвергаются прежде всего слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы, окружающие человека. К таким понятиям относятся и цветообозначения. К созданию новых метафорических цветообозначений приводит стремление при помощи слова выразить наиболее точно и адекватно описываемый цвет предмета со всеми оттенками.

В системе китайских цветообозначений используются следующие метафорические обозначения цвета:

1) по цвету растений: li "каштан" - lise "каштановый цвет"; yingtao "вишня" - yingtaose "вишневый цвет"; tao "персик" - taose "персиковый цвет"; wandou "горох" - wandise "гороховый цвет"; ganlan "олива" - ganlanse "оливковый цвет" и др.

2) по цвету минералов и металлов: yin "серебро" - yinse "серебристый цвет"; tie "железо" - tiese "стальной цвет"; danbaishi "опал" - danbaishise "опаловый цвет"; hongbaoshi "рубин" - hongbaoshise "рубиновый цвет"; zheshi "охра" - zheshise "цвет охры" и др.

3) по цвету различных веществ и продуктов: fen "порошок" - fense "розовый цвет"; jiang "соя" - jiangse "темно-коричневый цвет"; rou "мясо" - rouse "телесный цвет" и др.

Среди китайских цветообозначений встречаются и заимствованные (kaji "цвет хаки", kahong "карминовый цвет", kaifeise "кофейный цвет"; pulusilan "лазурный цвет"), но количество их незначительно.

Таким образом, цветообозначения в КЯ имеют абсолютное значение, не зависящее от субъективных оценок, но они легко вступают в ассоциативные связи, в результате чего у них развиваются как переносные значения, так и метафорические функции. Переносные значения китайских цветообозначений достаточно устойчивы и функционально дифференцированы. Семантическое развитие слова определяется историей культуры народа и его бытом. Однако на любой язык, в том числе и на КЯ, определенное влияние оказывают интернациональные тенденции, которые как бы накладываются на национальные.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Гуревич И.С. Буддизм и язык: буддийская литература – источник изучения китайского разговорного языка.....	3
Зюграф И.Т. Веньянь и древнекитайский язык.....	6
Кепинг К.Б. Китайские тексты в тангутском переводе.....	9
Морев Л.Н. Взаимоотношения между китайским и тайскими языками Китая.....	12
Пейрос И.И. К реконструкции древнейшей языковой ситуации в Китае.....	17
Решетов А.М. О языке хуэй и дунганском языке.....	19
Румянцев Е.Н. Путунхуа и диалекты в КНР: их соотношение и функции.....	22
Солнцев В.М. По поводу установления синтаксических отношений в китайском и других изолирующих языках (в сопоставлении с неизолирующими языками).....	26
П. ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ. ГРАФИКА. МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ	

Алексахин А.Н. Теория согласнo-гласной коартикуляции как обоснование оппозитивной связи согласных и гласных (на материале пекинского, шанхайского и мэйсяньского диалектов китайского языка).....	31
Антонян К.В. Овладение звуковым кодом китайского языка в рамках интенсивно-имитационного метода.....	35
Ворожцова Т.П. Об опыте использования ассоциативно-логического метода в обучении иероглифике.....	39
Дьячков М.В. К проблеме соотношения фонологических тонов и детерминант языка (на примере китайского, вьетнамского и африканских языков).....	42
Завьялова О.И. Чередование тонов и просодические типы северокайских диалектов (гуаньхуа).....	46
Карапетьянц А.М. Соразмерность графических и фонетических репрезентаций китайских слогомормем.....	50
Комарова И.Н. Особенности структуры тибетского силлабографа.....	56

Монастырский А.А. Морфология эризации в диалектах современного китайского языка и лингвистическое районирование Китая.....	60
Резаненко В.Ф. К проблеме семантико-графической структуры иероглифических знаков китайского и японского текстов.....	63
Румянцев М.К. Синтез эризованных финалей.....	64
Семенова О.В. Реализация слогов с конечными среднекитайскими сонантами в современных китайских диалектах.....	70
Соколовский А.Я. О причинах разных точек зрения на фонологию современного китайского языка.....	73
Шабельникова Е.М. Трансформация китайских слогов и их фонологические импликация.....	76
Шантанов С.К. Оптимизированная система обучения китайскому языку по интенсивно-имитационному методу в свете теории билингвизма и проблемы создания учебного коммуникативного кода.....	80
Шевенко С.М. Способ формального описания китайских иероглифов.....	84
Шевцов С.Н. Графические стили китайского иероглифического письма на современном этапе.....	89
Ш. ГРАММАТИКА: МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ	
Беликов А.А. К проблеме функций и значения суффиксов -цзы и -эр.....	97
Готлиб Н.В., Готлиб О.М. Глаголы речевой деятельности в контекстах реальной и ирреальной модальности (на материале русского, английского и китайского языков).....	101
Губарь Н.Я. О синонимии строевых элементов синтаксических конструкций в китайском языке.....	105
Ефимова С.П. О роли конструкции предложения и словосочетания при формировании синтаксических связей в современном китайском языке.....	107
Жданкин И.В. К вопросу о словообразовательной подсистеме глагольного атрибутивного типа "признак-действие".....	110

Имазов М.Х. Об удвоенных формах прилагательных в дунганском и китайском языках.....	I14
Кленин И.Д. Пятисложные термины объектно-глагольного типа в современном китайском языке.....	I18
Нгуен Ван Тхак. Некоторые замечания о частях речи в китайском языкознании.....	I22
Плам Ю.Я. К вопросу о двойной форме существования слов в языках Восточной и Юго-Восточной Азии.....	I24
Рябская М.В. Средства выделения семантического центра предикации в современном китайском языке.....	I30
Солнцева Н.В. Соотношение членов предложения и частей речи в связи с проблемой субстантивации (в китайском и языках Юго-Восточной Азии).....	I32
Софронов М.В. Смысл и ритм в современном китайском языке.....	I35
Тань Аошун. Природа морфемы 1е как грамматического показателя (к проблеме семиотики китайского языка)	I38
Хабибуллин В.А. Выражение грамматических отношений в английском и китайском языках.....	I42
Хаматова А.А. О словообразовательной концепции Хэнь Сюэяня.....	I45
Щутова Е.И. Соотношение простого и сложного предложения в современном китайском языке.....	I48
Щукин А.А. Сверхфразовые структуры в китайском тексте	I52

IV. ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Горелов В.И. Некоторые вопросы фразеологии китайского языка.....	I53
Городецкий Б.Ю. Экспериментальное исследование лексической синонимии (на материале дунганского языка)	I56
Задорожный М.И. Русские лексические заимствования в дунганском языке.....	I60
Зевахина Т.С. На пути к метафоре: семантика уподобления	I64
Зуев И.А. К философской проблематике китайской фразеологии (на примере чэньцзюв).....	I68

Ивченко Т.В. Антонимические отношения в дунганских пословицах.....	171
Карапетьянци А.М., Обухова Н.В., Поликарпов А.А. Словарь современного китайского языка "Сяньдай ханьюй цидянь" (1979) как источник лексико-типологической информации.....	173
Кузнецова Т.И. Об одной особенности синонимов в современном китайском языке.....	177
Никитина Т.Н. Слово в древнекитайском языке: полисемия и омонимия.....	180
Прядохин М.Г. Проблема омонимии и количественная норма слова в китайском языке.....	183
Семенас А.Л. О применении компонентного анализа при описании китайской лексики.....	186
Фролова О.П. Семантическая группа цветообозначений в китайском языке: системные отношения.....	190